Е. Н. Пушков

ЕЩЁ О ПРАВОСЛАВИИ

Вопросы авторитета в трех христианских течениях, исторические корни баптизма, библейский канон, духовное единение, краткий обзор всей книги А. Кураева «Протестантам о Православии»

Оглавление

Вместо предисловия ... 1
Три течения в христианстве ... 3
Вопрос авторитета в трех христианских течениях ... 4
Исторические корни баптизма ... 7
Библейский канон ... 15
Маленькое отступление от темы ... 21
Библия и икона ... 23
«Обожение» и его связь с иконопочитанием ... 35
Почитание святых в православии ... 38
Литургия ... 49
Вселенские соборы ... 59
Зрелое православное богословие ... 72
Человек — венец творения ... 82
Спасение (сотериология) ... 86
Юридическое понимание спасения ... 90
Популярное, народное православие ... 96
Краткий обзор всей книги А. Кураева «Протестантам о Православии» ... 101
Православие и национализм ... 118
Духовное единение ... 129

Вместо предисловия

В сентябре 2008 года на общении христианской молодежи в г. Челябинске присутствовал молодой человек, который очень внимательно слушал исполнение гимнов во славу Бога хором *асаррепа,* песнопений в сопровождении оркестра русских народных инструментов и декламирование духовных стихов. Но особенно его привлекла живая евангельская проповедь о спасении в Иисусе Христе,

основанная на Священном Писании. Его мысль сосредоточенно работала и тогда, когда он слышал ответы на различные вопросы по Библии, задаваемые слушателями. После общения, во время которого более тридцати юношей и девушек в молитве покаяния обратились к Господу, он подошел ко мне и попросил уделить ему время для личной беседы. Искренность богоискания, солидная не по возрасту эрудиция в богословских вопросах расположили к нему мое сердце. Оказывается, он прочитал мою книгу «Не смущайся!», которая была апологетическим ответом на категоричное заявление бывшего студента Христианского университета Сергея Кобзаря, выраженное в его труде «Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом ».

Мой собеседник назвал себя старообрядцем. Сначала он несколькими аргументами желал убедить меня, что старообрядчество было ближе к истине, чем православие. Я напомнил ему слова В. Г. Белинского, обращенные к Н. В. Гоголю:

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов, — что Вы делаете?!! Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут?! Что Вы нашли общего между Ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину Своего учения.

<...> Религиозность не привилась в нем [в русском народе. — *Е. П.]* даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерца-тельностию, — ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством.

<... > Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжко зрелище угнетения чуждых ему людей, — тот носит Христа в груди своей[1].

Далее я напомнил собеседнику, что старообрядчество раскололось на множество (более 30) толков. Он подтвердил, что знает об этом и очень смущен.

Движение старообрядцев мне было хорошо знакомо, так как моя теща во время отсутствия священнослужителя в селении была наставницей. Она более трех лет удерживала мою жену от принятия крещения по вере у баптистов, но потом и сама после долгих колебаний и покаяния приняла крещение по образцу, преподанному Иоанном Крестителем (Мф. 3:1-18).

В конце беседы мой собеседник со смущенной улыбкой произнес: «Наверное, и я уже — полубаптист, но хочу выразить несогласие с некоторыми утверждениями в вашей книге».

На следующий день мне передали несколько бесед Иоанна Златоуста последнего периода его жизни (23 печатных листа), в которых три раза упоминается Апокалипсис Иоанна Богослова. Мой оппонент этим беседам дал такое заглавие: «Опровержение ложного мнения некоторых, что святой Иоанн Златоуст никогда не ссылался на Апокалипсис». Это возражение, а также присланное мне ранее

увещание довольно эрудированной христианки из города Пензы, в котором она, указывая на не совсем точное употребление мной греческих слов, просила не распространять мою книгу «Не смущайся!» или переиздать ее с поправками, побудили меня еще раз написать о православии.

Я не хотел бы подвизаться в роли судьи или критика воззрений православных христиан, так как каждый человек имеет право на свои убеждения, но очень желаю быть защитником истины Христовой, изложенной в Библии. Тридцать восемь лет являясь благовестником Евангелия в евангельско-баптистском братстве, испытав запреты, угрозы и узы со стороны атеистов, я с великой скорбью констатирую факты препятствий проповеди Евангелия со стороны православных иереев и настроенных ими против нас прихожан. Эти действия, а также книги апологетов православия, направленные против евангельских христиан, утвердили во мне решимость снова взяться за перо и поведать истину о спасении, совершенном Иисусом Христом на голгофском кресте.

Е. Пушков

Три течения в христианстве

Апологеты православия в один голос заявляют, что преемственность в нем берет начало от самих апостолов. Впрочем, в первые три века, во времена гонений на христиан, эпитет «православный (или ортодоксальный) христианин» не был широко распространен, так как Церковь, в основном, стояла в истине Христовой и была независима от государства. Он начинает активно употребляться с IV в. для описания тех, кто разделял принятое Церковью учение, в противоположность ереси. Со времен императора Константина, пришедшего к власти в 312 году и давшего христианству сначала равноправие с язычеством, а потом и приоритет перед ним, также активно используется термин «католическая (или всеобщая) церковь», так как Церковь тогда претендовала на роль единой или всеобщей во всей Римской империи.

С переносом столицы в «новый Рим» — Константинополь (330 г.) между патриархами старого и нового Рима начинается противостояние. Оно особенно усиливается, когда римский епископ начинает претендовать на главенствующую роль среди других архиереев. Этому, в частности, способствовало падение Западной Римской империи под натиском варваров в V в., после чего римский епископ становится самой значимой политической фигурой на Западе. Позднее, уже в IX в., папа римский короновал Карла Великого в качестве императора Римской империи. Противоречия между Восточной и Западной церквями становились все глубже, но Восток и Запад все еще являлись частями одной и той же Церкви. Вселенские соборы 325 — 787 гг. были общими, разногласия пока не привели к полному разрыву.

В 998 году Русь приняла христианство от Церкви, которая называлась и православной, и католической. Окончательный разрыв между Восточной и Западной церквями произошел лишь в 1054 году. Для урегулирования очередного конфликта между Римом и Константинополем папой Львом IX в Константинополь были посланы римские легаты во главе с кардиналом Гумбертом. Взаимопонимания достигнуть не удалось, и 16 июня 1054 года, когда

константинопольский патриарх Михаил Керуларий в Софийском соборе готовился совершить Евхаристию, Гумберт положил на алтарь составленный им приговор об отлучении «еретика Михаила Керулария и всех его последователей», вышел из собора, отряхнул пыль от ног и отправился в Рим. В ответ 20 июня патриарх предал римских легатов анафеме. После этих событий примирение между Восточной и Западной церквями больше уже никогда и не было достигнуто.

Отделившаяся от Запада Восточная церковь стала преимущественно именоваться православной, хотя в отношении нее также используется и термин «кафолическая» (византийский вариант произношения слова «католическая», применяемый, чтобы не было путаницы с Римской католической церковью). Когда православные иереи обзывают нас сектантами за то, что в 1520 году протестанты отделились от отступившей от истины Римской церкви, мы смело можем сказать, что они поступили точно так же, только на 466 лет раньше. Так образовалось православие.

Протестантизм берет свое начало от Реформации. Реформация — это религиозное движение XVI в., направленное против жестокостей и мертвых форм католицизма. Результатом Реформации явилось новое христианское вероисповедание — протестантизм. Основные требования Реформации — возврат к евангельским принципам, упразднение прибавлений к учению Иисуса Христа, протест против крайнего формализма и безжизненности, против жестокого деспотизма над умами, против насилия и денежных вымогательств со стороны папской власти.

Началом Реформации в Германии считается либо 1517 год, когда Мартин Лютер прибил к вратам Виттенбергского собора свои 95 тезисов против индульгенций и всего того «богословия», которое к ним привело, либо 1520 год, когда он публично сжег папскую буллу о своем отлучении от католической церкви. В Швейцарии во главе реформаци-онного движения стоял Ульрих Цвингли. После того как в 1518 году по его настоянию был изгнан продавец индульгенций, последовал ряд реформ: были упразднены иконы, алтари, обедни; упразднены монастыри; епископат был заменен пресвитериями и синодами; признавались только два таинства: крещение и евхаристия (хлебопреломле-ние). В таинстве евхаристии освященные хлеб и вино не считались пресуществленными в Тело и Кровь Христа, но рассматривались как знаки или образы Его Тела и Крови.

Вопрос авторитета в трех христианских течениях

Каждое из вероисповеданий, конечно же, претендует на истинность. Вопрос, заданный Пилатом Иисусу — «Что есть истина?» — волновал человечество до Христа, при Христе, волнует и в настоящее время. Перед тем как ответить на этот вопрос, необходимо определить, кто имеет право устанавливать истину. Я на всю жизнь запомнил совет, данный мне одним из профессоров: «Хочешь докопаться до истины — найди первоисточник». Для евангельских христиан единственным авторитетным первоисточником истины является Священное Писание. Библия — это откровение, данное людям Самим Богом через пророков и апостолов Иисуса Христа. Вопрос авторитета — это первое, с чего надо начинать формирование богословия. Только Библия, только вера, только Иисус Христос — вот авторитетное основание протестантской догматики от Мартина Лютера до

современных евангельских христиан-баптистов. Все учения так называемых отцов Церкви (патристика), постановления вселенских соборов и другие составные части православного и католического Предания нужно рассматривать через призму Священного Писания: что с ним согласуется, то нужно принимать, что противоречит — подлежит отвержению.

Еще Тертуллиан в своем труде «Опровержение еретиков» решительно заявил, что Писание принадлежит Церкви. Церковь пользовалась Библией на протяжении нескольких поколений. Если изначально Церковь не имела всего Писания, теперь оно принадлежит ей полностью. «Правом истолкования Писания обладает только Церковь» — вот мнение Тертуллиана[2]. Из высказываний Тертуллиана вытекает очень важный вывод: жизнь Церкви неразрывно связана со Священным Писанием. Христос сказал: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). И до создания Церкви Бог уже подарил людям первую часть Библии — Ветхий Завет, который более чем за два века до Рождества Христова был переведен с древнееврейского на греческий язык. Название этого перевода — Септуагинта. Потом первая часть Библии была дополнена Новым Заветом. Церковь в первые три века гонений устояла потому, что не отступила от библейского канона.

Для католиков авторитетом обладает церковная иерархия, прежде всего, в лице римского папы, что ярко проявилось в принятии в 1870 г. догмата о том, что папа непогрешим при официальном провозглашении им учения, касающегося веры или нравственности.

На каком же авторитете основывается православное богословие? Это очень сложный для понимания вопрос. С одной стороны, православные богословы правильно отмечают, что Христос основал Церковь не на апостоле Петре и его преемниках, римских епископах, как учат католики, но на вере Петра. С другой стороны, они подчеркивают значимость Предания.

Из трудов церковных авторов II — III вв. (Юстин, Аристид, Татиан, Маркион, Тертуллиан, Ириней Лионский, Климент Александрийский и др.) видно, что у них были разные убеждения. Более того, как писал Ириней Лионский: «Ошибка никогда не предстает в обманном виде, дабы не быть раскрытой. Наоборот, она облачается в элегантные одежды, чтобы опрометчивый человек верил, что она заслуживает большего доверия, чем сама истина»[3]. Из всего этого разнообразия мнений и формировались церковные предания. Среди них более значимыми являются творения так называемых отцов Церкви, но без Библии ориентироваться во всех этих преданиях было бы совершенно невозможно.

Слово «Предание» православные богословы обычно пишут с большой буквы. Что же в Предание входит? С. Кобзарь в своей книге: «Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом» пишет:

Если говорить конкретно, в чем выражается Священное Предание, то это следующее:

1. Решения соборов Церкви.
2. Писания отцов Церкви.
3. Апостольские правила.
4. Евангелия и послания ранней Церкви, не вошедшие в канон.

5. Описание жизни и смерти апостолов и других христиан.
6. Духовный опыт и учение святых.
7. Символы, принятые христианами.
8. Храмы.
9. Иконы.
10. Литургия.
11. Обряды и утварь храмов.
12. Церковные и бытовые обычаи[4].

Список, прямо скажем, солидный. Сейчас православные богословы и писатели домудрствовались до того, что в один голос заявляют: «Библия несамодостаточна». Если для них Священное Писание не является конечным авторитетом для формирования богословия, то, может быть, за авторитет стоит принять какой-нибудь из приведенных выше двенадцати пунктов Предания? Православные богословы и это отрицают. Эрудированный защитник православия диакон Андрей Кураев в своей книге «Протестантам о Православии»[5] благоразумно не сортирует перечисленные выше пункты Предания по степени значимости. Западный богослов и историк Дональд Ферберн дает такое объяснение православному Преданию: «Это не собрание авторитетных текстов, а жизнь, которая поддерживает и направляет сакраментальный (основанный на таинствах) организм, каким является Церковь»[6]. Впрочем, Агиоргусий, современный греческий богослов и философ, живущий в Америке, прошедший путь от православного священника до митрополита, утверждает, что «доминирующими формами выражения Предания являются Писание, учение отцов, постановление Вселенских и поместных соборов, Божественная Литургия, а также архитектура и иконография Церкви»[7]. Нам отрадно осознавать хотя бы то, что Писание ставится на первое место, но как уже отмечалось, у православных оно не является самодостаточным, единственным авторитетом.

Православие также иногда называют «Церковь семи соборов». Может быть, кто-то склонен считать, что для православных христиан источником авторитета в установлении доктрин являются соборы. Однако ни одному из соборов православная церковь не приписывает права установления истины заранее, до проведения собора, так как ни одно соборное решение не имело статуса обязательного до тех хор, пока не было принято всеми церквами, пославшими на собор своих епископов. Так что из множества соборов, часто весьма представительных по составу участников, вселенскими были признаны только семь.

Современный православный богослов, живущий в Америке, Иоанн Мейендорф заявляет:

«Отсутствие в православной экклексиологии ясно определенного, отчетливого и неизменного критерия истины, за исключением Самого Бога, Христа и Святого Духа, безусловно, является одним из наибольших различий между православием и всеми другими учениями о церкви»[8].

Далее мы более подробно познакомимся с некоторыми из составляющих Предания, а пока отметим, что даже при беглом рассмотрении становится ясным, что православие — это авторитет без авторитетов. Ссылка на то, что Бог, Христос и Святой Дух являются критериями истины, неубедительна, так как триединый Бог

все уже сказал в Священном Писании, а оно у православных не считается самодостаточным.

Наверное, православным неприятно будет выслушать мнение В. С. Соловьева, который сейчас признан гением общечеловеческой мысли, но истина того требует: «Православная церковь, — пишет он, — находится под игом государства, преклоняется перед ним, Божие предает кесарю (идя путем так называемого кесарепапизма). И потому иссяк в ней дух живого творчества в области догматической. Оно пресеклось со времени седьмого вселенского собора». «Во время одной своей публичной лекции в Москве В. С. Соловьев высказал мысль: "Если католицизм есть авторитет без свободы, если протестантизм есть свобода без авторитета, то православие не имеет ни того, ни другого — в нем царит анархия. Восток — православный в богословии и не православный в жизни"»[9].

Исторические корни баптизма

Первая книга о православии, «Не смущайся!», была написана мной как ответ на смутившую некоторых неутвержденных в Священном Писании книгу диакона С. Кобзаря «Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом». Дальнейшее исследование православия я хотел бы продолжить, следуя по страницам книги «Протестантам о Православии» диакона Андрея Кураева, одного из лучших апологетов православной веры в современной России. Московский патриархат в аннотации дает такой отзыв о его труде: «Эта книга является лучшим введением в мир внутрихристи-анских дискуссий».

Поскольку сделана заявка на дискуссию, то я буду писать с точки зрения евангельского христианина-баптиста, которым я являюсь с 1967 года. Мои мнения будут совпадать с мнением подавляющего большинства моих братьев и сестер по вере в Иисуса Христа, поэтому прошу позволения вместо местоимения «я» иногда употреблять «мы». Это облегчит ведение дискуссии, да и сам А. Кураев в предисловии своей к книге «Протестантам о Православии» говорит:

Под «протестантами» в этой книге понимаются не наследники Реформации, не немецкие лютеране, не кальвинисты и не англикане. Речь идет о тех гораздо более поздних неопротестантских образованиях, которые, как правило, возникли уже в Америке и оттуда сейчас рванулись к нам в Россию. Соответственно слово «протестант» в этой книге означает именно тех людей, которые под этим именем чаще всего встречаются жителю современной России: это баптисты, адвентисты, пятидесятники[10].

Чуть раньше А. Кураев пишет:

Протестанты взращивают в русских людях отторжение от той духовной традиции, что тысячелетие вдохновляла все лучшее, что было в русской культуре и в русской истории... Жителей России они учат дружно скандировать: «Спасибо тебе, Америка, за то, что ты есть»[11].

В этих словах проявляется антипатия «студента кафедры научного атеизма МГУ»[12], которым был А. Кураев, к Америке, привитая многим людям в советское время. Нет, Андрей Вячеславович, мы не скандируем: «Спасибо тебе, Америка»,

а наоборот обеспокоены проникновением либерализма, неопятидесятничества и искаженного кальвинизма в наши страны.

Нам нравится ваше заявление: «Чтобы человек мог сделать действительный свободный выбор — он должен знать не только критику православия сектами (от толстовцев и рериховцев до пятидесятников), но и обоснование православной мыслью (да, мыслью, мыслью, а не просто "традицией") особенностей православного мировоззрения и практики»[13]. Мы за то, чтобы рядовые православные стали вдумчиво читать, прежде всего, Евангелие, чтобы они имели глубокую веру в Бога и Единственного Спасителя Иисуса Христа, чтобы не вышло такого казуса, как однажды на нашем благовестии: священник пытался настроить против нас прихожан, и один из них, пошатываясь от большой дозы алкоголя, кричал что есть силы: «Православные, не верьте этим баптистам, они все врут — никакого Бога нет!»

Но обратимся к истокам баптизма. Деятели Реформации — М. Лютер, У. Цвингли, Ж. Кальвин — не смогли довести реформу до конца. Церковь не получила независимости, она осталась соединенной с государством, хотя это был уже не Рим, а национальные государства, стремящиеся выйти из-под экономической, религиозной и политической власти Рима. Жан Кальвин предпринял попытку создать в Женеве теократическую общину. Церковь вроде бы стояла над государством, но столкнулась с еще большей трудностью: ей пришлось взять на себя карательные функции. Заповедь «не убивай» стала неисполнимой. И лютеранство, и кальвиновская Реформатская церковь продолжали придерживаться детокрещения. Положительным в Реформации было то, что она открыла народу доступ к Библии и провозгласила спасение по вере в Бога.

Квинтэссенцией протестантизма оказался баптизм. Баптистом становится христианин, покаявшийся во грехах, рожденный свыше, принявший крещение по вере погружением в воду. Уже современники М. Лютера и У. Цвингли — Конрад Гребель, Георг Блаурок, Валтасар Губмайер —заявляли, что и в отношении образа крещения нужно вернуться к евангельским истокам, но поддержки у государственной церкви они не нашли. Тогда бывший священник Георг Блаурок принимает крещение 21 января 1525 года в фонтане на площади г. Цюриха. Крестил его Конрад Гребель. В 1535 году крещение по вере принимает католический священник Менно Симоне. Его последователи стали называться меннонитами, и от них крещение по вере впоследствии, в XIX веке, будут принимать украинские штундисты. Так называли тех, кто приходил к меннонитам на час молитвы (по-немецки «час» — *stunde).* И католики, и лютеране, и кальвинисты с насмешкой стали называть анабаптистами (перекрещенцами) всех тех, кто по вере принимал крещение во второй раз.

Прежде чем продолжить исследование данного вопроса по Евангелию, необходимо рассмотреть мнение анабаптистов по вопросу крещения детей. Хусто Гонсалес в «Истории христианства» пишет:

Компромисс между церковью и государством, достигнутый в результате обращения Константина, сам по себе был предательством раннего христианства. Истинное повиновение Писанию требует, чтобы начатая Лютером Реформация пошла гораздо дальше рамок, установленных этим реформатором. Церковь не надо путать с обществом в целом. Коренное различие заключается в том, что членом общества человек становится просто-напросто в силу факта своего

рождения в нем, не требующего принятия решения с его стороны, тогда как членом церкви он может стать, только самолично приняв данное решение. Исходя из этого, крещение младенцев недопустимо, так как оно подразумевает, что человек становится христианином просто потому, что он родился в обществе, считающемся христианским. Это делает необязательным принятие личного решения, в котором и заключается суть христианской веры[14].

Анабаптисты представляли церковь добровольным сообществом, полностью независимым от гражданского общества. В 1525 году их начали карать смертной казнью в католических районах Швейцарии. В следующем году этому примеру последовал городской совет Цюриха. За несколько месяцев гонения охватили Швейцарию и Германию. Хусто Гонсалес пишет:

Мученическую смерть приняли многие, возможно даже, что погибло больше людей, чем за три столетия гонений до эпохи Константина. В разных местах и странах и в разных случаях анабаптистов казнили по-разному. Одних с садистским юмором топили в воде. Других сжигали на костре, как и еретиков в предшествующем веке, третьих пытали до смерти или четвертовали. Рассказы о героических поступках во время этих бесчинств заняли бы несколько томов, и, тем не менее, ужесточение гонений лишь способствовало росту анабаптистского движения.

<...> Менно Симоне, католический священник, стал анабаптистом в 1536 году... Он вступил в Нидерландское анабаптистское братство, и, в конечном счете, его последователей стали называть «меннонитами». Меннониты подвергались таким же преследованиям, как и анабаптисты, но Менно Симоне... многие годы ездил по Нидерландам и Северной Германии, проповедуя свою веру и ободряя своих последователей. Он был убежден, что пацифизм является неотъемлемой частью истинного христианства, и не хотел иметь ничего общего с революционно настроенными анабаптистами. Он также полагал, что христианин не имеет права присягать кому бы то ни было и, следовательно, занимать посты, требующие присяги. Но христианин обязан подчиняться гражданским властям, если предъявляемые ему требования не противоречат Писанию. Крестить можно только взрослых, публично заявляющих о своей вере... Но ни этот обряд, ни обряд причащения не даруют благодати, они являются лишь внешними признаками внутреннего общения между Богом и верующим...

Хотя неучастие в антигосударственной деятельности было их принципиальной позицией, многие правители считали меннонитов подрывными элементами, поскольку те отказывались от присяги и военной службы. По этой причине их изгнали в Восточную Европу, в частности, в Россию[15].

Для более полного представления об анабаптистах приводим в некотором сокращении статью благословенного служителя евангельско-баптист-ского братства, страдальца за веру Павла Иванова Клышникова.

Валтасар Губмайер, вождь анабаптистов[16]

«Они... не возлюбили души своей даже до смерти». *Отк. 12:11*

10 марта 1528 года в городе Вене в Австрии после тяжких пыток был сожжен на костре в возрасте 47 лет Валтасар Губмайер, один из вождей анабаптизма.

Вопрос о том, является ли анабаптизм в целом предшественником баптизма или нет — вопрос спорный. Но независимо от его решения, можно определенно сказать, что Валтасар Губмайер по своим убеждениям и целям является чистым баптистом, и умер за принципы баптизма, которые он отстаивал в течение своей краткой жизни...

Отличительной чертой их [анабаптистов. — *Е. П.]* было то, что они не признавали действительности принятого ими в детстве крещения и по вере в Иисуса Христа принимали крещение вновь в сознательном возрасте. Большинство анабаптистов было мирно настроено, подчиняясь законам страны и не требуя ничего больше, кроме возможности служить Богу согласно своих убеждений. Главным пунктом их учения было понимание того, что плоть и кровь не могут наследовать Царства, чтобы войти в него, нужно быть рожденным снова. Такой взгляд анабаптистов на сущность христианства привел их к особому учению о Церкви. Церковь, как внешнее воплощение Царства Божьего, должна быть, насколько это возможно в человеческих условиях, составлена из тех только, кто возрожден от Духа, кто сделался жизненно единым с Христом через веру и продолжает жить в таком единении с Ним, чтобы приносить плоды Духа. Такая Церковь не может существовать, если она управляется князем; поэтому анабаптисты настаивали на отделении светского от духовного, или, как мы говорим ныне, Церкви от государства. Гражданские власти, по мнению анабаптистов, не должны вмешиваться в дела религии; они выполняют свои обязанности, защищая мирное население и наказывая преступников; для них они носят меч и являются слугами Божьими.

Далее анабаптисты утверждали, что вхождение в церковь должно быть добровольным делом отдельных личностей. Они отрицали детское крещение, во-первых, потому, что не находили в Слове Божьем для этого оснований и примеров, а во-вторых, потому что оно является произвольным исполнением со стороны других того, что составляет право и обязанность каждого верующего по отношению к самому себе. Как акт, выполняемый без веры крещаемого, детское крещение является недействительным; в силу этого они всегда отрицали название анабаптистов (перекрещенцев) и заявляли, что это является несоответствующим для них именем, так как они признавали только единственное действительное крещение — крещение верующих и что крещение неверующего совсем не является крещением, но пустой и ничего не значащей формой. Губмайер по этому поводу говорил: «Одно погружение в воду само по себе не является крещением, иначе на всем Дунае постоянно происходило бы крещение и все рыбаки и лодочники крестились бы ежедневно».

Валтасар Губмайер родился в Фридсбурге в Южной Германии в 1480 году. Он своими силами достиг тщательного образования. В 1511 году он получил степень магистра искусств в Фридсбург-ском университете, а в следующем году получил степень доктора богословия. С 1512 года по 1516 год он был преподавателем университета в Ин-гольдштате, и с 1515 года был ректором этого университета. В 1516 году он был приглашен проповедником и священником кафедрального собора в Регинсбурге на Дунае, политическом центре того времени. Он сильно повлиял на население города своими проповедями в течение 7 лет. В то время он был католиком.

Около 1522 года под влиянием лютеровских трактатов он постепенно воспринял протестантскую точку зрения. В октябре 1523 года в городе Цюрихе в Швейцарии

он открыто заявил себя протестантом. С 1523 по 1525 год он был пастором протестантской церкви в Вальдсгуте и обратил в протестантство почти все население города и окрестностей. Он подчеркнул свой уход из католичества женитьбой на Елизавете Гюхлейн, которая с редкой верностью и мужеством разделила дальнейшую его судьбу.

В начале 1525 года в убеждениях Губмайера произошло новое резкое изменение. Он воспринял взгляды анабаптистов, был крещен на Пасху этого года в Вальдсгуте и немедленно сделался усердным пропагандистом анабаптистских воззрений. Преследования анабаптистов в то время были уже в полном разгаре, Губмайер был принужден бежать из Вальдсгута и направился в Цюрих, где в то время власть фактически принадлежала реформатору Цвингли. Здесь к стыду Цвингли он был схвачен, заключен в тюрьму и пытками был принужден к отречению от своих взглядов на недействительность детского крещения. Под влиянием невыносимых физических страданий он отрекся и получил возможность удалиться в Никольсбург в Моравии, при этом он горько раскаивался в своей слабости. Здесь с июля 1526 года по июль 1527 года он мужественно возобновил свою проповедь великих анабаптистских принципов о свободе совести, об отделении Церкви от государства, о духовной церкви, состоящей только из крещенных верующих, и о символическом характере крещения и преломления хлеба. Евангельское учение в то время имело уже широкое распространение в Моравии и подготовило почву к анабаптизму. Проповеди Губмайера были поразительны. В течение одного года своего пребывания в этой провинции он крестил всех евангельских вождей и двух князей Лихтенштейн. Шесть тысяч душ присоединились к анабаптистам в один этот год, и многие судьи и знатные люди начали с интересом слушать красноречивого проповедника и реформатора.

Неудивительно, что народ любил его, а враги боялись, так как он был высокообразованный человек, преданный христианин, знающий Священное Писание больше своих современников, красноречивый проповедник, ясный и сильный писатель, влиятельный вождь, который, если бы была дана к тому возможность, мог бы изменить всю историю Европы и Реформации. Но Фердинанд Австрийский, который сделался королем Богемии и Моравии, решительно потребовал от князей Лихтенштейн, чтобы они выдали ему Губмайера. Сопротивление было невозможно, и в июле 1527 года Губмайер и его жена были заключены в австрийскую тюрьму. В течение 9 месяцев они были в разных тюрьмах, страшных, холодных, в полном одиночестве, больные, время от времени жестоко мучимые пытками. Эти физические мучения чуткий Губмайер не мог переносить, и он снова колебался, но при последних испытаниях пытками, при допросах, направленных к уличению его в измене австрийской государственной власти, он твердо отстаивал свои воззрения о духовном характере Церкви, о детском крещении и о Вечере Господней. Поэтому 3 марта 1528 года он был приговорен к сожжению на костре. Несмотря на сильное принуждение исповедаться перед священником и получить последние дары церкви, он решительно отказался сделать это.

10 марта 1528 года в Вене он был выведен на казнь, причем жена призывала его к мужеству. Он остался твердым до конца, «как неподвижная скала», по выражению одного из врагов его. Он просил прощения у всех, кого он мог оскорбить, и сказал, что прощает всем, кто причинил ему вред. Он умер среди пламени костра, призывая имя Иисуса.

Три дня спустя его мужественная жена была утоплена в Дунае. За что они умерли? Они умерли за идеалы духовной Церкви, состоящей только из верующих, за чистое Евангелие Нового Завета, за непосредственное общение душ с Богом, за свободу совести и за отделение Церкви от государства.

Интересно привести личный рассказ Губмайера о своем собственном обращении. Губмайер рассказал: «Меня поразили слова Господа: "Исследуйте Писания". Он не сказал: "Следуйте старым обычаям". Между тем я ничего более не делал, когда я был католиком. Однако я делал это в неведении. Подобно другим, я был слеп и руководился человеческим учением, поэтому я открыто исповедую перед Богом и перед всеми людьми, что в то время я сделался доктором богословия и несколько лет преподавал между вами повсюду, и все-таки не знал пути к вечной жизни. Лишь два года тому назад Христос впервые вошел в мое сердце, чтобы в нем расти. Я никогда не проповедовал в Нем так смело, как ныне по милости Божией. Я плачу пред Богом о том, что я утерял так много времени. Я искренно прошу Его о прощении».

Основные воззрения Губмайера были выражены им в 18 пунктах:

1. Только вера оправдывает нас пред Богом.
2. Эта вера есть познание о любви Божией, которую Он проявил, послав нам Своего Единородного Сына. Этим опровергаются все ложные христиане, которые имеют только одну «историческую» веру в Бога.
3. Эта вера не может оставаться мертвой, но должна обнаружить себя в отношении к Богу — в верности, в отношении к ближним — в делах братской любви. Этим опровергаются все обряды и церковные церемонии, кондаки, ирмосы, тропари, акафисты, святая вода и пр.
4. Только те дела являются добрыми, которые Господь повелел делать, и только те являются злыми, которые Он запретил. Поэтому отпадает учение о рыбе, мясе (то есть, о постах) и пр.
5. Вечеря Господня не является таинством, но воспоминанием о смерти Иисуса Христа.
6. Когда это воспоминание празднуется, смерть Господня должна быть проповедуема на родном языке, понятном всем верующим.
7. Иконы для человека бесполезны, поэтому расходы на сооружение икон из дерева и камня должны быть направлены на помощь живым нуждающимся образам Божиим.
8. Так как христианин верует и принимает крещение для самого себя, поэтому он имеет право на основании Священного Писания судить, правильно ли священнослужитель подает ему хлеб и вино.
9. Так как Христос один умер за наши грехи, и все мы крещены единственно в Его имя, то мы только одного Его должны называть Ходатаем и Посредником. Поэтому отпадают все путешествия к святым местам.
10. Лучше объяснить один стих из псалма на разговорном языке, понятном народу, чем спеть целых пять псалмов на иностранном языке, не понятном для народа.
11. Все учения, которые не Сам Господь насадил, бесполезны, осуждены и должны быть искоренены.
12. Час приходит и уже пришел, когда никто не может считаться священником, кроме тех, кто проповедует Слово Божье.
13. Обязанностью членов церкви, которым ясно проповедано чистое Слово Божье, является доставлять пропитание и одежду служителям церкви.

14. Кто верит в чистилище — надежду тех, чей бог чрево, тот ищет могилу Моисея: она никогда не может быть найдена.
15. Запрещать служителям церкви жениться значит освободить Варавву и приговорить к смерти Христа.
16. Кто из-за мирских благ отрицает Слово Божье или же молчит о нем, тот продает благословение Божье, как Исав продал первородство, и будет отвержен Христом.
17. -18. Кто не зарабатывает хлеб свой в поте лица своего, тот осужден и недостоин того, чтобы иметь пищу. Этим самым осуждаются все лентяи, кто бы то ни был.

В заключение приведем рассказ очевидца о кончине Валтасара Губмайера.

10 марта 1528 года Губмайер был выведен на казнь. Его жена, которая, по словам врагов «упорствовала в той же ереси более твердо, чем ее муж», побуждала его к твердости и мужеству. Когда он был приведен на место казни, он время от времени повторял для утешения самого себя стихи Священного Писания и оставался до конца «твердым в своей ереси, как неподвижная скала». Его сопровождал вооруженный отряд и большая толпа, и когда он вошел на верх груды хвороста, он возвысил голос и закричал: «О благой Господь, прости мои грехи при этом моем великом мучении! Мой Отец, я благодарю Тебя, что Ты сегодня берешь меня из этой долины слез. С радостью я умираю и иду к Тебе. О Агнец, взявший на Себя грех мира! О Боже, в руки Твои предаю душу мою!» Народу он сказал: «Дорогие братья, если я оскорбил кого-нибудь словом или делом, простите мне ради милующего Бога. Я прощаю всем, кто причинил мне вред!» Когда с него сняли одежду, он сказал: «С Тебя также, Господь, была сорвана одежда. Мои одежды я с радостью оставляю здесь, лишь бы сохранить дух и душу!» При этом он прибавил по-латыни: «Господи, в руки Твои предаю дух мой». Когда дрова были зажжены и он увидел огонь, он сказал громким голосом: «О мой Небесный Отец, мой любящий Бог!» Когда волосы его и длинная борода загорелись, он закричал: «О Иисус, Иисус!» и затем, задушенный дымом, он испустил дух. Тот, кто рассказывал о его смерти, человек, настроенный к нему враждебно, добавляет, что он видел больше радости, чем страданий в этом живом свидетельстве веры ценою жизни.

Три дня спустя его преданная жена с большим камнем, привязанным к шее, твердо отстаивая свою веру, была брошена в воды Дуная.

Так закончилась жизнь и деятельность этого выдающегося человека. В католическом «индексе» Губмайер упоминается рядом с Лютером, Цвингли и Кальвином, как один из четырех глав и вождей «еретиков». Однако в позднейшее время имя Губмайера было забыто, во-первых, вследствие того, что движение анабаптизма было вскоре безжалостно задушено в крови и что молчаливое соглашение протестантских и католических историков осудило Губмайера и его последователей на забвение. Однако личность Губмайера чрезвычайно ярка, он должен быть поставлен на одном уровне с Лютером, Цвингли и Кальвином по характеру, по образованности и по красноречию, но далеко превосходил их по внутреннему проникновению и по дальновидности; он был пионером учения о духовности Церкви по религиозной свободе, будучи по крайней мере на 300 лет впереди своего времени. Лютер и Кальвин умерли обычной смертью, Цвингли пал в битве, только Губмайер получил венец мученический.

Теперь обратимся к Евангелию, где найдем твердое основание для крещения взрослых по вере. В Послании к ефесянам апостол Павел пишет: «Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4:5). Слава Богу, православные с нами согласны, что Бог един: Отец, Сын и Святой Дух и один Господь Иисус Христос, Спаситель мира. Одна вера, но какая? — Божья, спасающая.

Библия и Евангелие, как мы отмечали ранее, появились до православия. Богу угодно было, чтобы библейский канон завершила книга Откровения Иоанна Богослова, так что последние слова Библии: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» (Отк. 22:18-19). Православные настаивают, что эти слова относятся только к Откровению. Однако важно понять, что стоящий за ними принцип применим к Библии в целом — Бог ничего не забыл сказать в Библии, забывчивость не свойственна Богу, Он также не сказал ничего лишнего. Мы считаем, что это и есть единая Божья вера. Если же люди дерзают что-то прибавить к Священному Писанию или убавить, то Божья вера превращается в человеческую, а таких вер очень много. Еще в Ветхом Завете пророк Исайя писал: «И стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного, — так что они пойдут, и упадут навзничь, и разобьются, и попадут в сеть, и будут уловлены» (Ис. 28:13).

Одно крещение, но какое? А. Кураев пытается упрекнуть баптистов, что они нарушают Никео-Цареградский Символ веры — «исповедую единое крещение» — особенно, когда перекрещивают крещенных в детстве. Но Священное Писание под словами «одно крещение» имеет в виду тот образ крещения, который был установлен Иоанном Крестителем и которым крестился Христос. Вот это крещение: «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской, и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:1-2). «Крещение» по-гречески — баптисма, поэтому Иоанн назван Крестителем (по-гречески —баптистэс). Баптисты — это не новая секта из Америки, как пытается убедить незнающих А. Кураев. Основанием догматики баптизма является евангельский первоисточник. Нужно обратить внимание, что Иоанн Креститель до крещения требовал, чтобы люди покаялись. Это видно из 5-го и 6-го стихов этой же главы: «Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои». Крещение происходило в естественном водоеме (Иордане), а не в купели, а до крещения исповедовались грехи. Фарисеев и саддукеев, не желавших каяться, Иоанн назвал «порождения ехиднины» и до крещения не допустил (Мф. 3:7-8). Всем ясно, что только разумный человек может исповедовать свои грехи, а не младенец.

Христос пришел из Галилеи на Иордан к Иоанну, чтобы принять крещение. Иоанн смутился, так как безгрешному Христу не нужно было исповедовать грехи, но Христос пришел утвердить именно такой образ крещения, сказав Иоанну: «Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3:15). Вот она правда! Вот оно одно крещение!

Библейский канон

Величайшее сокровище, которое Бог подарил миру, — это Священное Писание. Для православных Библия является лишь частью Предания, и толковать ее, по мнению С. Кобзаря, имеют право только люди «глубоко церковные»[17]. Увлекшись апологией православного предания, он приходит к опаснейшему выводу, что «Библия несамодостаточна»[18], и пытается авторитет Церкви поставить выше Священного Писания, мотивируя тем, что библейский канон составила Церковь.

Несамодостаточной Библию считает и американский православный диакон Джон Уайтфорд. В своей брошюре «Только одно Писание?» [со знаком вопроса в конце! — *Е. П.]* он пишет:

Библия не содержит в себе учения по всем вопросам, представляющим важность для Церкви. В Новом Завете не описывается подробно богослужение, хотя последнее — дело вовсе не маловажное. Более того, Церковь, которая сохранила и вручила нам Священное Писание, — это та же самая Церковь, от которой мы получили определенные формы богослужения. Если мы не доверяем этой Церкви в том, что она правильно донесла до нас апостольское богослужение, то мы также не должны ей доверять и в вопросе надежности сохранения Писаний[19].

Джон Уайтфорд пытается доказать, что Библия несамодостаточна, также ссылкой на большое количество протестантских течений. Опровергнуть выводы американского диакона очень просто его же доводами: даже если отцы Церкви первых веков и имели единственно правильное понимание Библии, то ересей, которые они не могли предотвратить, проявилось в те времена даже больше, чем основных протестантских течений (гностицизм, монтанизм, донатизм, арианство, пелагианство, монофизитство и монофелитство, несторианство, папство, магометанство и т.д. и т.п.). Следует заметить, что баптисты не ставят в вину церковным деятелям первых веков то, что они не могли предотвратить эти ереси, а наоборот, благодарны Богу, Который нашел достойных защитников истин Священного Писания. На баптистских библейских курсах история Церкви первых веков тщательно изучается, и ереси отвергаются. Но вот некоторые отступления от библейских истин, совершенные теми же отцами Церкви, истинный христианин не имеет права принимать.

Если, по мнению православных апологетов, библейский канон сформировала Церковь, и ее авторитет должен стоять выше авторитета Священного Писания, то, смотря правде в глаза, нужно сказать, что собственно православной церкви тогда и в помине не было. Это была гонимая Церковь, три века стоявшая в истине, не слившаяся с государством, для которой Священное Писание было единственным непререкаемым авторитетом. Вот что по этому поводу писал Ириней, епископ Лионский, ученик Поликарпа, преемника Иоанна Богослова:

Церковь рассеяна по всей вселенной, но соблюдает веру, как будто занимает один дом. Она одинаково верит, как будто имеет одно сердце, одну душу, проповедует единогласно, как будто одни у нее уста. Как солнце — творение Божие — одно и то же во всем мире, так одна и та же проповедуемая вера сияет повсюду, всех просвещает, приводя к познанию истины. Основаться на божественном Писании, которое есть известная и несомненная истина, — значит

созидать дом свой на твердом камне, основаться на каких-нибудь мнениях — значит готовить себе погибель[20].

Мы бы посоветовали всем современным апологетам православия, заявляющим, что Библии недостаточно для спасения души, наизусть выучить слова Иринея Лионского.

Также не стоит скрывать от искателей истины, что многие так называемые «отцы Церкви» не были крещены по православному обыкновению в детстве. Киприан Карфагенский (ок. 200 — 258), Амвросий Медиоланский (ок. 340 — 397), Августин Блаженный (354 — 430), каппадокийские отцы: епископ Кесарийский Василий Великий (ок. 330 — 379), его брат Григорий Нисский (ок. 330 — 395) и их друг Григорий Назианзин (Богослов) (ок. 329 — 389), а также Иоанн Златоуст (ок. 347 — 407) — все принимали крещение после двадцати лет по образу единого крещения по вере. Мыслящие христиане должны сделать определенные выводы. Во-первых, по образу крещения отцы Церкви — баптисты. Во-вторых, хоть в IV веке уже практиковалось детское крещение, но оно еще было необязательным. Православные пытаются нам возразить примерно так: «А может быть, все эти отцы происходят из языческих семей, и поэтому в детстве их не крестили». Это справедливо в отношении некоторых из них, но в отношении других исторические факты непреклонно свидетельствуют об обратном: мать Августина, Моника, глубоко верила в Бога, а отец Григория Назианзина (Богослова) был епископом города Назианза.

В начале, у истоков проповеди Евангелия, была не православная, а евангельско-баптистская вера, и истолкователем Священного Писания тогда мог быть любой искренне верующий в Иисуса Христа, как и теперь. Августин Блаженный говорил, что приступать к толкованию Священного Писания может:

1. Тот, кто любит Бога всем сердцем своим и лишен гордыни.
2. Кто желает уразуметь божественную волю, движимый верой и почтением, а не гордостью или жадностью.
3. Кто имеет чистое сердце, по возможности умирая миру сему, кто не боится и старается кому-либо угодить.
4. Кто не ищет ничего иного, кроме знания Бога и единения со Христом.
5. Кто алчет и жаждет праведности.
6. Кто неустанно участвует в делах милосердия и любви[21].

Что же пишет А. Кураев по данной теме в своей книге «Протестантам о Православии»? В разделе «Конфликт интерпретаций» он указывает на возможность ошибок при переводе евангельского текста, чем просто расшатывает веру у неутвержденных в Священном Писании. Впрочем, мы-то пользуемся, в основном, Библией в Синодальном переводе, который сделан православными переводчиками. Какие же тогда могут быть у православных к нам претензии?

А. Кураев также приводит следующий аргумент в пользу (с его точки зрения) несамодостаточности Священного Писания:

Православное богословие честно утверждает: мы истолковываем Евангелие. Мы не можем понять Евангелие, не истолковав его. Истолкование неизбежно, а никакого прямого и абсолютно достоверного «отражения» быть не может; искушения Христа в пустыне показывают, сколь несамодостаточно Писание:

диавол ведь искушает Его именно цитатами из Писания. «Диавол и теперь, как и при искушении Христа, прибегает к помощи Писаний, чтобы доказать возможность отделения христианства от Церкви» (Архиеп. Иларион (Троицкий). Христианства нет без Церкви. — Монреаль, 1986. С. 64)[22].

Здесь мы хотели бы напомнить заслуживающий особого внимания принцип: толковать Писание можно только с помощью Писания. На наш взгляд, диавол был поражен правильным применением Христом Священного Писания, в чем проявилась абсолютная самодостаточность Библии.

Далее А. Кураев, не скрывая своего негативного отношения к истолкованиям Евангелия протестантскими проповедниками, профессорами и докторами богословия, приводит слова С. Н. Булгакова:

Профессора богословия в протестантизме — единственный церковный авторитет: они вероучители и хранители церковного предания. Протестантизм есть в этом смысле профессорская религия; говорю это без всякого оттенка иронии или похвалы, просто констатируя исторический факт... Если обратить внимание на выбор тех, чьи толкования приемлются как наиболее авторитетные, то нетрудно заметить, что православие и протестантизм соотносятся как религия монахов и религия профессоров[23].

Откровенно говоря, после обращения к Богу я всегда был в гонимом атеистами братстве Совета церквей евангельских христиан — баптистов, где профессоров и дипломированных докторов богословия не было, поэтому особого преклонения перед ними у нас нет. Но тем более нет преклонения и перед монахами, жизнь которых, вопреки учению Иисуса Христа, порой сопряжена с патологическими отклонениями. Да Вы же сами, Андрей Вячеславович, будучи вместе с профессором И. Я. Кантеровым сотрудником кафедры философии религии МГУ[24], предпочитаете профессорский, а не монашеский язык.

Когда читаешь или слышишь высказывания православных богословов, что Священное Писание «несамодостаточно», невольно содрогаешься от мысли: так можно оскорбить Господа. В начале Евангелия от Иоанна Христос описан следующим образом: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Господь, называющий Словом Самого Себя, позволит ли, чтобы записанное Слово Божье оказалось «несамодостаточным»?! Как можно Богу приписывать человеческие несовершенства?!

Автор Послания к евреям пишет: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его: Ему дадим отчет» (Евр. 4:12-13). Этот духовный меч может быть «несамодостаточным» лишь для нерадивых или начинающих духовных воинов, которые не вполне владеют им. Христос сразил диавола этим мечом. Апостол Павел дает такое повеление: «...потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять. Итак станьте, препоясавши чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все

раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6:12-17).

Чтобы иметь по данному вопросу более объективное суждение, обратимся к истории христианства. Хусто Гонсалес пишет:

Представление о Божьем Слове как о Самом Иисусе Христе дало Лютеру возможность ответить на одно из главных возражений католиков [как видим, и православных. — *Е. П.]* против его учения о превосходстве авторитета Писания над церковным авторитетом. Они утверждали, что коль скоро именно церковь определила, какие книги следует включать в канон Писания, ее авторитет, несомненно, выше авторитета Писания. Лютер ответил, что Библия создана не церковью, равно как и церковь создана не Библией, — как Библия, так и церковь появились в результате донесения Благой Вести, послания Иисуса Христа, воплощенного Слова Божьего, но Писание предлагает более достоверное свидетельство Благой Вести, чем папская одержимая корыстью церковь или даже самые надежные христианские предания, поэтому Библия выше церкви, папы и предания. Это действительно так, хотя нельзя отрицать, что на раннем этапе развития христианства именно церковь распознала Благую Весть в одних книгах, а не в других, и тем самым определила содержание Библии[25].

Продолжая рассуждать о Библии, необходимо напомнить православным христианам, что канон Ветхого Завета был сформирован за много веков до Рождества Христова, а в III — II вв. до нашей эры Ветхий Завет был переведен на греческий язык (Септуагинта). Эта работа была начата в Александрии по приказу правителя Египта Птолемея 72 иудейскими толковниками, которые перевели, по крайней мере, Пятикнижие Моисеево. В последствие были переведены все 39 ветхозаветных книг. Помимо этого в Септуагинту было включено несколько книг, в основном написанных на греческом языке и имеющих хождение среди александрийских иудеев. Это Первая и Вторая книги Ездры, Книга Товита, Иудифь, Премудрости Соломона, Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Варуха, молитва Манассии, а также Первая и Вторая книги Маккавейские. Кроме того в Септуагинте появились добавления к существующим книгам еврейского Ветхого Завета: «Песнь трех отроков», «Сусанна», «Вил и дракон» в Книге пророка Даниила и несколько отрывков в Книге Есфирь. В связи с активным использованием Септуагинты в древней Церкви данные книги стали рассматриваться многими как канонические, хотя их статус и вызывал многочисленные споры. Сегодня православные считают эти книги и добавления, причисляемые евангельскими христианами к апокрифам, богодухновенными, хотя и не ставят их наравне с 39 книгами ветхозаветного канона. Лучше бы, конечно, не включать их в Ветхий Завет, так как в еврейском каноне их нет, а просто считать полезными для чтения.

К 39 книгам Ветхого Завета присоединилось 27 книг Нового Завета, и 66 книг Библии стали каноном, принятым протестантами. Такой является Библия в переводе Мартина Лютера на немецкий язык и в английских переводах.

Исследуя вопрос о библейском каноне, необходимо внести ясность в вопрос о включении в канон Откровения святого Иоанна Богослова. Даже в IV веке отцы Церкви по-разному относились к этой богодухновенной книге Библии. Некоторые даже пытались доказать, что автором Апокалипсиса является не апостол Иоанн, а другой Иоанн, тоже живший в Ефесе. После того как Западная церковь приняла

Откровение, признав авторство апостола Иоанна, Восточная церковь еще долго не решалась признать эту книгу богодухновенной. Второй вселенский собор (Константинополь, 381 год) даже осудил содержащееся в ней учение о хилиазме (тысячелетнем царстве).

Мы еще будем рассуждать о семи вселенских соборах как об одной из составных частей православного Предания, а сейчас необходимо отметить, что для православных христиан они являются основанием для установления доктрины. Однако ни одному из соборов православная церковь, как уже упоминалось, заранее не приписывала право установления истины. Современный греческий богослов, митрополит Пергамский, доктор богословия Зизиулас, указывает, что «ни одно постановление соборов не имело статуса обязательности до тех пор, пока не было принято всеми церквами, пославшими своих епископов на собор»[26]. Когда же все церкви одобрили решение собора, то оно, как отмечает С. Кобзарь, уже не обсуждается.

Представьте себе, какой размытой оказывается истина у православных, когда Восточная церковь после долгих дебатов все же включает в библейский канон Откровение Иоанна, а Второй вселенский собор уже осудил учение о тысячелетнем Царстве. Отменить решение Вселенского собора православие не имеет права, но и правильно истолковать богодухновенный текст, на написание которого Дух Святой вдохновил Иоанна, тоже не имеет права. В таком двойственном положении оказался даже самый выдающийся проповедник IV века Иоанн Златоуст, названный так за выдающийся дар изъяснения народу библейских истин.

На чем же основывались отцы церкви, не принимая Апокалипсис? Мы уже упоминали, что ставилось под сомнение авторство. Также они опирались на слова Иисуса Христа: «Все пророки и закон прорекли до Иоанна» [Крестителя. — *Е. П.]* (Мф. 11:13). Пророчества, по их мнению, были больше не нужны. Но следовало бы обратить внимание на слова ангела из Апокалипсиса: «Свидетельство Иисусово есть дух пророчества» (Отк. 19:10).

Православные толкователи утверждали и утверждают, что тысячелетнее царство Христа началось с момента Его смерти на Голгофе и что будет одно всеобщее воскресение. Стоит задать вопрос таким толкователям: «А что сейчас делает сатана?» Они в один голос ответят: «Ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Пет. 5:8). Вот это состояние диавола как раз и доказывает, что тысячелетнее царство еще не наступило, так как в нем диавол не будет свободно действовать. В доказательство приведем слова из 20-й главы Откровения: «И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет» (Отк. 20:1-3).

Мы весьма благодарны Господу за то, что Он дал нам Свое Откровение, и очень сожалеем, что для православных эта пророческая книга является еще закрытой! На богослужениях в храмах она не читается. А. Кураев не скрывает этого. Он пишет:

Православная же традиция до сих пор хранит в себе неоднозначное отношение к этой книге [Откровению Иоанна. — *Е. П.].* Признавая ее Богодухновен-ность, Церковь, тем не менее, не считает знание ее безусловно необходимым каждому христианину для дела спасения: Книга Откровение — единственная новозаветная книга, которая в нашей литургической практике не читается в храме. Книга многозначных пророчеств естественно, как показала история, становится излюбленным предметом для сектантских спекуляций и фантазий. В православии же есть надежда на то, что в преддверии событий, описанных Апокалипсисом, Господь даст Церкви толкователя, который предупредит: вот теперь — время Апокалипсиса[27].

Апостол Павел так повествует о первом воскресении: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4:13-17). Воскресают не грешники, а «умершие во Христе». Что же дальше? А дальше Иоанн открывает тайну: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет; прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет. Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли» (Отк. 20:4-7). А вот потом — второе воскресение и суд над грешниками. Иоанн так описывает это событие: «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим, и смерть и ад повержены в озеро огненное. Это — смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Отк. 20:11-15).

Как видим, ни выдуманное католиками чистилище, ни православные молитвы за умерших не приносят никакой пользы.

Мы уже отмечали, что трудности с принятием апокалипсиса были и у Иоанна Златоуста. Как выдающийся истолкователь Библии он, конечно же, знал о нем, но принять его вопреки мнению Восточной церкви и Второго Вселенского собора (381 г.) он не имел права. Только в его поздних проповедях и беседах появляются очень скупые упоминания об этом выдающемся Божьем Откровении, данном Иоанну Богослову. Позвольте привести их и этим как бы ответить на опровержение юноши из старообрядцев, о котором было упомянуто в предисловии.

В своем слове о святом Иоанне Богослове Златоуст пишет так: «Впоследствии, подвергшись изгнанию от императора, он... был сослан на остров Патмос, и здесь описал церковь, как ее показал Бог в откровении тайн страшных и неизреченных»[28]. В обширной беседе «Слово о лжепророках и лжеучителях, и об еретиках, и о знамениях кончины века сего» Иоанн Златоуст, вроде бы, берет пять слов из Апокалипсиса, но в них и так ясно виден Иисус Христос даже не читавшим Откровения. Приведем эти слова, чтобы подтвердить данный вывод: «Вооружившись смелостью, я предложу вашему вниманию более обильное свидетельство, чтобы показать из Священного Писания — Евангелий, пророков и Апостолов, под водительством Христовым, как заграждаются уста говорящих неправду, и чтобы просветить сердца жаждущих Слова. Откуда начать нам, как не от Того, Кто сказал о Себе: Я есмь начало и конец»[29] — вот и все напоминание об Иисусе Христе из Апокалипсиса. В беседе «На собор Архангелов» в этом же томе Златоуст упоминает Смирнскую церковь: «Ангелу Смирнской церкви напиши: ...знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем, ты богат)» (Отк. 2:8-9)[30]. Ни истолкования этого текста, ни проповедей по другим стихам из Апокалипсиса мы, к сожалению, у Иоанна Златоуста не находим.

Также необходимо отметить, что в связи с поздним принятием Откровения Иоанна Богослова Никео-Цареградский Символ веры оказался не до конца доработанным. В словах «чаю воскресения мертвых» не уточняется, о каком именно воскресении идет речь (о первом или о втором). При втором воскресении воскреснут грешники непримиренные с Богом, и с ужасом предстанут пред «великим белым престолом» Бога, и будут судимы «сообразно с делами своими» (см. Отк. 20:11-12). У евангельских христиан очень много стихотворений. В одном из них автор так написал о втором воскресении: «Впрочем, воскресения второго я не пожелал бы никому». Таким образом, слова Символа «чаю воскресения мертвых» нуждаются в уточнении.

Заканчивая тему о библейском каноне, необходимо подчеркнуть: никакой элемент Предания нельзя ставить на один уровень со Священным Писанием. Библия — законченное Божье творение. Бог не ошибается. Он не мог что-то забыть или что-то сказать людям ненужное. Предание — творческая деятельность людей, может быть, и благочестивых, но способных ошибаться даже тогда, когда они объединяются во вселенские соборы. Все решения соборов, а тем более индивидуальные попытки выразить истину, нужно рассматривать через призму Священного Писания. Если решения соборов, труды древних и современных церковных писателей не противоречат библейской истине, а помогают раскрыть ее смысл, то их можно внести в общечеловеческую духовную сокровищницу и пользоваться ими. Но если в каком-либо из элементов, составляющих Предание, обнаружится противоречие со Священным Писанием, то его, не колеблясь, нужно отвергнуть.

Маленькое отступление от темы

Трудиться над данной книгой мне приходится с перерывами, так как мы часто выезжаем для благовестия. Сегодня сотрудники христианского камерного ансамбля, с которым я совершаю служение, вернулись домой весьма опечаленными. Дело в том, что наши братья и сестры по вере в Иисуса Христа из Германии пригласили нас некоторое время потрудиться у них на ниве Господней.

Они наметили благовестив в Германии, Италии, Португалии, Испании, Голландии и в других странах Шенгенской зоны. Оплачивая издержки фирме, оформляющей документы, медицинские страховки и пошлины, мы не скрывали цели нашей поездки. Предоставив фотодокументы и статьи из журнала «Вестник истины», доказывающие, что мы действительно являемся благовестниками Евангелия Иисуса Христа, мы с надеждой ожидали визы, но нам был дан категоричный отказ. Должностные лица посольства в отказе выдать визы высказали беспокойство, что наше служение принесет «шкоду» (т.е. вред) названным государствам. Это говорит о том, что проповедь об Иисусе Христе, Который сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня», — в современной, отрекающейся от христианства, экуменистически настроенной Европе, оказывается нежелательной.

Наши друзья в Германии уже арендовали большие залы и оповестили о нашем приезде, поэтому они убеждали нас постараться приехать любыми путями. Нам сделали другой вызов через посольство Эстонии. Пройдя те же процедуры, уплатив двойную пошлину за срочную визу и выслушав заверение об открытии визы принимавшего документы должностного лица, мы с вещами прибыли в назначенный срок к зданию посольства, но получили такой же категоричный отказ. Круг благовестил об Иисусе Христе как единственном Спасителе мира в странах Шенгенской зоны сужается. Это горько сознавать.

Но вдвойне печально нам было получать запреты на аренду залов для благовестил в России от благочинных и от других православных иереев, связанных с официальными представителями власти. Что же вы делаете, называющие себя православными Христовыми пастырями?! Неужели вы не видите, что без Евангелия молодое поколение деградирует? Еще Ф. М. Достоевский говорил: «Толкуйте народу Евангелие неустанно»[31] и «Гибель народу без Слова Божьего»[32]. Народу нужна живая евангельская проповедь об Иисусе Христе, а не застывшие обряды. Вот что заставляет браться за перо: простому «православному» народу нужно сказать правду о спасении, подаренном Иисусом Христом. Сейчас нужно сплотиться всем любящим Иисуса и признающим Его единственным Спасителем. «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:12), — возвестил апостол Петр еще в первом веке. Братья русские и все, живущие в бывшем СССР, только Евангелие неискаженно повествует правду об Иисусе Христе! Подумайте о своем спасении и о своих детях, не подвизайтесь за тех, кто запрещает проповедовать Христа. Апостол Павел писал: «Одни по любопрению проповедуют Христа не чисто... а другие — из любви... Но что до того? Как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться» (Флп. 1:16-18).

Евангельские христиане больше всех пострадали от атеистов. Приведу статистические данные: за 27 лет (с 1961 года по 1988 год) только из сравнительно небольшого братства МСЦ ЕХБ столько братьев и сестер прошло через тюрьмы за верность Христу, что если сложить их тюремные сроки, то получится более пяти тысяч лет лишения свободы. Именно они искренно несли Евангелие. Весть о спасении и сейчас звучит по всей вселенной. Не медлите, примите ее!

Библия и икона

Одним из серьезных расхождений в понимании истины между православием и протестантизмом является преимущественная ориентация одних на зрительные образы, а других — на слово (текст). Восточное православие развивалось под влиянием эллинистического мышления и культуры, католики же и протестанты формировались, главным образом, под влиянием латинской мысли и римской культуры. Обычно считается, что Иудея дала миру религию, Греция — искусство и философию, Рим — право (юриспруденцию). Несомненно, культура накладывает определенный отпечаток на развитие богословия. И на Востоке, и на Западе необходимо это учитывать. Дональд Ферберн, западный богослов-историк, давший объективную оценку православия в своей книге «Иными глазами», утверждает:

[Необходимо] продвигаться от обусловленного культурой понимания Священного Писания к более полному выражению христианской истины... Необходимо остерегаться искушения полагать, что все взгляды на Писание и христианскую жизнь сквозь «очки» нашей культуры непременно являются допустимыми. Культура не носит нейтрального характера (по меньшей мере, не во всех случаях), и следовательно, мы не можем допустить, чтобы любой подход к разумению Священного Писания считался приемлемым только потому, что его придерживается большинство представителей конкретной этнической группы[33].

Далее, обсуждая взгляды Антония Угольника, американского православного богослова, Дональд Ферберн пишет:

Угольник утверждает... что и западный поиск смысла на основе текста и восточный поиск значения на основе образов, оба являются культурным наслоением, и высказывает предположение, что оба эти подхода в равной степени приемлемы, но каждый в своем культурном контексте. То, что эти подходы являются культурным наслоением, не подлежит сомнению, однако вопрос заключается в том, имеет ли такой подход нейтральный характер. Мир Древнего Израиля был таким же визуально-ориентированным как, например, современная Греция или Россия. Фактически можно предположить, что он был даже больше ориентированным на образ, чем Россия (а это сегодня одно из наиболее образованных обществ и, пожалуй, самое читающее общество в мире). Все же в том визуально-ориентированном мире Древнего Востока Бог для контакта с человеком избрал не образ, что соответствовало бы визуальной ориентированности, но слово и текст.

В ответ на это православные христиане обычно указывают на то, что Ветхий Завет не был завершающим и наивысшим откровением Бога. Величайшее откровение Бога было осуществлено посредством воплощения Сына, посредством видимого образа невидимого Бога. И это действительно так. Но истинным является также и то, что три отрывка в Новом Завете, которые говорят о Христе как об «образе» Бога, употреблены в контексте проповеди Евангелия, при благовествовании. В заявлении апостола Павла во 2 Кор. 4:3-4, что у неверующих бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть «образ Бога невидимого», мы находим, что «образ Христа» находится в контексте проповеди Благой Вести. Причина, почему люди должны быть способны понять Евангелие, заключается в том, что апостол Павел, открывая истину (ст. 2), проповедует не себя, но Христа

Иисуса, Господа (ст. 5). Апостол Павел, называя Христа «образом Бога невидимого» в Кол. 1:15 и описывая после этого дело Христа в плане сотворения и искупления, заключает этот раздел словами о благовествовании, «которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной» (ст. 23). А в Евр. 1:3 утверждение, что Христос есть «сияние славы и образ ипостаси Его», находится в контексте того, что Бог *говорил* не только через пророков, но и через Своего Сына (ст. 1-2). В этих отрывках Нового Завета подразумевается, что способ, посредством которого мы соприкасаемся с Христом как образом Божиим, заключается, прежде всего, в словах проповеди, а не в зрительных образах или изображениях.

Конечно, я не претендую на то, что эти отрывки можно истолковать только таким способом, поскольку совсем несложно привести доводы в пользу того, что истина может провозглашаться или проповедоваться и с помощью визуального образа. Также я не хочу создать впечатление, что этот вопрос может решиться простым цитированием трех отрывков Нового Завета. Но в то же время я не подразумеваю, что нам следует отвергнуть все визуальные средства провозглашения Евангелия. Тем не менее можно заключить, что и в Ветхом Завете, и в Новом Завете Бог главным образом общался с человеком посредством слов, текстов и провозглашений. Несомненно, *содержанием* такого провозглашения была Личность, а не только слова, а *средством* провозглашения была проповедь или Писание, а не визуальный образ. Почему Бог сообщался с человеком именно таким образом? Разве визуальный подход не был более приемлемым в мире Древнего Востока? Устанавливал ли Бог образец для *всех* культур, что Благая Весть о Христе должна распространяться посредством провозглашения Слова Божья, а не посредством визуального Его представления? Эти вопросы не являются риторическими. Напротив, я задаю их для того, чтобы указать, что христианин, провозглашающий христианскую истину, должен быть не просто носителем своей культуры, но и позволить Писанию критически оценить его способ выражения Евангелия[34].

Хорошо сказано, что христианин должен «позволить Писанию критически оценить его способ выражения Евангелия»! Культура пусть остается культурой, мы не должны позволить ей взять верх над истиной. Иисус Христос сказал: «Слово Твое есть истина» (Ин. 17:17). Давайте теперь обратимся к Слову Божьему и расположим свое сердце воспринять глаголы Небесного Отца.

По выходе из Египта Бог сразу же дал избранному Им израильскому народу 10 заповедей. Следует обратить внимание, что это не человеческое пожелание, а строгое Божье предупреждение: «И изрек Бог все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня» (Исх. 20:1-5). Подойдя к обетованной земле и прощаясь с народом, Моисей еще раз напоминает данную заповедь и растолковывает ее: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо

гада, ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли... Берегитесь, чтобы не забыть вам завета Господа, Бога вашего, который Он поставил с вами, и чтобы не делать себе кумиров, изображающих что-либо, как повелел тебе Господь, Бог твой» (Вт. 4:15-18:23).

С каким трепетом должна воспринять Божьи слова благочестивая душа! За непослушание Бог-ревнитель обещает суровое наказание. Зачем искушать Его лукавой мыслью: сделаю изображение-кумир, авось, останусь без наказания! Это равнозначно тому, как если бы больной взял пузырек, на котором написано «яд», и все же решил бы попробовать, рассчитывая на это «авось». Авось, не отравлюсь.

А. Кураев в своей книге «Протестантам о Православии» пишет так: «Мы знаем об этой заповеди. Православное богословие иконы начинается с запрета на изображение — но лишь начинается, а не кончается им»[35].

Надо отдать должное православным, что они не пошли вслед за католической церковью, которая просто исключила заповедь: «не делай себе кумира» из своих катехизисов и, чтобы сохранить число 10 в Моисеевых установлениях, разделила десятую заповедь на две. Какой же оригинальный выход находит А. Кураев, чтобы вслед за католиками не исключить заповедь: «не делай себе кумира»? Он пишет:

Как видим, запрещено *всякое* изображение. Поэтому, если к вам подойдет протестант и спросит: «Как вы смели делать иконы, если в Библии это запрещено?!», — тихим, но твердым голосом попросите его предъявить документы. Попросите раскрыть документ на той страничке, где находится его фотография. Уточните затем, мужчина он или женщина. И затем напомните ему текст из Вт. 4:16: не делай «изображений... представляющих мужчину или женщину».

Итак, если понимать этот текст с протестантской буквальностью, то протестанты сами окажутся нарушителями этого библейского установления.

Утешить их можно только одним: указанием на то, что Сам Господь был «нарушителем» ригористичности Своей заповеди. Он сказал, что нельзя делать изображений гада — и Он же повелевает излить медного змея (Чис. 21:8-9). Нельзя изображать животных — и вдруг Иезекииль видит *небесный* храм, в котором есть резные изображения херувимов с человеческими и львиными лицами (Иез. 41:17-19). Нельзя изображать птиц — и от Бога же исходит повеление излить херувимов с крыльями, то есть в птичьем облике[36].

Как говорят, на всякого мудреца довольно простоты! Зря уважаемый диакон православной церкви А. Кураев называет Бога «нарушителем Своей заповеди». Требование протестанту предъявить документ с фотографией — очень слабая апология иконы. Следует перечитать еще раз Исх. 20:1-5 и Вт. 4:15-16 и будет видно, что главный акцент сделан на словах «не делай кумира» и «не поклоняйся им и не служи им». Фотография в паспорте — это не кумир, и никто не собирается поклоняться и служить ей. Изображениям херувимов в храме тоже никто не поклонялся, притом, если внимательно прочитать Исх. 20:1-5, то Божий запрет на делание изображений и поклонения им касался сотворенных Богом земных существ, но не небесных, хотя поклоняться ангелам тоже нельзя (Отк. 19:9-10; 22:8-9). Так что Бога не надо обвинять в «нарушении» Своей заповеди. Даже

медный змей был сделан Моисеем по повелению Бога не для поклонения (Чис. 21:9), а для исцеления от укусов змей. Когда же израильтяне стали поклоняться медному змею, называя его Нехуштаном, и кадить ему, то Бог побудил Езекию истребить этот кумир (4 Цар. 18:4).

В псалмах мы иногда встречаем слова, вроде бы говорящие о поклонении. Так, например, Давид пишет: «А я, по множеству милости Твоей, войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем» (Пс. 5:8), но это — выражение поэтического восторга. Более того, храм был местом обитания Бога. Давид, как и Даниил, который открывал при молитве свои окна против Иерусалима (Дан. 6:10), молился и поклонялся, конечно же, Богу.

Раздел своей книги, в котором рассматривается вопрос об изображениях, А. Кураев озаглавил очень интересно: «Икона в Библии»[37]. Даже заголовком он хотел показать, что Библия и икона совместимы, но мы уже могли убедиться, что это не так.

Здесь необходимо пояснить, что картина и икона — разные вещи. Слово «икона» греческое, его основное значение — чей-либо образ. Не пейзаж, не пальмы, не гранатовые яблоки, но именно образ. Если православные называют икону «святой образ», то ясно, что для них она является предметом культа, то есть почитания, а в популярном (народном) православии — зачастую, предметом поклонения. Вот в чем суть проблемы.

В дальнейшем читатель сможет убедиться, что между зрелым православным богословием и популярным православием довольно много серьезных отличий. К «зрелому православному богословию» Дональд Ферберн относит, прежде всего, богословов русской эмиграции, таких как Владимир Лос-ский, Георгий Флоровский, Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф, грека Иоанна Зизиуласа, а также англичанина Каллиста Уэра[38]. У нас гораздо больше граней соприкосновения с патристикой (учение отцов Церкви), и с указанными православными богословами XX века, возродившими святоотеческую богословскую мысль, чем с представителями популярного православия. Обнаруживая в популярном православии элементы явно языческие по происхождению, приводящие к фетишизму, евангельский христианин испытывает к ним антипатию и отвращается от них.

Сейчас нас волнует вопрос: допустимо ли изображение Бога? А. Кураев соглашается, что в Ветхом Завете на это был суровый запрет и еще раз напоминает Вт. 4:15: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь». Дальше он пишет:

Но затем-то — увидели образ. «О том, что было от начала... что видели своими очами... ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам» (1 Ин. 1:1-2). Христос есть Бог. <...> Христа можно было видеть (по Его человеческой природе), а значит — «видевший Меня видел Отца» (Ин. 14:9)[39].

Все это правильно, но незыблемым остается утверждение того же Иоанна: «Бога никто никогда не видел» (1 Ин. 4:12). Хотя человеческая природа Христа была действительно видимой, Бога в Нем все равно никто не в состоянии изобразить.

Иконоборцы древней Византии уже в VIII веке обличали иконопочитателей следующим вопросом (который приводит сам А. Кураев):

Чему вы кланяетесь? Божеству Христову? Но оно — неизобразимо, и, значит, ваши картинки не достигают цели. Или вы кланяетесь Его человечеству — но тогда вы поклоняетесь чему-то, что не есть Бог, и вы, во-первых, язычники, а, во-вторых, несториане, разделяющие Христа на две части[40].

Более того, православные дерзнули изобразить не только Христа, но и Бога Отца. Во многих православных храмах можно увидеть изображение старца с окладистой бородой, летящего на облаках, а ниже подпись — Бог Саваоф.

Апостолы и их преемники прикладывали усилия к тому, чтобы отобразить внутренний, а не внешний образ Христа. Стоит обратить внимание православных на то, что ни один из четырех евангелистов не описал Его внешность. Почему? Да потому, что важна была внутренняя сущность. «Единородный Сын, сущий в недре Отчем» явил нам Бога Своими духовными качествами. Предание о царе Авгаре, пославшем художника, чтобы тот нарисовал портрет Христа, и о нерукотворном образе останется всего лишь преданием, которому можно верить или не верить. Уж слишком разные портреты Христа рисуют художники.

Хочется также задать вопрос иконопочитателям: если с иконой Христа возникают проблемы в связи с тем, что могла быть изображена лишь Его человеческая, а не божественная сущность, что говорить о других изображениях? Ведь у святых наличествует только человеческая природа, и упрек иконоборцев — «чему вы кланяетесь» — является справедливым обвинением.

Нужно обратить внимание и на слово «кланяетесь». Ведь только VII Вселенский собор в Никее в 787 году провел четкое разграничение между почитанием в отношении иконы и поклонением, которое приличествует одному только Богу. Не простое почитание икон, но имевшее место поклонение им привело к иконоборчеству. И сегодня протестанты бьют тревогу, потому что в народном православии иконы стали предметом культа, настоящим кумиром. Безобидные картинки конца II в. постепенно привели к глубокому уклонению от библейской истины. Вот почему мы встречаем иконоборческие высказывания у Климента (Строматы 6; 16, 377), Евсевия (Послание Константине), Епифания (Папарий 27; 6, 10).

Михаил Горохов, бывший сотрудник издательского отдела Свято-Троицкой Сергиевой лавры, в течение многих лет выступавший с духовными беседами по всей России, но затем разочаровавшийся в православии, дает следующую оценку иконопочитания:

В первые века христиане не имели изображений для поклонения. Исключение составляют еретики-гностики, которые имели изображения Платона, Аристотеля, Пифагора и Христа. Гностики считали, что образ Христа был сделан Пилатом, украшали его венцами и поклонялись ему, как язычники (Ириней Лионский. «Против ересей», стр. 94). Ири-ней Лионский считает, что все ереси ведут начало от Симона-волхва. Есть сведения о том, что статую Христа сделала в благодарность исцеления кровоточивая женщина (Мф. 9:20-22). Есть предание о нерукотворном образе Христа, который, конечно же, не сохранился. Но вера христианская утверждается не на слухах и домыслах, но на откровении Божием. И

исполнять христианин должен ясные заповеди Божий, которые никто отменить не может. Поскольку было много обращенных ко Христу из язычников, то, по-видимому, иногда появлялись и некоторые изображения. Около трехсотого года был созван Эльвирский собор, запретивший делать изображения в храме.

Язычники считали христиан за безбожников именно потому, что у них не было предметов для религиозного им поклонения.

Когда император Константин, а вместе с ним и вся языческая империя вломились в Церковь Христову и христианство стало официальной и государственной религией, тогда цари земные стали строить храмы-дворцы, богато украшать их. Резко увеличивается число праздников, чтобы удовлетворить запросы язычников, влившихся в Церковь Христову. Появляются во множестве всякие изображения и предания, оправдывающие их появление. Начинается поклонение предметам, курение для них ладаном, возжжение пред ними светильников. Богослужение изменяется до неузнаваемости и становится символическим, обрядовым, театральным — более обрядослужением, чем богослужением.

<...> Почему церковные писатели до четвертого века, например, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст в своих трудах не упоминают о поклонении иконам, мощам, ангелам, Деве Марии?[41]

Православные, если бы подобные вопросы вам задал баптист, то вы могли бы с раздражением отмахнуться, сославшись, что внешний человек в этом ничего не понимает. Но эти вопросы возникли внутри православия, у того, кто постепенно осознал, что ваше современное «обряд ос лужение» совершенно не соответствует тому, как поклонялись Богу христиане в первые три века.

В ответ на такие возражения, как у Михаила Горохова, А. Кураев приводит, на наш взгляд, очень слабый аргумент. Он пишет:

Нам скажут: но Христос нигде не велел писать иконы. Но, во-первых, замечу, что в Евангелии нет и запрета писать изображения Спасителя. Апостольский собор в Иерусалиме, обсуждая вопрос о том, что из израильского религиозного закона должен исполнять соблюдать нееврей, принявший Новый Завет, оставил в силе лишь три установления: «Угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени... кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите» (Деян. 15:28-29). Предупреждение о неизобразимости Бога не было подтверждено апостолами[42].

Прежде чем дать ответ А. Кураеву, вспомним о времени проведения этого собора. Какой, примерно, это был год? Когда Савл шел в Дамаск, чтобы преследовать христиан, Стефан уже был побит камнями. По дороге в Дамаск Савлу было явление Христа (обратите внимание, что Христос явился не в образе, а в свете и слове). Ослепший Савл был приведен в Дамаск, где прозрел после молитвы Анании. Позднее Савл, ставший апостолом Павлом, свидетельствовал, что был в Аравии и опять вернулся в Дамаск. Спустя три года он ходил в Иерусалим видеться с апостолом Петром, потом отошел в страны Сирии и Киликии (Гал. 1:17-21). Примерно в 44 году Варнава привел Апостола Павла в Антиохию, где он в течение года учил церковь и откуда Господь направил его на миссионерский труд. Много потрудившись, образовав несколько церквей, через 14 лет после

начала своего служения он с Варнавой опять прибыл в Иерусалим (Гал. 2:1; Деян. 15:1-2). Это был примерно 48 — 49 год. Если верить преданиям, то в 64 году (по другим источникам в 67 году) апостол Павел был обезглавлен в Риме, проведя в служении еще около 16 лет. В последних посланиях он уже называет себя старцем (Флм. 1:9).

Написав много посланий, апостол Павел ни в одном не касался вопроса икон. А кем он был раньше? «Обрезанный в восьмой день, из рода Израи-лева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности гонитель Церкви (Божией), по правде законной — непорочный» (Флп. 3:5-6). Воспитанный у ног Гамалиила в строжайшем у фарисеев законе, он, конечно же, знал все ветхозаветные запреты на изображения и, признавая, что «все Писание богодухновенно» (2 Тим. 3:16), даже намека не сделал в своих поучениях на делание изображений. Своим изречением: «Если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (2 Кор. 5:16) он пресекает всякое стремление сделать изображение Иисуса Христа. Иудеями были и «столпы Церкви»: Петр, Иоанн и Иаков. Иаков, брат Господень, особо подвизался в исполнении Моисеева закона. Почему же на соборе апостолы обошли молчанием вопрос об изображениях? Очевидно, он даже не стоял на повестке дня. Всем, и язычникам, и иудеям, было ясно, что изготовление образа и тем более поклонение ему противоречит Священному Писанию, потому что «закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу» (Деян. 15:21).

Делать ставку на то, что «если предупреждение о неизобразимости Бога не было подтверждено Апостолами», значит все можно — очень нелогично и рискованно. Так могут оправдывать свои действия все, кто на своих собраниях и прыгают, и танцуют, и падают навзничь, применяя «священный хохот». Ведь на это тоже не было запрета. Священное Писание не предназначено для того, чтобы описать все возможные человеческие заблуждения. Оно раскрывает *принципы* общения с Богом и поклонения Ему. Христос обещал, что придет Дух Святой и «наставит на всякую истину» (Ин. 16:13). Этот Дух вдохновил авторов Библии, Он же помогает нам сегодня понимать и применять Божьи истины. А к тем, кто не слушает или не воспринимает наставлений Святого Духа, относятся слова апостола Павла: «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8:9).

А. Кураев также, вроде бы, предлагает компромиссное решение «иконной» проблемы:

Раздражение, которое вызывают у протестантов наши иконы, просто необъяснимо ни с точки зрения христианского богословия, ни с точки зрения христианской этики. Это раздражение — страсть, духовная болезнь. Ее надо сознательно и целеустремленно преодолевать в себе. И в качестве первого шага я предложил бы протестантам отнестись к православным как к детям. Дети нуждаются в картинках? Ну, вот и православные тоже чувствуют себя теплее, спокойнее в окружении священных картин. Если протестантам угодно, пусть они считают православных детьми, «немощными в вере», привычки которых, по завету апостола Павла, надо принимать «без споров о мнениях» (Рим. 14:1)[43].

Если бы православные действительно были как дети, с искренней доверчивостью принимающие библейскую истину, то это было бы прекрасно. Но если они слишком увлеклись «картинками», не заботясь о спасении и духовном росте, им

дается наставление: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор. 14:20). Желая, чтобы наше служение было разумным, апостол Павел пишет: «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего; и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. 12:1-2).

Притом эти «православные дети» не так уж безобидны в своей забаве «картинками», они не считают себя «немощными в вере», а наоборот, хотят и всех других подчинить своей забаве. Они становятся агрессивными, если видят кого-то, кто без «картинок» проповедует Евангелие. Имея власть, они моментально пресекают такую проповедь, претендуя на монополию спасения. Стремящиеся к забаве «картинками», приверженцы популярного православия заняли позицию превосходства по отношению к другим ветвям христианства. Дональд Ферберн пишет:

Иллариону Алфееву (служителю отдела внешних сношений Московского патриархата РПЦ), читавшему в 1999 году лекцию в Кембриджском университете, был задан одним из профессоров вопрос о том, считают ли православные, что инославные христиане, не православные, могут быть спасены.

Алфеев ответил, что официальная позиция РПЦ заключается в том, что христиане из других деноминаций могут быть спасены, но при этом РПЦ не пытается очерчивать, какие именно аспекты истинной Церкви присутствуют или отсутствуют в таких деноминациях. Тем не менее популярное русское православие считает, как говорит Алфеев, что таинства, совершаемые в других деноминациях, не имеют подлинной силы, и поэтому христиане из других деноминаций не могут быть спасены[44].

Вот тебе и «немощные в вере»! В прошлом они доходили до безжалостных кровавых репрессий, как это было в отношении иконоборцев в VIII веке. В книге «Не смущайся!» эти факты подробно описаны, но сейчас необходимо, хотя бы кратко, напомнить, сколько невинной крови пролили ради забавы «картинками».

В 717 году на Византийский престол взошел император Лев III. Он понимал, что в вопросе иконопоклонения христиане впали в крайность. Это, в частности, дало повод мусульманам объявить священную войну против идолопоклонства. Вняв совету некоторых епископов, Лев III издал около 730 года эдикт (указ), в котором повелевал иконы в храмах помещать так высоко, чтобы их нельзя было целовать. Иконопоклонники возмутились. В ответ на это Лев III издал второй эдикт: приказал иконы вообще убрать из храмов. Ошибкой императора было то, что он действовал грубо, применяя военную силу. Лев III умер в 741 году, и его сын Константин V продолжил вести борьбу как в богословской сфере, так и безжалостно истребляя иконопоклонников. В 754 году он созвал в Константинополе собор всех византийских епископов. Этот собор объявил все изображения, изготовленные в различных целях, языческими и идолопоклонническими.

Константин V пробыл на Византийском престоле 34 года. После него до 780 года правил его сын Лев IV. Сын Льва IV Константин VI получил власть еще ребенком, поэтому правительницей при малолетнем наследнике стала его мать Ирина. Она была очень жестокой и властолюбивой женщиной, в 790 году она попыталась полностью отстранить сына от престола, однако потерпела поражение. Но в 796

году Ирина организовала переворот, вернула себе власть и приказала выколоть глаза собственному сыну, отчего он вскоре и умер.

Ирина была ярой иконопоклонницей. В 787 году она созвала в Никее собор, в котором приняли участие епископы Восточной и Западной церквей. Потом его назвали VII Вселенским собором. Римский папа сам лично не присутствовал, но прислал послание, в котором увещевал «исправить незаконные дела их предшественников восстановлением иконопочитания в церквах». Вот постановление собора:

Определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались (для поклонения)... будут ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, или непорочной Владычицы нашей святой Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. — Чем чаще при помощи икон они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самих первообразах, приобретают больше любви к ним и получают больше побуждений воздавать им лобызание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое, по вере нашей, приличествует одному только божественному естеству... Честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней[45].

Угрожая отлучением от Церкви иконоборцам и всем, кто будет с ними иметь общение, собор высоко почтил Римскую церковь и папу: «Вечная слава православным римлянам! Вечная слава Григорию в Риме!» Как изменчивы все человеческие постановления! Оказывается, римляне тоже были православными, но через 267 лет, в 1054 году произойдет окончательный разрыв с Римской церковью и римские папы, предшественнику которых собор провозгласил такие дифирамбы, будут считаться еретиками.

Иконоборцы стали подвергаться безжалостным преследованиям. Неполные статистические данные того периода свидетельствуют, что только через потопление приняли смерть около 100 000 иконоборцев. Вот они безобидные «игрушки с картинками», вот как утверждалось православие! Борьба между противниками и сторонниками икон продолжалась до 842 года, когда иконопочитатели окончательно взяли верх. В честь этого до сих пор в первую неделю великого поста отмечается праздник «Торжества Православия».

Таким было христианство в Византии, таким его в 988 году воспринял русский князь Владимир. В современном народном православии забыто постановление VII Вселенского собора о разграничении поклонения Богу и почитания икон. Не соблюдается и правило «от образа — к первообразу», то есть то, что воздавать почтение нужно не самой иконе, а тому, кто на ней изображен. Перед иконой ставят свечи, ее целуют, учреждены праздники «чудотворных» икон, которые часто называют не «праздник иконы Божьей Матери», а «праздник Казанской, или Рязанской, или Владимирской Божьей Матери», как будто Божьих матерей было несколько десятков.

Оправдывая подобные действия, А. Кураев пишет: «И лобзая икону плоти Христовой — мы лобзаем смирение Сына и любовь Того, Кто "так возлюбил мир..."»[46]. Далее он приводит «житейское сравнение»:

Муж, находясь долгое время вдали от дома, достает фотокарточку жены и целует ее. Имеет ли право жена подозревать его в нечистой страсти к фотобумаге и в измене, и подавать на развод за этот жест своего мужа? Но зачем же Бога считать глупее ревнивой жены? Неужели протестанты всерьез уверены, что Христос прогневается на того, кто с любовью и с молитвой приложится к Его распятию?[47]

Следует заметить, что не надо бы употреблять выражения, которое само по себе может оскорбить премудрого Бога — «зачем же Бога ставить глупее ревнивой жены?» Далее, описанное действие — «кто с любовью и с молитвой приложился к Его распятию» — чисто символическое. К настоящему кресту Христову никто не приложится. Батюшка направо и налево дает целовать изделие рук человеческих, которое перед тем лобзали и пьяницы, и блудницы, и больные, может быть, венерическими болезнями. Мало того, крест является символом казни, но, фактически, не он причинял боль Иисусу, а гвозди, которыми пронзили Его руки и ноги. Если бы православные поступили более логично, то им нужно бы не крестик носить на шее, а связочку из гвоздей и целовать их. Если же православный приложится к орудию казни (или хотя бы к его символу), то воздаст ли он этим почтение Претерпевшему казнь? Ведь никто не сочтет здравомыслящей бедную мать, которая повесит на шею нож, которым бандит зарезал ее сына, и будет его ежеминутно лобзать. Нужно глубоко вникнуть в слова Христа: «Но настанет время, и настало Уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе: Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4:23-24). Не надо бы фетишами заслонять от искренне ищущих истину величие и глубину слов Христа.

Пример, приведенный А. Кураевым с фотографией и ревнивой женой, вряд ли побудит духовного христианина лобзать все подряд иконы. Можно, конечно, восхититься таким мужем, который, «находясь долгое время вдали от дома», не смотрит по сторонам, но непрестанно лобзает фотографию жены, но в то же время, как нездраво будет выглядеть такой муж, когда, вернувшись домой и находясь рядом с любимой женой, отвернется от нее к стене и будет истерически лобзать ее фотографию. Ладно, если лишь одну фотографию жены будет целовать этот непонятный муж, а если жена увидит, как он лобзает подряд сотни всяческих фотографий (кроме иконы Христа так много других, одних «Божьих матерей» не пересчитать), не обращая не нее внимания, то дело может дойти до развода.

Иисус, давая обетования Духа Святого, сказал: «Он с вами пребывает и в вас будет» (Ин. 14:17). Тот, кто через покаяние по вере впустил в сердце Духа Святого, кто пребывает в Нем, поручил себя Его водительству, посвятив Ему все сердце, кто наслаждается плодом Духа Святого, произведенном в его духе, кто не расстается с Небесным Гостем, тому нет надобности лобзать «чужие фотографии» и того Господь не оставит. Ну, а кто не имеет в сердце Духа Святого, того может тянуть и к «чужим фотографиям».

А. Кураев доходит до парадокса и спрашивает:

Можно ли, глядя на звезды, славить Творца? Можно ли, глазами взирая на земное, умом воспевать Небесное? У того же Набокова есть строчка, которую православный может обратить к протестанту: «Позволь мне жить, *искать Творца в творенье»* («Родине»). И природа может быть посредником в религиозном

становлении человека, когда своей красотой и величием исторгает из его сердца молитву к Создателю[48].

Наш ответ таков: «Безусловно, можно восхищаться природой и находить в ней следы Творца. Еще М. В. Ломоносов говорил: "Природа есть некое Евангелие, благовествующее неумолчно величие и силу Творца"». Голубое небо всегда служило утешением скорбящим. У нас есть гимн о небе, который утешал многих, лишенных свободы за имя Господа Иисуса Христа:

Небо, в прекраснейших песнях поэта Столько ты раз уже было воспето! Чистый, безбрежный, лазурный простор Часто манил всех страдающих взор. Скорбные очи в неравной борьбе, Небо, и я обращаю к Тебе. Небо, ты помнишь, мой глас неумолчно К Богу всех звал днем и в час полуночный, Узник теперь я за веру в Христа; Хочет лукавый закрыть мне уста. Нет, не умолкну, хоть тяжек гнет уз, Небо, с тобою мой вечный союз! Небо, так трудно в безбожном народе Гимн воспевать о Христовой свободе! Хватит ли сил испытанья снести? Так я устал в этом скорбном пути! Ты так ласкаешь своей синевой, Небо, скажи, что Спаситель со мной! Там, в вышине, Искупитель Христос, Знает Он путь поношений и слез!

Не восхищаться красотою звездного неба, этой величественной песнью творения, просто невозможно. Еще в юности Бог побудил написать стихотворение:

Полночное небо огромным шатром Таинственно смотрит на землю. Природа безмолвна, все тихо кругом, Небесному гласу я внемлю. Какое величье, какая краса В гармонии неба ночного! Поют симфонический гимн небеса О славе Творца Всеблагого. Кто Ты, так искусно соткавший ковер Из яхонта звезд многоликих? Как мудро его Ты кругом распростер В пространствах Вселенной великих! Кто Ты, даровавший движенья закон Светилам небесным всем вместе? Где пульт управленья, Твой царственный трон, Галактик и дальних созвездий? О Ты, несравненный Ваятель миров, Безвременный, ветхий веками, Землянин Тебе поклониться готов, Сраженный мой разум смолкает...

Но, восхищаясь красотой Божьего творения, нельзя уклоняться в пантеизм, в обожествление природы. Ни солнцу, ни звездам, ни луне — ничему из Божьего творения поклоняться нельзя. Бог повелевает через Моисея: «Дабы ты, взглянув на небо, и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им» (Вт. 4:19). Итак, если Бог восхищенному красотой воинства небесного не разрешил поклоняться Его творению, то как можно поклоняться изделию рук человеческих?!

Мы можем согласиться со следующими словами А. Кураева:

Можно быть христианином и жить по Евангелию, не имея живописных изображений (православные, молясь в лагерных бараках, где не было икон Христа, не переставали быть православными). Но с главной заповедью Евангелия — заповедью любви — трудно совместима практика обвинений других христиан в язычестве[49]

О, если бы с первой частью этого отрывка из книги А. Кураева согласились православные христиане, если бы признали, что «можно быть христианином и жить по Евангелию, не имея живописных изображений», так это было бы

прекрасно! Если иконы не являются неотъемлемой частью спасения, то зачем же писать столько книг и листовок против протестантов, зачем православным затрачивать столько усилий, чтобы препятствовать баптистам нести Евангелие людям? Зачем распространять о баптистах ложные слухи, которыми атеисты раньше настраивали народ против искренне верующих? Не секрет, что даже некоторые православные священники решались наговаривать на баптистов, имеющих много детей, ведущих трезвенную целомудренную жизнь, что будто бы они приносят в жертву детей и живут безнравственно. Православные в России при содействии милиции часто не пускают нас благовествовать в арендованных зданиях, расклеивают антибаптистские листовки и распространяют брошюрки (одной из них, часто переиздаваемой книжечке столетней давности — «Баптисты, как наиболее зловредная секта», — мы позднее уделим особое внимание).

Мы согласны также, что и баптистам не нужно оскорблять религиозные чувства православных. Апостол Павел, будучи в Афинах, «возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Деян. 17:16), и все же он, став среди ареопага, сказал: «Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны; ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано: "неведомому Богу"» (Деян. 17:22-23).

Нужно сказать, смотря правде в глаза, что и зрелые православные богословы, авторитет которых признает и А. Кураев, не скрывали наличия некоторых языческих форм, перекочевавших в православие. Еще раз обратимся к книге Дональда Ферберна:

Евангельские христиане часто обвиняют православных в том, что их визуальный подход к действительности является не только неприемлемым способом служения истинному библейскому Богу, но и языческим наследием греко-римского мира. В ответ на это обвинение православные богословы указывают, что и в язычестве не все было неверным. Успенский пишет, что роль Церкви в мире как раз и состоит в том, чтобы собрать верные элементы языческой культуры и свести их вместе. Он продолжает: «Этот процесс собирания является не влиянием языческого мира на христианство, но притоком в христианство тех элементов языческого мира, которые по своей природе должны вместиться в него; это не проникновение языческих обрядов в Церковь, но их "воцерковление"»[50].

Конечно, исповедника библейской истины шокируют слова — «в язычестве не все было неверным» . Почему же Бог тогда повелел израильскому народу истреблять все языческие жертвенники, и даже сами язычники и их имущество подвергались заклятию? Когда языческие элементы проникали в израильский быт и богослужение, то это неизменно вело ко греху, за что Бог наказывал Свой народ. «Какая совместность храма Божия с идолами? — спрашивает апостол Павел. — И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас» (2 Кор. 6:16-17).

Александр Шмеман также пишет, что «даже "естественная" религия, даже само язычество есть только извращение чего-то по природе истинного и благого»[51]. На это Дональд Ферберн дает такой ответ:

Однако даже если мы, скрепя сердце, и соглашаемся с тем, что определенная церковная практика не *обязательно* является ошибочной только потому, что она существует и в язычестве, все же мы незамедлительно цитируем вторую

заповедь «не сотвори себе кумира» и считаем, что православный акцент на иконопочитание является по существу идолопоклонством[52].

«Обожение» и его связь с иконопочитанием

В зрелом православном богословии часто встречается термин «обожение» (греч. теосис). Более основательно мы постараемся вникнуть в сущность этой концепции, когда будем рассуждать о спасении человека, а пока просто познакомим читателя с данным понятием. По православному учению Адам и Ева не были сотворены совершенными. Они призваны были достигать более полной близости с Богом. Этот путь православные богословы и называют «обожением». Грех Адама и Евы стал лишь препятствием на данном пути. Если протестанты считают, что Христос Своей смертью победил диавола и подарил людям полное спасение, как пишет апостол Павел: «Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8-9), — то православные считают, что Христос только удалил препятствие на пути человека к «обожению». Теперь человек должен идти этим путем и достичь конечной цели. Поэтому в православии никто не скажет, что спасен, для них спасение — длительный процесс, и только в вечности каждый узнает, достиг он «обожения» или нет.

Православный богослов В. Н. Лосский объясняет роль Иисуса Христа как вмешательство Бога в человеческую историю, чтобы открыть путь к соединения с Ним. Он пишет:

Предложенный первому человеку путь к обожению станет отныне возможным только тогда, когда человеческая природа восторжествует над грехом и смертью. Путь воссоединения с Богом отныне станет для падшего человечества путем спасения. Этот негативный термин указывает на преодоление какого-то препятствия: можно спасаться от чего-то, — от смерти и от греха, который является ее корнем. Божественный план не был выполнен Адамом; вместо прямого восхождения к Богу, воля первого человека уклонилась путем противоприродным, приводящим к смерти. Один только Бог может теперь возвратить людям возможность обожения, освобождая их одновременно от смерти и от пленения греху. То, что человек должен был достигнуть, восходя к Богу, то осуществляет Бог, снисходя к человеку[53].

Приведя данные слова, Дональд Ферберн поясняет:

Эта цитата свидетельствует о том, что в православном богословии между призванием и спасением существует тесная связь. Призванием человека было (и остается) достижение соединения с Богом. Спасение, нужда в котором возникла только после грехопадения, является негативной стороной призвания, освобождением от греха и смерти, которые препятствуют человеку достичь «обожения». Следует также отметить, что Бог, посредством искупительной жертвы Христа, снизойдя к человеку через воплощение, не осуществил его полного «обожения», но предоставил ему возможность достичь «обожения». В этом утверждении заключается суть православного учения о воплощении и искупительном деле Христа[54].

Коротко говоря, для нас спасение — мгновенное коренное изменение положения человека, для православных — процесс. Жаль, что православные упускают из виду слова Откровения: «И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Отк. 20:15). Это вторая смерть, и не думать о ней — опасно. Православные надеются, что с помощью заступников, угодников и достигших «обожения» будут и дальше его достигать. Не похоже ли это на маленькую индульгенцию?

Иконы в православии тесно связаны с процессом «обожения». «Зернов пишет, что икона является изображением человека, восстановленного до свойственного ему образа Божьего "обетованием победы творения искупленного над творением падшим"»[55]. Более подробное объяснение предлагает Успенский:

Если преображение есть освещение всего человека, молитвенное просвещение его духовного и физического устроения нетварным светом божественной благодати, провозглашения человека живой иконой Божьей (образом), то икона есть внешнее выражение этого преображения, изображения человека полного благодати Духа Святого. Таким образом, икона является не изображением Божества, но указанием на участие изображенной личности в божественной жизни. Это есть свидетельство о конкретном практическом опыте освящения человеческого тела[56]

Какова же роль икон в достижении «обожения»?

В православном мышлении иконы способствуют «обожению» не только элементарным напоминанием православному христианину о подвиге и благочестии обожженного святого. Успенский подчеркивает, что сила икон состоит в большем: «Сущность святости заключается в том, чтобы освещать то, что ее окружает; так и "обожение" человека сообщается тем, кто его окружает». Далее он пишет: «Поскольку благодать, которую святые стяжали на протяжении своей жизни, продолжает обитать в их образе, то эти образы повсюду помещаются для освящения мира той благодатью, которая принадлежит им». Идея, что иконы и мощи святых обладают особой силой, которая может сообщаться тем, кто прикасается к ним, была известна еще в IV веке и выдвинута такими отцами церкви, как Василий Великий и Кирилл Иерусалимский. Поэтому цель почитания иконы состоит не просто в том, чтобы научиться идти путем «обожения», следуя подвигу изображенного на иконе святого. Восточное богословие учит, что икона содержит благодать, обожившую святого, и что икона может сообщить эту благодать православному христианину. <...> Более того, поскольку иконы считаются изображенным «обоже-нием», достигнутым святыми, православные христиане верят, что, почитая и целуя иконы, повергаясь ниц пред ними и зажигая пред ними свечи, они смогут получить благодать, которой обладают святые[57].

Из вышесказанного мы делаем вывод, что даже зрелые православные богословы учат, что «благодать, которую святые стяжали на протяжении своей жизни, продолжает обитать в их образе», то есть сама икона является источником благодати. Это очень опасное суеверие. Икона легко становится самым настоящим кумиром, и как таковую ее целуют, и свечи ставят, и даже повергаются ниц перед ней. Обожествление вещи и поклонение ей связано с языческим фетишизмом. И опять-таки, это началось в IV веке, в константиновскую эпоху, когда церковь, потеряв независимость, стала государственной.

Говоря о чудотворных иконах, мы коснемся и мощей святых мучеников, которые якобы источают миро и тоже становятся источником благодати. Апостол Павел умолял, чтобы вера и служение наше были разумными, но для разумного человека странно прикладываться к мощам, воспринимая «благодатное миро». Это все рождено суеверием и приводит к культу. Если такой эрудированный философ, как А. Кураев готов пропагандировать сказания о них, что спросить с простого прихожанина. А. Кураев пишет: «Да, практика — критерий истины. Чудотворения через иконы и по заступничеству Святых есть факт, многократно и обильно подтвержденный во всей церковной истории»[58]. Похоже, здесь даже А. Кураев забыл постановление VII Вселенского собора, чтобы иконы использовались «как воспоминание», и правило — «от образа — к первообразу».

Обсуждая проблему иконопочитания, Дональд Ферберн пишет:

В популярном православии идея благодати как ниспослание энергий часто превращается просто в идею, касающуюся духовной силы. Вместо того чтобы использовать иконы и мощи как средство приобщения к божественной жизни, иметь общение с Богом и с другими верующими (святыми), простые православные христиане чаще всего склонны к тому, чтобы рассматривать физические объекты как магическое средство обретения силы, необходимой для христианской жизни. И что еще хуже, такая идея часто превращается в убеждение, что иконы и мощи таят силу сами в себе и, таким образом, могут помочь человеку приобрести то, в чем он нуждается или чего желает в этом мире. Хорошо, что в православии все же есть вдумчивые, честные богословы XX века, которые неопровержимо свидетельствуют, что эти суеверия, граничащие с фетишизмом, явились плодом отступившей от истины государственной церкви с эпохи императора Константина. Шмеман утверждает, что хотя церковь еще до IV века с почитанием относилась к мощам мучеников, не найдено никаких доказательств, что верующие принимали эти мощи как обладающие собственной силой, или что прикосновение к ним производило бы сверхъестественный результат. Однако после христианизации Римской империи в IV веке акценты сместились, и Шмеман заключает: «Останки святых, а позже и предметы, принадлежащие им или касавшиеся тела святого, стали рассматриваться как сакральные объекты, сообщавшие свою силу прикасавшимся к ним».

Лосский пишет, что в православии существует много историй, связанных с «явлением икон», то есть чудесным событием, в результате которого неизвестная прежде икона приобретает известность как источник благодати. Например, Лосский упоминает, что в Казани в 1579 году юной девушке несколько раз являлась во снах Богородица, повелевая ей показать церковным иерархам место погребения иконы Божьей Матери. Так как церковные иерархи не поверили ей, то девушка и ее мать сами разыскали эту икону Богородицы, которая впоследствии отличила себя различными чудесами. Именно ее несли перед войсками, освободившими Москву от поляков в 1612 году и от французов в 1812 году. <...>

В результате такого замещения идеи об иконах и мощах (как символах Божьего общения с миром через святых) идеей о том, что иконы и мощи содержат силу сами в себе, простые православные христиане легко теряют из виду различие, которое существует между почитанием икон и поклонением исключительно Богу.

<...> Объектом поклонения человека, который прибегает к иконам за получением жизненной силы, становится сама икона, а не Бог. Русский историк Федотов

пишет: «В древней Русской Церкви Божественное чувствовалось не вверху, в небесах, но прямо там, в наполненном святыми предметами храме, в иконах, крестах, мощах, в потире и позолоченном Евангелии, во всех тех предметах, которые целовали и которым поклонялись»...

<...> Такая форма популярного православия очень хорошо отвечает определению Шмемана, что за внешним христианским благочестием таится языческое содержание[59].

А. Кураев, желая защитить иконопоклонение, предпринимает еще одну попытку:

Писатель создает образы своих персонажей. И если уж буквально понимать заповедь «не делай никакого образа», то, очевидно, и образ Евгения Онегина должен быть разрушен. Живопись возможна не только краской. Есть живопись музыкой и живопись словом[60].

Наверное, такой живописи «музыкой и словом» больше всего в баптистских Домах молитвы. Пожалуйста, дорогие православные богословы, сделайте проповедь по Слову Божьему основой богослужений, и у вас появятся новые Златоусты. Верните в храм вместе с хоровым пением и инструментальную музыку, как было при Давиде. На каком основании инструментальная музыка у вас вообще устранена, и творческое богослужение заменено все время повторяющимися, застывшими формами обрядового служения? О, если бы живая проповедь на родном языке и хоры в сопровождении музыкальных инструментов звучали в ваших храмах, то мы в духе были бы намного ближе к вам...

«Конечно, и Библия тоже есть икона, — продолжает А. Кураев. — Просто образ Творца она передает не красками, а словами... И Евангелие есть произведение человека, явившее нам образ Христа, только написанное не красками, а словами»[61]. Ни один мыслящий баптист не выскажет возражений против этих восторженных слов, только вот с выводом, что «Евангелие есть произведение человека», согласиться невозможно, потому что все пророчества и все Писание «не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божий человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1:21).

Давайте же отбросим, дорогие православные, языческие формы поклонения Богу, проникшие в православие, и начнем поклоняться Творцу в духе и истине, вспомнив пролог Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово». Это воплощенное Слово будет и в конце земной истории. «И увидел я отверстое небо, — пишет Иоанн, — и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим; Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого; Он был облечен в одежду, обагренную кровию. Имя Ему: Слово Божие» (Отк. 19:11-13).

Почитание святых в православии

Существенной особенностью православных представлений о Церкви является возможность общения не только с живыми ее членами, но и с почившими. Иногда это соотносят с одним из пунктов Никео-Константинопольского Символа веры:

«Верую... во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». При этом соборность понимается не только как собрание душ из всех народов, но и как непрерывность общения с умершими. В подтверждение такого общения православные приводят слова Христа: «А что мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20:37-38). Конечно, протестант сразу укажет православному на слово «воскреснут» . Все живы потенциально, уповая на воскресение мертвых, а до воскресения обращаться к духу мертвого — граничит со спиритизмом. Но для православных достаточно слов «все живы», и они готовы общаться с мертвыми, почитать их, молиться им и молиться за них. Почитание святых — это тоже область православного Предания. У А. Кура-ева есть изречение, не соответствующее духу Священного Писания: «И боги Олимпа пируют вместе. Не потому, что они нуждаются в пище, а потому, что они нуждаются в общении, в литургичности»[62].

Каноническая Библия не дает права думать, что общение с умершими приносит пользу. Апостол Павел поучает: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6:7-8). В Ветхом Завете об этом мы читаем в псалме сынов Кореевых: «Человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него» (Пс. 48:8). В повествовании о богаче и Лазаре Христос ясно сказал, что в вечности перехода из ада в рай нет (Лк. 16:26).

Согласно истине Священного Писания никто не может быть посредником между Богом и грешником кроме Иисуса Христа. У согрешившего Адама и его потомков произошел разрыв с Богом. Пророк Исайя так описывает это состояние: «Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасать, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать. Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас, чтобы не слышать» (Ис. 59:1-2). Любя человека, Иисус Христос оставил славу небес, воплотился через Деву Марию, взял на Себя грехи мира, умер на Голгофе и совершил дело спасения. «Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6:23). Он наш единственный Спаситель (Деян. 4:12), единственный Посредник между Богом и людьми (1 Тим. 2:5) и Ходатай за нас (Евр. 8:6). Православные то ли боятся прийти непосредственно к Христу, то ли еще почему-то, но они в своем Предании ввели множество ходатаев, которые в народном православии или по неграмотности, или по ревности не по рассуждению, превратились в посредников. Этого, конечно, евангельские христиане не могут принять.

Что думают по этому поводу православные богословы?

Угольник пишет:

«Русский православный видит назначение святого, так же как и своей личности, в постоянных и осмысленных взаимоотношениях с триединым Богом». Поскольку Бог характеризуется не «индивидуализмом», а общением трех Божественных Лиц, вся жизнь человека должна отражать это общение. <...> Булгаков заявляет, что отвергающие почитание святых преодолевают путь к спасению в одиночку, не зная общения со святыми[63].

Как мы видим, богословы не утверждают, что святые являются посредниками между Богом и человеком, но считают их заступниками, которые молятся за верующих, живущих на земле. Это учение развилось, опять-таки, в церкви, потерявшей свободу и ставшей служанкой государства. Три каппадокийца (Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов) отстаивали это учение в конце IV века. Но в Библии нет основания для такого утверждения. Примечательно, что нет его и у Иоанна Златоуста, наоборот, он говорит о тщетности загробной молитвы.

Итак, не напрасны ли молитвы святых? Нет; напротив, они имеют великую силу, если ты содействуешь им... Но так бывает здесь, где еще продолжаются труды и подвиги, а там нет ничего такого, что спасение зависит от дел[64].

Часто бывает, что нельзя обращаться к самим господам за получением милости и даже беседовать с ними, но наперед служителей их, домоправителей и надзирателей нужно расположить к себе и деньгами и словом, и всяким способом, чтобы потом чрез них получить просимое. Но у Бога не так; напротив, Он не столько по ходатайству других, сколько по просьбе нас самих склоняется на милость. Здесь и получающий и не получающий может получить пользу; а от людей в том и другом случае мы получаем вред... Бог тогда особенно примирится с тобою, тогда особенно подаст тебе, чего ты просишь, когда ты будешь просить сам собою, когда представишь чистую душу, бодрый ум[65].

«Спаси меня, — взывает он к Господу, — ради милости Твоей, которою получили спасение все спасенные». Назову ли я Моисея, — и он не безгрешен, по свидетельству Писания; вспомню ли Аарона или даже самого Петра, верховного и великого, — и они не безгрешны и не беспорочны. Поэтому верою я хочу спастись, верою, а не делами, чтобы и мне сказал Человеколюбец: «Вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лк. 8:48). Кому Ты ни прощал грехи, никому не сказал: «Твои дела спасли тебя», — потому что пред Ним всякая правда человеческая как рубище кровоточивой. Поэтому опять говорю: «Спаси меня ради милости Твоей»[66].

Где милость, там нет расследования; где милость, там не бывает суда; где милость, там не налагается наказание; где милость, там для спасения не требуется доказательства, где милость, там не нужно оправдываться... Пока ты еще дышишь, в последний день, на самой постели, даже лежа при последнем издыхании и оставляя поприще этой жизни, и тогда покайся. Ограниченность времени не стесняет человеколюбия Божия[67].

Только в настоящей жизни возможно покаяние, а на долю будущей остаются угрозы и суд. Послушай, что говорит об этом сам пророк: «Во аде же кто исповится Тебе» (Славянская Библия. Пс. VI, 6)[68].

Какое может быть общение с невоскресшими? Разве только дух их вызывать, но это Бог запретил: «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них» (Лев. 20:27). И хотя православные настаивают, что их молитвы имеют совсем иную природу, стоит осознать, к сколь опасной сфере приближаются взывающие к усопшим.

Что же говорит Библия о месте нахождения душ до воскресения и о том, когда они воскреснут? Даниилу это было открыто: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды вовеки, навсегда... А ты иди к твоему концу, и упокоишься и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней» (Дан. 12:2 — 3:13). Как видим, даже такой великий пророк только в конце дней получит свой жребий.

Может быть, кто-то скажет: «Это же Ветхий Завет, а мы живем во время Нового Завета». Давайте обратимся к Новому Завету. Апостол Павел пишет: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы в пришествие Его» (1 Кор. 15:22-23). «Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4:15-17). Иоанну открыто было, где находятся души, принявшие смерть за истину Божью: «И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели» (Отк. 6:9). «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет; прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Отк. 20:4-6). Апостол Павел очень резко отзывается о тех, кто смущает других. Любимому ученику он дает совет: «А непотребного пустословия удаляйся; ибо они еще более будут преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться. Таковы Именей и Филлит, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было» (2 Тим. 2:16-18).

Все, что повелел нам Господь относительно ушедших в вечность, мы читаем в Евр. 13:7: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их».

В православии святые — это люди, достигшие в процессе «обожения» наиболее полного соединения с Богом. Они, в зависимости от их статуса, подразделяются на шесть основных категорий: апостолы; пророки, предвозвестившие пришествие Христа; мученики, отдавшие свою жизнь за исповедание Христа как Спасителя; отцы Церкви, защищавшие Христову веру; монахи; праведники из духовенства и мирян.

Зернов, объясняя связь между почитанием святых и «обожением», утверждает, что святые являются не посредниками, а проводниками: «Все человечество вовлечено в процесс "обожения", и святые являются теми, которые, приблизившись к конечной цели ближе других, могут духовно помочь подняться остальным». Святые «могут духовно помочь подняться остальным» посредством примера своего подвига и молитв. Булгаков пишет: «Их [святых] благодатное присутствие в Церкви, внешне являемое в их иконах и мощах, окружает нас как бы молитвенным облаком славы Божьей»... Молитвы человека к усопшему святому с

просьбой молиться о нем считается у православных одним из главных средств следования по пути «обожения». К тому же Флоровский утверждает, что молитва к святым не только предоставляет верующему помощь и заступничество, но и углубляет его понимание единства Церкви[69].

Таким образом, в зрелом православном богословии святые выступают в роли проводников и заступников. Но ведь Сам Иисус говорит: «Я есмь путь» (Ин. 14:6). «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10:11). Как можно не довериться Христу?! Кто пробивается к Нему через строй заступников и проводников, тот не доверяется Иисусу и, конечно, огорчает Его. Счастлив тот, кто, всецело положившись на Него, вместе с Давидом может сказать: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться» (Пс. 22:1). А полагаться на других проводников и заступников рискованно, тем более, они еще не воскресли.

Рассказывают интересный пример. Молодая христианка выучила со своим сыном-дошкольником 22-й псалом. На собрании, когда детям предложили прославить Господа, она поставила его на стул и ласково сказала: «Сыночек, расскажи 22-й псалом». Взглянув в зал, где было много слушателей, он испугался, а страх, как известно, отбивает память. Несколько раз он повторил: «Господь — Пастырь мой», но дальше, несмотря на подсказки, продолжить не смог. Немного помолчав, он вдруг вскинул голову и громко произнес: «Господь — Пастырь мой, и мне больше ниче не надо!» Все засмеялись, а он, спрыгнув со стула, заплакал.

Глубокий старец медленно подошел к нему, обнял и сказал: «Милый мой, какое же удивительное наставление ты мне сегодня преподал! Сколько лет прожил, а такого не слыхивал: "Господь — Пастырь мой, и мне больше ничего не надо!"».

Особо почитаемой у православных является Мария, Мать Иисуса. С. Н. Булгаков так объясняет такое внимание к Ней: «Любовь и почитание Богоматери есть душа православного благочестия, сердце его, согревающее и оживляющее все тело»[70]. Сердце — самый главный орган в теле, поэтому мы можем задать вопрос: действительно ли суть, центр благочестивой жизни — это отношение к Марии? Священное Писание отводит эту роль Христу (1 Тим. 3:16; 2 Пет. 1:3).

Православные нас укоряют, что мы не почитаем Марию. Мы Ее ублажаем, как написано в Евангелии от Луки и как Она Сама о Себе сказала в молитве: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моем, что призрел Он на смирение рабы Своей, ибо отныне будут ублажать меня все роды» (Лк. 1:46-48). Блаженство — это высшая степень счастья, и мы ублажаем Марию, считая Ее Самой счастливой из женщин. В русском языке нет точного синонима славянскому слову «блажен». Примечательно, что Мартин Лютер в своем переводе Библии употребил здесь слово «selig», производное от «Seele» (душа). Мы можем сказать, что блаженство — это небесное, безоблачное счастье вечной души. И как же можно сказать, что мы, считая Марию блаженной, не почитаем Ее?! Мы просто не можем согласиться с теми вымыслами, которыми после окружили Марию. Если она зачатое от Духа Святого Дитя назвала Господом и Своим Спасителем, значит, Она тоже, как и все люди, нуждалась в спасении.

Возвеличение Марии шло постепенно, по нарастающей:

«Богородицей», или «Матерью Божьей», Мария была названа на III Вселенском соборе в 431 г... «Приснодевой» Мария была названа на V Вселенском соборе в 553 г. Флоровский объясняет, что этот термин относится к сердечной чистоте Марии, указывая на отсутствие у Нее эротизма и эгоизма, и к Ее бесконечной физической девственности... Имя «Пресвятая» указывает на то, что Мария была безгрешной (хотя некоторые православные богословы оспаривают этот вопрос), но это не означает, что у Нее не было склонности к греху. Римско-католическая же Церковь верит в непорочное зачатие Марии в том смысле, что у Нее при рождении был изъят первородный грех. Булгаков говорит, что хотя Православная Церковь и не разделяет этого католического догмата 1854 г., тем не менее, она и не допускает в Марии никакого личного греха. Лосский, обсуждая учение Григория Панамы о Марии, также утверждает, что Она не была избавлена от склонности к греху, но была сохранена чистой от прикосновения к греху, что не исключало Ее свободы[71].

А. Кураев более категоричен в этих суждениях:

В католичестве... есть такие наслоения на вероучение древней Церкви, которые на православный вкус совсем не обязательны: догматы о непогрешимости папы римского или о Непорочном Зачатии Марии, о чистилище или о Filioque[72].

Мария возвеличена и в православном календаре. Из двенадцати главных праздников (двунадесятых) пять посвящены Марии. Евангельские праздники Благовещение и Сретение мы принимаем, а основанные на Предании праздники — «Рождество Пресвятой Богородицы», «Введение в храм Пресвятой Богородицы» и «Успение Пресвятой Богородицы» — здравомыслящему, воспитанному по Библии христианину просто невозможно принять. Предлагаем непредвзятому искателю истины проанализировать само предание, на котором основан праздник «Введение во храм Пресвятой Богородицы ».

[Этот праздник] основан на псевдоэпиграфе II века, называемом «Евангелие от Иакова». Эта книга описывает якобы исторические события, касающиеся рождения и детских лет Марии. Это «евангелие» говорит, что в возрасте трех лет Она была посвящена Богу Своими родителями для служения в храме. Захария поместил Марию в Святое-святых, где ангел кормил Ее до тех пор, пока ей не исполнилось двенадцать лет, затем Она была обручена Иосифу[73].

Вот такие, простите, «шедевры», включенные православными в Предание, не укрепляют, а разрушают веру у разумного, искреннего искателя истины. После них трудно воспринимать и Библию. В главе о библейском каноне мы отмечали, что отбор книг Священного Писания был очень тщательным. В Писание это «Евангелие от Иакова» не вошло. Какому же монаху или православному архиерею на ум пришло включить его в Предание и сделать, много лет спустя, основой двунадесятого праздника «Введение во храм Пресвятой Богородицы»?! Изучающий Библию знает, что в Святое-святых мог войти только первосвященник один раз в год. В храме для особ женского пола был определенный барьер, за который они не имели права заходить. Как мог Захария ввести Марию во Святое-святых и сам вместе с Ней остаться в живых? Он же не был первосвященником. Более того, там «Ангел кормил Ее до двенадцати лет», но ведь для роста ребенка нужна не только пища, нужна возможность и условия для реализации других физических потребностей. Как это было? Надо домысливать, что Марию выносили и опять заносили в Святое-святых? Как можно этому верить? Наверное,

поэтому ортодоксальным евреям запрещается читать Евангелие, так как этот апокриф о Марии тоже назван «евангелием». Предание нужно воспринимать, как нечто претендующее на истинность. Все это шокирует того, кто желает разумно служить Господу (Рим. 12:1; Пс. 46:8). Отметим также, что Иаков Зеведеев не мог написать такое «евангелие» во II веке, как оно датируется, потому что он был обезглавлен в середине I века (Деян. 12:1-3). Иаков, брат Господень, как свидетельствует история, был сброшен фарисеями с крыла храма, а храм был разрушен в 70 году.

Еще одно трудновоспринимаемое предание лежит в основе двунадесятого праздника «Успение Пресвятой Богородицы»:

Перед своей смертью Мария жила в доме Иоанна на горе Сион. Все двенадцать апостолов (за исключением Фомы), а также Павел, Дионисий, Ерофей и Тимофей якобы чудесным образом были перенесены с тех мест, где они проповедовали, к дому Иоанна, чтобы увидеться с Марией перед Ее смертью. В то время когда они находились в доме, с небес сошел Христос, чтобы восхитить душу Марии к Себе, а через три дня Он воскресил из мертвых Ее тело[74].

Кто мог поставить подпись под этим преданием? Неужели апостолы, включая апостола Павла, не упомянули бы об этом событии? Но они не обмолвились о нем ни единым словом. Склонно или нет сердце к этому преданию, но, кто называется православным, тому нужно верить и в успение Богородицы.

Лосский проводит следующую связь между «успением Матери Божьей» и Ее «обожением»: «Прославление Матери является видимым результатом добровольного смирения Сына: через Деву Марию Бог-Сын воплощается в человеческий облик, становясь «Сыном Человеческим» и обретая возможность умереть; Мария же, становясь Материю Божьей, обретает «надлежащую Богу славу» и является первой из человеков сопричастницей окончательного обожения тварного». Так как Мария уже достигла полного единения с Богом, православные верят, что Она является главной заступницей всех людей на их пути к соединению с Богом. Булгаков пишет, что поскольку Мария молится за весь человеческий род, православные христиане молятся Ей, призывая Ее на помощь[75].

Если православные молятся Марии, «призывая Ее помощь», то хотят они признавать это или нет, но Мария превращается в сотворенный кумир. Поэтому в Литургии, которую А. Кураев называет «душой Православия», есть такие слова: «Омой, Господи, Пречистой Своей Кровью прегрешения, упомянутые через заступничество Богородицы и всех Твоих святых».

Все вышесказанное о почитании святых разделяется и зрелыми православными богословами. В популярном, народном православии отступлений от библейской истины еще больше. Дональд Ферберн использовал в своей книге заголовок, который говорит сам за себя: «Представление о святых как посредниках и богах в популярном православии»[76]. Ранее мы упоминали, что в IV веке христиане стали оказывать не только почтение мученикам, но стали усматривать силу в самих мощах мучеников. Это привело к обособлению некоторых мучеников, и их начали расценивать как посредников между Богом и человеком. Александр Шмеман так описывает этот процесс:

Между ранней практикой и тем, во что она постепенно превратилась, начиная с IV века и далее, существует значительная разница. Первоначально обращение к усопшим святым основывалось на вере в «общение со святыми» — молитвы адресовались ко всем усопшим святым, а не только к мученикам. В новой жизни Церкви общение святых во Христе (их молитвы друг за друга и узы любви) не разрушалось смертью, поскольку во Христе нет мертвых, но все живы. Однако значительное изменение произошло тогда, когда обращение к святым сузилось и стало адресоваться только к определенной категории усопших. Начиная с IV века и далее, в Церкви стала появляться сначала чисто практическая и незаметная, а затем тщательно выработанная богословская идея о святых как об особых заступниках перед Богом, как о посредниках между человеком и Богом[77].

Надо бы православным прислушаться к этому свидетельству, так как не протестант критикует православие, а зрелый православный богослов, констатируя факты отступления православной церкви.

«Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1 Тим. 2:5), — пишет апостол Павел, но люди напридумывали великое множество посредников, явно отступив от истины. Как это могло случиться? С. Булгаков свидетельствует:

Мы испытываем одновременно и самую непосредственную близость общения с Христом, и страх и трепет пред Божеским величием нашего Судии и Господа. Для нас естественно и нужно сокрыться от этого величия, растворить Его трепетность для нас прибеганием под кров Пречистой Владычицы и святых[78].

Кто поверил в Иисуса Христа, в Его милость и спасение, кто получил спасение по благодати чрез веру, тот получает и статус богосыновства. Дух Святой, вселяющийся при покаянии в омытое Кровью Христовой сердце, дает свидетельство усыновления. Апостол Павел пишет: «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божий. А если дети, то и наследники, наследники Божий, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8:16-17). Рабского страха, о котором пишет С. Н. Булгаков, у истинного дитя Божьего нет, он исчезает. Иоанн свидетельствует: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершен в любви» (1 Ин. 4:18).

Из истории Древнего Рима сохранился такой рассказ. Победитель въезжал на белом коне под римскую триумфальную арку. Шли воины с добычей, за ними вели пленных. Массу народа, пришедшего посмотреть на будущего императора, сдерживали цепи римских воинов. Вдруг под руки солдат прорывается отрок и опрометью бежит к триумфатору. Воин догоняет его, хватает за руку и строго говорит: «Что ты делаешь? Куда бежишь? Нельзя! Это же будущий император!» — «Пусти! — кричит мальчишка. — Для вас он — император, а для меня — папа...»

Приведенное выше изречение С. Н. Булгакова не является официальным учением православной церкви. Дональд Ферберн по этому поводу делает пространное пояснение, которое, на наш взгляд, нужно привести:

Удивительно то, что Булгаков, великий русский православный богослов, защищает взгляд на святых как на посредников, отклоняющих Божий гнев от тех,

кто прибегает к ним за покровительством... Однако если Булгаков придерживается такого взгляда на почитание святых, то неудивительно, что многие православные прихожане расценивают святых не как просто заступников, но усматривают в них посредников. Фактически, как поясняет Шмеман, такое происходило и продолжает происходить, поскольку многие православные христиане испытывают недостаток богословского опыта и знаний, чтобы суметь отличить посредничество от заступничества и почтение от поклонения. Несмотря на четкое различие, которое богословски зрелое Православие проводит между вышеупомянутыми понятиями, многие прихожане (включая и многих священников) имеют склонность расценивать святых как более доступных, чем Бог. Следовательно, святые в таком случае рассматриваются не столько как проводники, которые могут оказать верующему помощь на пути к единению с Богом, сколько как сами предоставляющие необходимую помощь верующим, силу и защиту.

В действительности, историк Федотов указывает на тот факт, что в русском православии христианские святые часто наследовали языческих богов, которым поклонялись в дохристианской Руси. Так, например, Илия занял место Перуна (бога грома), а святой Власий (покровитель скота) заменил Валеса (бога скота) и т.д. Федотов утверждает, что такое соединение языческих верований с поклонением усопшим христианским святым особенно четко просматривается в случае с Марией, которая на Руси заменила Рожаницу (богиню рождения). Он пишет, что Мария «почиталась в народе жизнедательницей всей твари, и в этом достоинстве наследовала скромным и безмятежным, несколько гуманным Рожаницам». Федотов указывает на то, что в Русском православии от язычества унаследовалось намного больше, чем в греческом, поскольку почитание Марии на русской почве было и до сих пор остается наиболее развитым, чем в каком-либо другом регионе.

Как и в случае с иконами, когда почитаемый образ постепенно становится объектом, обладающим в самом себе чудесной силой, так и в случае, когда святые постепенно воспринимаются как посредники или даже божества, популярное православие в значительной степени отклоняется от зрелого православного богословия... В популярном народном православии существует явная склонность расценивать почитание святых и икон не как общение со святыми (и таким образом оценивать их через связь с Христом), но как обособленные от Христа объекты поклонения. Если Шмеман прав, то такая тенденция, несмотря на противоречие официальному православному богословию, в восточном православии присутствовала на протяжении большей части его истории[79].

После анализа догмата почитания икон и святых в православии возникает вопрос: на чем же в основном зиждется надежда православных на спасение? Не секрет, что простые православные (как их называют, прихожане или даже миряне) образ жизни ведут мало отличающийся от мирского. Как правило, они благосклонно относятся к спиртному и к связанным с ним мирскими увеселениями, не утруждают себя воспитанием такого числа детей, которое предопределил Бог, и внешне от мира не отличаются. Церковь многие посещают лишь по большим праздникам. С. Кобзарь в своей книге «Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом» с грустью отмечает, что сейчас православные стали не прихожанами, а «захожанами». Спросишь такого православного: «Ты спасен?» — Он без замедленья ответит: «Нет, я грешник». Задаешь священнику тот же вопрос

— ответ тот же самый. В лучшем случае он скажет, что находится «на пути спасения».

Мы уже немного рассуждали о сущности мистического процесса «обожения»: этим путем Бог якобы ведет человечество к совершенному общению с Собой. Грех Адама, как толкуют православные богословы, был только преградой на этом пути. Христос восстановил поврежденную адамову природу, и теперь нам нужно достигать «обожения». Это помогут совершить бесчисленные святые угодники и заступники, превратившиеся в народном православии в посредников. Смертью этот процесс не заканчивается. Панихиды, ектеньи, сорокоусты, платные поминовения якобы помогут ушедшему в вечность и там проходить процесс «обожения». Все вышесказанное выглядит как какой-то призрачный оптимизм. Может быть, его имел в виду герой пьесы М. Горького «На дне» Лука, оставивший такое стихотворное изречение:

Господа, если к правде святой Мир дорогу найти не сумеет, Честь безумцу, который навеет Человечеству сон золотой.

Но сон, пусть и «золотой», вечно длиться не будет. «Голодному снится, будто он ест, — пишет пророк Исайя, — но пробуждается, и душа его тоща; и как жаждущему снится, будто он пьет, но пробуждается, и вот он томится, и душа его жаждет: то же будет и множеству всех народов, воюющих против горы Сиона» (Ис. 29:8). Каждый воскресший в первом воскресении явится пред судилище Христово (2 Кор. 5:10). Иоанну было открыто, что будет тысячелетнее царство Христа на земле (Отк. 20:4-6). Да, оно будет, хоть II Вселенский собор осудил учение о хилиазме (тысячелетнем царстве), и будет второе воскресение грешников, и будет суд у белого престола (Отк. 20:12-13). Вот где пелена «золотого сна» спадет с глаз непокаявшегося при жизни грешника. На престоле воссядет уже не милующий Христос, а грозный Судья, «от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места». Уповавшие на шесть когорт заступников к великому удивлению и ужасу увидят кого-то из них рядом с собой и будут просить: «Заступись за меня, ты же обещал!» Но услышат: «Я ничего не обещал тебе, а обещали погрузившие тебя в "золотой сон"». Тогда каждый обратится к Сидящему на престоле: «Прости меня, Господи!» Но услышит: «Поздно, для покаяния дано было время в земной жизни!» (Отк. 2:21). Все преклонятся пред Господом, как возвещает Священное Писание: «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Флп. 2:10-11). «И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Отк. 20:15).

Восточные христиане долго не включали Откровение Иоанна Богослова в библейский канон, а включив, до сих пор не изучают его как должно. Похоже, оно им не нравится. Некоторые упрекают нас: «Зачем вы представляете Бога таким жестоким? Он милостив!» Да, Он милостив ко всем грешникам, Иисус умер за всех, всем дал время покаяться, но Бог одновременно и свят, Он не допустит, чтобы грех вошел в небо. В Небесный Иерусалим «не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Отк. 21:27). Бог дал Откровение Иоанну не для запугивания грешников, а чтобы они могли при жизни обратиться ко Христу, покаявшись в грехах, и жить по законам Евангелия. Огонь вечный уготован не людям, а диаволу и ангелам его (Мф. 25:41), но человек сам сознательно при земной жизни должен сделать выбор — с кем будет проводить вечность.

Исследуя книгу А. Кураева «Протестантам о Православии», я обратил внимание, что 27 страниц в ней посвящено адвентистам. В одном из диспутов с А. Кураевым адвентистский пастор даже воскликнул: «Как все-таки жаль, что во всем христианском мире только мы, православные и адвентисты, правильно понимаем Слово Божье!»[80] Этому пастору понравилось, наверное, следующее:

Православные богословы еще на рубеже I — II тысячелетий критиковали католическую практику субботнего поста. Еще в 867 г. св. Патриарх Константинопольский Фотий в «Окружном послании»... [писал]: «Ибо первая их неправда — субботний пост, что не только в малом отвергает предание, но и обнаруживает пренебрежение учением в целом»... В этом было явное нарушение древних «Апостольских правил»: «Аще кто из клира усмотрен будет постящимся в день Господень или в субботу, кроме единые токмо великия субботы: да будет отвержен. Аще мирянин, да будет отлучен» (Прав. 64)[81].

Стоит отметить, что днем Господним называлось воскресение, а не суббота, и что Откровение дано было Иоанну в день воскресный. Но не для этого мы привели цитату из «Апостольских правил», а для того, чтобы показать одну из граней соприкосновения православия с адвентизмом при противоположных взглядах на состояние душ умерших до воскресения и до суда. Адвентисты не желают буквально принять в Откровении вторую смерть и озеро огненное, где вечно будут души нераскаявшихся грешников. Православные не желают буквально принять суд у белого престола после тысячелетнего царства, то есть второе воскресение. И тем и другим мы посоветовали бы изучить труд И. В. Каргеля «Где, по Писанию, находятся мертвые»[82].

Мы не будем сейчас вести дискуссию с адвентистами, только подскажем, что упомянутый выше богословский труд помог бы им приобрести более правильное библейское убеждение относительно пребывания праведников и грешников в вечности.

Православным хочется посоветовать обратить внимание, что активно действующими до дня воскресения являются лишь Енох, Илия и Моисей. Первые два взяты живыми на небо, а о могиле Моисея никто ничего не знает (Вт. 34:5-6). О его теле шел спор Михаила Архангела с диаволом (Иуд. 1:9), и он был собеседником на горе преображения (Мф. 17:3). Общение с остальными умершими — это домыслы, сны, предания или спиритизм.

Из повествования о богаче и Лазаре (надо обратить внимание, что это не притча, притчей ее назвали те, кто придумывали заголовки к главам евангелий), которое изложено Лукой в 16-й главе, мы делаем вывод, что души праведников и грешников после смерти могут иметь между собой общение. Богач и Лазарь видят друг друга, но они находятся в разных местах. Между ними «учреждена великая пропасть» (Лк. 16:26), и переход через нее невозможен. Придуманного католиками чистилища или придуманных православными мытарств нет. Молитвы за умерших, чтобы изменить их состояние, бесполезны. Богач очень хотел бы, чтобы кто-то из умерших пришел к его, живущим на земле, пяти братьям и предостерег их. Ответ Авраама категоричен: «У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их... если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 16:29,31). Вывод таков: надежда на умерших заступников — тщетна, раскаяние за гробом — бесполезно. «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает.

Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6:7-8).

В заключение этой главы Бог побуждает обратиться к православным с таким увещанием: примите каноническую Библию во всей полноте как откровение Божье людям, достаточное для спасения. Вместо надежды на разветвленные предания по-особому оцените Апокалипсис Иоанна, и внимайте его повелениям. Да благословит вас в этом Господь, и Дух Святой да откроет вам тайну — Бог все нужное для спасения сказал в истинном и полном Священном Писании (Ин. 17:17). Лишнего Он ничего не сказал, что-то забыть Он не мог.

Литургия

Литургия в православии — одна из основных частей Предания, ключевое выражение жизни Церкви; Церковь же — это сакраментальное, поклоняющиеся Богу собрание.

Христос преподал апостолам тайную вечерю, такой она была у апостолов и после вознесения Христа. Михаил Горохов, ссылаясь на Евсевия Кесарийского, делает заключение, что литургия получила свое благолепие от императора Константина[83]. Почему же тайная вечеря — евхаристия — превратилась в литургию, и что такое литургия? В Древней Греции литургом назывался благотворитель, общественный деятель, который на пользу согражданам за свои средства устраивал общественные угощения — литургии. Как видим, происхождение литургии не библейское, не духовное, она родом из политеистической Греции.

В православии отрицается индивидуальный путь спасения, и литургия стала соединяющим таинством, в котором через вкушение евхаристического хлеба и вина люди становятся Церковью. Крещение, исповедь и евхаристия — вот основа православного спасения, приобщения к соборной Церкви и праву следовать по пути «обожения».

В православии существует четыре литургии. Наиболее древняя и продолжительная носит имя Василия Великого. В настоящее время более употребительна литургия, приписываемая Иоанну Златоусту. Она является сокращенной формой литургии Василия Великого. Литургия Иакова, брата Господня, совершается только в день святого Иакова — 23 октября. Приписывать авторство первому епископу Иерусалимской церкви просто нелогично. Ведь сами православные свидетельствуют, что литургия Василия Великого — «наиболее древняя», а Иаков жил почти на три столетия раньше. Он мученически закончил жизнь еще до разрушения Иерусалима Титом в 70 году нашей эры. Есть свидетельство церковного историка, что на праздник Пасхи фарисеи, узнав, что Иаков стал епископом христианской Церкви (до этого он был ревностным исполнителем Моисеева закона), упросили его взойти на крыло храма и сказать народу правду о Христе. Когда он засвидетельствовал об Иисусе, что Он — воплотившийся Бог, был распят на кресте за грехи всех людей, воскрес, вознесся и воссел одесную Отца, то народ восторженно приветствовал это свидетельство. Разъяренные фарисеи столкнули его вниз. Упав с большой высоты, он смертельно разбился. Историк с удивлением свидетельствует:

Где только он взял силы, чтобы встать на колени и помолиться: «Не вмени им, Господи, греха сего». Один из иудеев, суконщик по профессии, подбежал и деревянным валиком трижды ударил его по голове, и он почил при стене храма. Иосиф Флавий в книге «Иудейская война», описывая разрушение Иерусалима, так упоминает об Иакове: «Все это случилось с ними (с иудеями) за смерть Иакова праведника, брата Иисуса, называемого Христом. Иудеи убили его, хотя он был человек святой»[84].

Очевидно, литургия была написана в память об Иакове, брате Господнем, а ему приписали авторство. При его жизни и литургического служения еще не было, а была евхаристия, на которой ученики возвещали смерть Господа.

Четвертая литургия, приписываемая Григорию Двоеслову, совершается в определенные дни великого поста. Она не включает в себя освящение хлеба и вина для евхаристии, но совершается с использованием ранее освященных хлеба и вина.

Обычная литургия состоит из трех основных частей: проскомидии (приготовления), литургии оглашенных и литургии верных.

Приготовление включает в себя входные молитвы, облачение диакона и священника, приготовление святых даров (хлеба и вина) для евхаристии, каждение, покрытие дискоса и потира (сосуды, использующиеся во время евхаристии), и заключительные молитвы... Приготовление святых даров заканчивается чтением 50-го псалма как обращения к Богу о помиловании... После молитвенного обращения к иконе Спасителя, совершается молитвенное обращение к иконам Божьей Матери и Иоанна Предтечи, затем поминаются имена православных святых, духовенства и мирян, живших по всему миру на протяжении всей истории Церкви. <...>

Вторая часть литургии называется литургией оглашенных и открыта для всех, кто готовится к таинству крещения, а также для кающихся, отлученных от евхаристии... Эта часть состоит из прославления Бога посредством литургических молитв и хоровых хвалебных песен, а также из чтения двух мест — одного из Деяний апостолов или посланий, а другого — из евангелий... Также звучит молитва к Богу о проявлении милости к Своему народу, и часто повторяется возглас «Господи, помилуй!»... В конце второй части оглашенные отпускаются священником, иногда с молитвами о милости Божьей для них и об отпущении грехов, чтобы и они присоединились к Церкви и вошли в число Божьего стада[85].

В долитургический период, как свидетельствуют историки, когда диакон перед евхаристией провозглашал: «Оглашенные, изыдьте!», они действительно покидали собрание. Это дает нам право сделать заключение, что тайная вечеря совершалась только для членов церкви.

Третья часть литургии, литургия верных, предназначается для крещенных православных христиан... Литургия верных начинается с молитвы благодарения Богу... после которой следуют молитвы с просьбой о Божьей милости и споспешествовании в духовном понимании и жизни... Центральный момент литургии верных наступает после воспоминания смерти и воскресения Христа, когда священник читает вслух об учреждении Христом причастия и, вознося хлеб и вино, предлагает их Богу. Священник молит Бога о ниспослании на дары Духа

Святого и о преобразовании их в Тело и Кровь Христа, чтобы причащающиеся обрели покой, отпущение грехов, общение с Духом Святым и полноту Божьего Царства. После этого совершаются молитвы в память святых (в особенности о Марии и Иоанне Крестителе), а также за Православную Церковь, правителей, и за отдельных верующих поименно. Затем священник разламывает хлеб, кладет его в потир. Причащающиеся подходят к священнику, и он ложечкой раздает каждому из них смесь, состоящую из хлеба, вина и воды[86].

Мы уже отмечали, что литургия для православных очень важна, наверное, поэтому А. Кураев разъяснению смысла и значения литургии в своей книге «Протестантам о Православии» уделяет 36 страниц. Постараемся проследить ход его мыслей и сделать свои замечания.

Католическая традиция полагает, что людям (прежде всего священникам) дана власть совершать таинства и чудеса. С точки зрения протестантов это магизм, кощунство и вообще язычество... Правы они или нет в своей критике католичества — вопрос отдельный. Важно лишь заметить, что православие не есть католичество. Если... католическая традиция (равно как и обыденное мнение наших прихожан) полагает, что совершителем таинства является священник, через рукоположение получивший на то особые полномочия от законных церковных властей, то православное предание допускает совершенно иной ответ на этот вопрос[87].

Следует обратить внимание, что сам А. Кураев, не соглашаясь с мнением католиков, признает, что «обыденное мнение наших прихожан» точно такое же.

Православная традиция отодвигает момент таинственного пресуществления хлеба и вина в Плоть и Кровь Христову до молитвы призывания Духа на предложенные дары (молитва эпиклеси-са). Католическое богословие полагает, что пресуществление происходит при произнесении священником слов Христа: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое». Мы не будем вмешиваться в спор католиков и православных, когда происходит пресуществление; они со времени разделения (XI в.) до сих пор решают этот и некоторые другие вопросы. Для нас важно выяснить следующее: с кем Христос совершал тайную вечерю, и совершилось ли тогда превращение хлеба и вина в Плоть и Кровь Иисуса Христа?

Тайная вечеря описана всеми четырьмя евангелистами (Мф. 26:20-28; Мк. 14:17-24; Лк. 22:14-30; Ин. 13:12-30). Очень важно досконально исследовать этот вопрос. Православные хотят смутить нас тем, что мы не всех допускаем до вечери, и приводят в доказательство слова Христа: «И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все» (Мф. 26:27). Но кто же это были «все»? Это были только апостолы, что видно из контекста: «Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками» (Мф. 26:20). Поэтому эта вечеря и названа тайной вечерей. Этот же факт подтвержден и другими евангелистами. Но был ли здесь Иуда? Евангелист Лука нам открывает, что было две чаши: первая (Лк. 22:17) — из нее пили все; и вторая чаша — после вечери (Лк. 22:20). Вот здесь надо порассуждать, кто пил из этой чаши? На наш взгляд, этот вопрос разъясняет евангелист Иоанн. Когда Петр сделал знак ученику, возлежавшему у груди Христа, чтобы тот спросил Иисуса, кто предаст Его (Ин. 13:23-24), Иисус ответил: «Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам» (Ин. 13:26). Кусок хлеба был подан Иуде, и он тотчас вышел (Ин. 13:30). Вот тогда Иисус преподал ученикам самое сокровенное наставление. Очевидно, тогда была совершена тайная вечеря, и с

благословением была подана «чаша после вечери». Это подтверждает и апостол Павел, свидетельствуя, что порядок совершения вечери «от Самого Господа принял» (1 Кор. 11:23) и что чашу Иисус благословил и подал «после вечери» (1 Кор. 11:25).

Цель тайной вечери определена Самим Христом: «Сие творите, когда только будете пить в Мое воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. 11:25-26). Мы становимся причастниками обетовании Христовых, обновляясь в Духе упованием на Иисуса Христа. Наше спасение — исключительно дело Бога, велика Его милость к нам, грешникам. Апостол Павел четко выразил сущность спасения: «Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8-9). Спасение — акт совершенный Христом на Голгофе (Ин. 3:16; 2 Кор. 5:15; Тит. 2:11). Покаявшись пред Богом, получив прощение грехов, человек рождается свыше для вечной жизни. В сердце, очищенное Кровью Христовой (1 Ин. 1:7-9), вселяется Дух Святой и производит плод в духе человека: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5:22-23). Дух Святой бесплодным не бывает, только бы мы не вытесняли Его из своего сердца грехами. Счастлив тот, над кем сбылось пророчество Иеремии: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, — не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иер. 31:31-33).

Войдя в сердце, омытое Кровью Иисуса Христа, Дух Святой, прежде всего, дарит радость спасения. Рожденный свыше смело говорит: «Я спасен!» И это не самовнушение, а свидетельство Духа Святого. «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божий. А если дети, то и наследники, наследники Божий, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться», — так пишет апостол Павел (Рим. 8:16-17). Рожденный от воды и от Духа Святого должен совершать дела по вере. Если их нет, то «вера без дел мертва» (Иак. 2:17). Итак, мы спасаемся «благодатию чрез веру», а спасение доказываем делами веры.

Мы еще вернемся к вопросу спасения по вере, чтобы многие могли увидеть единственный евангельский путь спасения, ибо Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6).

Как же вопрос спасения понимается православными? В отличие от евангельских христиан, убежденных в том, что истина основывается на конкретном авторитетном первоисточнике, которым является Библия, православие рассматривает истину как то, чем во всей полноте обладает Церковь, как выражение той жизни, которую Церковь имеет чрез Духа Святого. Как мы уже отмечали, одной из центральных объединяющих идей православия является «обожение» — соучастие в бессмертии и нетлении Бога, разделение общения с Ним и обретение свойственных Ему качеств. Унаследовав эллинистические идеи о стремление души достигнуть единения с Богом, православные сформировали

свой взгляд на христианскую жизнь как на путь, ведущий от смерти к жизни, от мира дольного к небесной божественной жизни.

Если евангельские христиане единодушны в том, что спасение является свершившимся актом, даром, который Бог дает людям, то православные христиане больше склонны рассматривать спасение не как состояние, а как путь восхождения. Их задача заключается не в том, чтобы заново проложить этот путь, а в том, чтобы присоединиться к тем, кто уже следует по нему, и идти по их следам. Если евангельские христиане могут уверенно сказать, что они уже спасены Христом, то православные говорят, что находятся на пути к спасению. Их продвижение к «обожению» церковно-обрядо-вое. Рождение от воды они понимают буквально, то есть через крещение младенец приобщается к Церкви, а дальше исповедь и евхаристия способствуют его продвижению по пути «обожения».

Поскольку евхаристия включена в литургию, то мы постараемся, следуя книге А. Кураева «Протестантам о Православии», представить роль литургии в процессе «обожения» по представлению православных. Если верить А. Кураеву, то литургия из прихожан делает членов церкви. Он пишет:

Эпиклесис есть также моление о том, чтобы все истинно приобщились к тайне Тела Христова. Человек, люди, собравшиеся в Церковь, — это первенствующий, важнейший предмет литургического освящения. Мы составляем «материю Таинства». Мы вошли в храм просто людьми. А должны стать Церковью — Телом Христовым. И мы просим о том, чтобы через хлеб и вино, пресуществленные в Тело и Кровь Христа, Господь соделал нас Телом Христовым.

<...> Через вкушение евхаристического хлеба люди становятся Церковью с тем, чтобы соучаствовать в победе Христа над смертью. Мы входим в храм как уличная толпа, чтобы получить из Чаши нашу новую жизнь. Значит, той материей, над которой совершается чудо евхаристического преложения, являемся в последнем счете мы сами. Величайшее чудо не в том, что хлеб и вино в чаше стали Телом и Кровью, а в том, что мы становимся Христовыми[88].

Над словами: «Мы входим в храм как уличная толпа... мы становимся Христовыми», то есть Церковью, надо глубоко поразмыслить. Первый вопрос: если в храм входит «уличная толпа», то как можно ее допускать до причастия? Апостол Павел пишет: «Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (1 Кор. 11:29). Христос на тайную вечерю «уличную толпу» не приглашал. Там были только апостолы, у евангельских христиан в настоящее время в евхаристии участвуют только члены Церкви Христовой.

Второй вопрос: может быть, под «уличной толпой» подразумеваются те, кто в детстве приняли крещение или, вернее, кого крестили? До евхаристии они приходили к священнику на исповедь. Но если так, то почему они стали «уличной толпой»? Видимо, такова их жизнь. Значит, ни детское крещение, ни исповедь не дают спасения, не делают членами Церкви Христовой. Вероятно, им еще не хватает евхаристии?

Третий вопрос: предположим, следуя Кураеву, что они после литургии стали Церковью, стали Христовыми. В следующий раз эти прихожане-миряне опять

будут входить в храм как «толпа»? Да, так и будет. Рождения свыше обрядом не подменишь, пусть даже этот обряд и называют таинством.

Четвертый вопрос: совершаются ли на самом деле два пресуществления: хлеба и вина в Тело и Кровь Христа, а «уличной толпы» в членов Церкви? Этот вопрос требует основательного обсуждения. В доказательство такого пресуществления А. Кураев приводит несколько высказываний почитаемых в православии церковных деятелей. Чтобы разумный искатель истины мог сам сделать заключение, мы приведем некоторые высказывания из его книги.

На евхаристической трапезе человек сам должен стать тем, что он ест. Вкушая Тело Христово, человек свое тело должен преобразить в Тело Христа. Так, по опыту преп. Максима Исповедника, центральным моментом литургии является «пресуществление участников во Христа». «Кто причащается таинству достойным образом, тех оно преобразует сообразно самому себе» (Преп. Максим Исповедник. Мистагогия. Творения. Ч. 1. — М., 1993. С. 174). Христос преобразует верных в Себя[89].

Трудно согласиться со словами — «человек свое тело должен преобразить в Тело Христа». Сам человек никогда не сможет этого сделать. Здесь бесполезными будут и монашеские подвиги, и мистические обряды, пусть даже названные таинствами. Наша плоть всегда будет противиться духу, потому что она остается адамовой. «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе» (Рим. 7:18). «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7:22-23), — вот что должен понять каждый человек. «Ибо плоть желает противного духу» (Гал. 5:17), поэтому ее преображать бесполезно. Апостол Павел предостерегает: «Ибо, если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим. 8:13). Нужно преображение в духе. А что же делать с плотью? Ее нужно распять. «Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5:24). Эту работу необходимо доверить Духу Святому, осознав свою немощь, и полностью предаться в Его волю: «Да будет воля Твоя».

Для преображения в Его образ Христос предлагает нам поступить в «Небесный университет», чтобы получить «диплом о вышнем образовании».

I курс — прийти к Иисусу и через покаяние успокоиться в Нем. «Придите ко Мне, — призывает Иисус, — все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28).

II курс — «Возьмите иго Мое на себя» (Мф. 11:29). Здесь необходимо полное доверие Иисусу. Довериться нужно с радостью, потому что «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Нам очень трудно отказаться от своей воли. По своей природе человек хочет быть своевольным, но если он не предается воле Божьей, то диавол очень искусно уловит его в свою волю (2 Тим. 2:25-26). По своей воле мы хотели бы идти за Христом без ига. Но участь таковых печальна. Христос предупреждает: «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10:38). Всем ясно, что крест Христов — это не серебряный нательный крестик на золотой цепочке, но все страдания и гонения, которые нужно перенести за имя Господа. А

гонения для благочестивых христиан обязательно будут: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12). Без всего этого невозможно двигаться дальше.

III курс — стать похожим на Иисуса Христа. Этот курс самый трудный. Иисус говорит: «И научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:29-30). Можно совершить подвиг страдания, быть ревностным в защите истины Христовой, но не перейти на третий курс «Небесного университета», не научиться кротости и смирению и не получить «диплома о вышнем образовании». Христианину необходимо быть «светом миру» (Мф. 5:14), а без кротости мы не явим евангельского света людям, и Господь при восхищении Церкви не возьмет нас к Себе. Апостол Павел пишет: «Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко» (Флп. 4:5). Кто пытается своими деяниями сделать себя кротким, тот потерпит урон. От земных родителей кротким никто не рождается. Кротость — это одно из качеств плода Духа Святого (Гал. 5:22-23). Вот Ему и надо поручить себя, и только Он сможет повести нас по пути освящения. Поэтому мы и не можем согласиться с выводом А. Кураева: «Человек свое тело должен преобразить в Тело Христа». Не тело свое надо преображать, а преображаться духом.

К совершенству в Духе Святом ведут семь ступеней. Первые три ступени мы видим в словах апостола Петра: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа» (Деян. 2:38).

I ступень — раскаяние, осознание себя погибшим грешником, грехами распинавшим Иисуса Христа.

II ступень — покаяние, открытая молитва к Богу с просьбой о прощении и твердая решимость в сердце обратиться к Иисусу, отвернувшись от греха. Если мы просим прощения, а остаемся жить во грехах, то, как выразился приговоренный католиками к сожжению в 1498 году истинный проповедник Евангелия Джироламо Савонарола, мы являемся «колючкой в терновом венке Иисуса». Почему молитва покаяния должна быть открытой? Потому что Христос сказал: «Всякого, кто исповедает Меня перед людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10:32). «Кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда приидет во славе Своей и Отца и святых Ангелов» (Лк. 9:26).

III ступень — крещение. Мы раньше уже отмечали, что крещение без покаяния не имеет никакой силы. Апостол Петр повелевает принять крещение только после покаяния (Деян. 2:38).

IV ступень — жажда быть исполненным Духом Святым. Господь говорит: «Ибо Я изолью воды на жаждущее и потоки на иссохшее; излию дух Мой на племя твое и благословение Мое на потомков твоих» (Ис. 44:3).

V ступень — полное повиновение Духу Святому. «Свидетели Ему [Христу. — *Е. П.]* в сем мы и Дух Святый, Которого Бог дал повинующимся Ему» (Деян. 5:32).

VI ступень — быть послушным членом церкви. «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (1 Кор. 12:13).

VII ступень — вера. Мы все получаем по вере. «И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21:22).

Вот в чем мы должны проявить усилие над плотью — поручить себя Духу Святому, чтобы Он присоединил нас к Церкви и указал нам наше служение в ней. По А. Кураеву же это делает литургия. Он пишет: «Литургия — это событие, которое и делает меня христианином, которое присозидает меня к Церкви»[90].

Здесь же А. Кураев цитирует Дидахе (памятник христианской письменности начала II в.): «Как этот преломляемый хлеб, быв рассеян по холмам и будучи собран, сделался единым, так да соберется Церковь Твоя от концов земли в Царствие Твое». С этим вполне согласен любой искренний христианин. А вот с дальнейшим выводом А. Кураева опять невозможно согласиться. Он пишет: «В грехах мы отпадаем от Церкви. Причащение дарует нам "отпущение грехов" как возвращение к церковному бытию. В христианстве нет совершенно индивидуального, частного пути спасения»[91].

Слово Божье учит нас, что не причащение дарует нам «отпущение грехов», а раскаяние и исповедание грехов. Христианин должен быть примиренным с Богом до причащения, иначе может быть трагический исход. Апостол Павел предупреждает: «Посему, кто будет есть хлеб сей и пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны, и немало умирает» (1 Кор. 11:27-30).

Вторая фраза А. Кураева: «В христианстве нет совершенно индивидуального, частного пути спасения» — также находится в противоречии со Словом Божиим. Христос умер за всех, но оптового спасения нет, это диавол оптом хочет всех увлечь в ад. Из приведенного выше текста Священного Писания видно, что каждый лично должен «испытывать себя». Мы каждый лично грешим перед Богом, и лично каждый должен публично покаяться. Оптом только князь Владимир в 988 году крестил в Днепре киевлян. А апостол Петр пишет, что крещение — это «обещание Богу доброй совести» (1 Пет. 3:21). Воин каждый лично дает присягу, и христианин, духовный воин Иисуса Христа, должен каждый лично дать «обещание Богу доброй совести». «Испытай меня, Боже, — молится Давид, — и узнай сердце мое; испытай меня, и узнай помышления мои, и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный» (Пс. 138:23-24). Каждый должен лично избрать Христа своим Пастырем и вместе с Давидом сказать: «Господь — Пастырь мой» (Пс. 22:1).

В защиту мистического представления православных, что хлеб в евхаристии превращается в Тело, а вино в Кровь Христа, А. Кураев приводит свидетельство монаха и старца-подвижника о чудесном превращении хлеба и вина.

«Древний патерик» рассказывает о монахе, который не мог причащаться, ибо каждый раз в минуту причастия он видел на литургии закалаемого отрока. «Когда подходили братия принимать, давалось им тело, и когда взывали они, говоря аминь, становилось оно хлебом в руках их... Если бы мог человек вкушать тело, тело и обреталось бы, но поелику никто не может вкушать мясо, посему учредил Господь хлебы для причастия. Итак, с верою ли примешь то, что держишь в руке

твоей? И я сказал: верую, Господи. И когда я сказал сие, *тело, которое я держал в руке моей, стало хлебом,* и, возблагодарив Господа, я принял святую просфору».

Или противоположный случай: некий старец-подвижник считал, что дары суть лишь образ Тела Христа, но не само Тело. По молитвам братии ему была открыта истина: он увидел в чаше младенца и когда после этого с верою исповедал «Верую, Господи, что хлеб — Твое тело», — и тотчас *плоть, которая была в его руке, сделалась хлебом,* согласно славе таинства, и он вложил его в рот и принял, благодаря Бога. Сказали ему старцы: «Бог знает природу людей, что не могут они есть плоть сырую, поэтому Он делает Свое Тело хлебом, а Свою Кровь — вином для тех, кто принимает его с верой». В Древнем Патерике заключительная фраза звучит так: «И сказали старцы: Бог знает человеческую природу, что не может она есть сырую плоть, и потому *прелагает Тело Свое в хлеб, и Кровь Свою — в вино,* для приемлющих сие с верою»[92].

Что сказать в ответ на эти, на наш взгляд, слишком примитивные аргументы? Первое: нельзя на монашеских видениях, граничащих с галлюцинациями, строить догматику. Эти примеры только еще раз утверждают евангельских христиан в том, что Предание является очень слабым основанием для поиска истины, ее надо искать в Священном Писании и утверждаться на нем.

Не ясно, заметил это А. Кураев или нет, но из приведенных выше высказываний видно, что и монаха, и старца-подвижника очень смущал догмат превращения хлеба в Тело, а вина в Кровь Христа. И вкушали-то они все же хлеб, а не Тело, и пили вино, а не Кровь Господа. Хлебом и вином им просто были символически представлены Тело и Кровь Иисуса. Вот так и мы воспринимаем в причащении хлеб как символ Тела Спасителя, а вино — как символ Крови, пролитой Спасителем за нас.

Сколько бы ни приводилось человеческих заверений относительно пресуществления хлеба и вина в Плоть и Кровь Иисуса, все они — сомнительные предания. Слово Божье гласит: «Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, яди-те, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание» (1 Кор. 11:23-24). Эту тайную вечерю совершал Сам Христос, Он Сам сказал, преломив хлеб: «Сие есть Тело Мое». Но ведь Христос-то был в теле, и ученики не тело живого Господа вкушали, а хлеб как символ будущих страданий Иисуса. Это понятно каждому здравомыслящему человеку. То же самое было и с вином. Более того, неужели Бог, запретивший употреблять кровь животных, мог предлагать последователям истины пить человеческую кровь и есть человеческую плоть? Конечно, нет! Этими домыслами (а вместе с ними отпущением грехов покойникам, молитвами умершим и за умерших и т. п.) только расшатывается разумная вера ищущих истину в Священном Писании.

Православные, пытаясь защищать выдуманный ими догмат пресуществления хлеба и вина в Плоть и Кровь Господа, приводят слова Христа: «Я — хлеб живый, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую я отдам за жизнь мира... Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6:51,53). Эти слова Иисус сказал задолго до Своего распятия. Поэтому к евхаристии их относить не нужно. Ключом для правильного

понимания данного места Священного Писания является пояснение Самого Христа: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6:63). Сам Христос объяснил, что их нужно понимать символически.

В Ветхом Завете пасхальный агнец был прообразом Иисуса Христа. Вкушать его нужно было всего: голову, ноги и внутренности. Иоанн пишет: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог... И Слово стало плотию» (Ин. 1:1,14). Вот эту Плоть, это Слово, этого Иисуса надо воспринимать всецело (вкушать как пасхального агнца). Христос единственный за нас пролил Кровь, и эту Кровь надо воспринимать (пить) как единственное спасительное средство, спасающее от греха и смерти. «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1 Ин. 1:7).

Примечательно также, что, как указывает А. Кураев, «православное переживание евхаристии было сформулировано на Константинопольском Соборе 1157 года»[93]. Вот только когда! А до этого, значит, были разные представления по вопросу пресуществления даров.

В заключение этой главы о тайной вечере и о литургии мы с большим желанием воспримем наставления Иоанна Златоуста и посоветуем всем христианам помнить их и при участии в воспоминании страданий Господа Иисуса Христа, и в повседневной жизни.

Вот говорю и объявляю, и громко взываю голосом, никто из имеющих врага да не приступает к священной трапезе и не принимает Тела Господня, никто приступающий да не имеет врага!.. При принесении жертвы Он не упомянул ни о каком другом деянии праведном, кроме примирения с братом, показав, что любовь больше всех добродетелей... Если эта жертва принесена для мира твоего с братом, а ты не заключаешь мира, то напрасно ты участвуешь в жертве[94].

Какова была у Него [Христа. — *Е. П.]* пища, таково же и питие; пищею Его был ячменный хлеб, а питием — вода из потока. Такую любомудрую жизнь Он вел для того, чтобы научить и других воздерживаться от чревоугодия, презирать пышность, отвращаться от тщеславия.

<...> И ты, возлюбленный, имея такие примеры, презирай жизнь, исполненную тщеславия и пышности, веди жизнь простую и неизысканную, если хочешь сделаться славным и великим[95].

Подлинно, ничто так не делает человека рабом, как множество потребностей; и ничто так не делает свободным, как довольство лишь необходимым[96].

Бог ничего так не требует, как благодарности: она есть жертва, приношение, знак признательности души[97].

Бог попускает умножаться бедствиям не для того, чтобы потопить нас, но чтобы сделать нас более опытными и яснее показать Свою силу[98].

Избежать наказания можно не за наши добродетели, но по Твоей [Божьей. — *Е. П.]* благости, потому что избавление от суда зависит от Твоего Человеколюбия. Если мы не удостоимся его, то наши дела не в состоянии спасти нас от будущего гнева".

У людей правда не соединяется с милостью; а у Бога не так, но с правдою соединяется и милость, и притом такая, что и сама правда называется человеколюбием[100].

Итак, не будем смущаться и беспокоиться в искушениях, если мы не тотчас получаем избавление от них, но предоставим время избавления Самому Господу; и когда совершим что-нибудь доброе, не будем тотчас требовать воздаяния, но также будем полагаться на Его волю, потому что, если Он откладывает, то после делает большее воздаяние. Будем же благодарить Его за все и постоянно возсылать Ему хвалу. Таким образом и настоящую жизнь мы проведем в великой безопасности, и достигнем непременных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа[101].

Еще и еще хотелось бы приводить такие слова и внимать наставлениям, в которых нет расхождений со Священным Писанием. Живая проповедь, толкование на все книги Библии — вот чем ценен Иоанн Златоуст. Именно это нужно народу, а не застывшее однотипное обрядовое служение. Расхождений с библейским учением у Иоанна Златоуста очень немного. Например, в толковании на все псалмы, занимающем около тысячи страниц, пишущий данные строки только на двух страницах (829 и 830) обнаружил высказывания, несоответствующее евангельско-баптистской догматике. Да и по следованию единому образу крещения, оставленному в Евангелии (Иоанн Златоуст принял крещение по вере после двадцати лет), его смело можно назвать баптистом.

Вселенские соборы

Решения вселенских соборов в православии тоже являются частью Предания. Православие, как уже отмечалось, иногда называют Церковью Семи Вселенских соборов. Их решения не подлежат обсуждению. Однако важно иметь в виду следующее:

Православный взгляд на иерархию Церкви и на соборы значительно отличается от католического: епископы и соборы сами по себе не обладают каким-либо реальным авторитетом. Они не возвышаются *над* остальной частью Церкви как источник авторитетного учения; их функция, напротив, заключается в том, чтобы узнать истину *внутри* Церкви, внутри христианского сообщества.

Однако подобная концепция отношений между епископами и мирянами Православной Церкви озадачивает евангельских христиан. Естественно, возникает вопрос о том, в чем тогда заключается авторитет, если акцент делается как на епископов, так и на соборы, но, тем не менее, христианское сообщество имело право отвергать решения епископов и соборов.

<...> Пророки и апостолы, ранние отцы Церкви, епископы и миряне рассматриваются в тесной связи друг с другом. Таким образом, отсутствует потребность возвышать одну группу над другой, присваивая ей особый авторитет. Все они являются свидетелями истины, которой обладает Церковь, и Православная Церковь не пытается проводить различий между ними. Фактически, деление евангельского (и западного) христианства на десятки разных деноминаций и богословских перспектив, являющихся результатом

индивидуалистического воззрения, многие православные христиане расценивают как трагедию. (Следует заметить, что и Восточное христианство является далеко не настолько целостным, как пытаются в этом убедить некоторые из его приверженцев. Православие столько же страдает из-за глубоких разделений и борьбы за власть внутри него, как и евангельские христиане.)[102]

Прежде чем начать конкретные рассуждения о вселенских соборах и их роли в православии, приведем высказывания известных православных богословов о роли авторитета в Церкви. Некоторые из их выводов нас удивляют и настораживают.

Алексей Хомяков, русский государственный деятель XIX в., обвиняет протестантизм и католицизм в чрезмерно индивидуалистическом подходе к христианству, и утверждает, что только Православная Церковь сохранила первоначальное корпоративное понимание веры. Он заключает: «Неизменное постоянство и непогрешимая истина христианского вероучения зависит не от иерархии, но хранится всем сообществом Церкви, которая есть Тело Христово»[103]

Один православный священник в дружеской беседе пожаловался нам: «Вам проще управлять церковью — у вас есть членство, а у нас его нет. Пришел человек в храм, ушел из храма, — кто он, как на него полагаться, мы не знаем». Так как же в таком «народе» может храниться «непогрешимая истина»? Это трудно себе представить.

Заявление Николая Арсеньева нас поражает еще сильнее:

Восточная Церковь не выделяет никакого формального юридического авторитета. Для нее Христос, апостолы, вселенские соборы не являются «авторитетом». Здесь вопрос заключается не в авторитете, но в бесконечном потоке благодатной жизни, источником которого является Христос и в котором каждая личность несется как капелька или небольшая волна[104]

Как можно сказать, что «Христос не является авторитетом»?! Он — «камень, который отвергли строители, сод ел алея главою угла. Это — от Господа, и есть дивно в очах наших» (Пс. 117:22-23). Он — «истинный Бог и жизнь вечная» (1Ин. 5:20). Он — «путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6).

Максим Агиоргусий (греческий священник, живущий в Америке, род. в 1935 г.) пишет:

Святая Библия, а в особенности Новый Завет, не содержит всех доктрин и всего учения Христа. Церковь, которая произвела Библию, не подчиняется полностью лишь одному эпифеномену, даже наиболее авторитетному, такому как Священное Писание. Значительная часть учения и доктрин Христа продолжает присутствовать и передаваться по наследству поколениям святых другими средствами и путями, являющимися частью жизни Церкви, жизни в Святом Духе[105].

В предыдущих главах «Вопрос авторитета в трех христианских течениях» и «Библейский канон» мы частично касались вопроса безоговорочного авторитета Библии в установлении доктрин, но здесь опять приходится напомнить, что Церковь не произвела Библию. И Церковь, и Библия созданы Христом и Духом

Святым. Священное Писание — это подарок Бога людям. Что-то забыть или сказать лишнее в Библии Бог по Своей сущности не мог. Ветхий Завет, первая часть Библии, уже был у евреев за много веков до создания Христом Церкви, и почти за три века до распятия Христа он был переведен на греческий язык. Христос сказал: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39). Церковь не может быть руководимой Духом Святым, если Священное Писание, Автором которого Он является, будет в пренебрежении. Апостол Петр пишет: «И притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших, зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божий человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1:19-21).

Один из самых популярных православных богословов В.Н. Лосский утверждал,

...что Священное Писание и Предание Церкви неотделимы друг от друга и являются «одной и той же полнотой Откровения, переданной Церкви»... она может передавать истину и в устной форме, не устанавливая ее в письменном виде, как Писание. Таким образом, Церковь способна провозглашать истину, не ограничиваясь только тем, что записано в Библии — истина присутствовала бы и без существования Библии[106].

Как же могла бы истина присутствовать без Библии, если Бог установил, что именно Библия — это Слово Божие, а Сам Иисус сказал: «Освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина» (Ин. 17:17)?

Дональд Ферберн в своей книге «Иными глазами» приводит по данному вопросу также высказывания Булгакова, Уэра, Мейендорфа, Шмемана, Флоровского, которые очень схожи с предыдущими, поэтому мы их здесь не помещаем. Стоит только заметить, что почти все перечисленные богословы (кроме Хомякова) были или высланы из России или родились на Западе, поэтому фактическую жизнь русского православия они знают мало. Их суждения имеют скорее историко-философский, чем практический характер. Дональд Ферберн их богословские рассуждения называет «зрелым православием » (в отличие от православия популярного, народного). С их выводами мы еще будем встречаться, а пока обратимся к христианской истории первого тысячелетия и порассуждаем о вселенских соборах.

Бог позаботился на будущие времена оставить в Деяниях апостолов образец соборного решения духовных вопросов. Когда у выдающихся благовестников Павла и Варнавы произошло разногласие с пришедшими из Иудеи, которые учили братьев: «Если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись» (Деян. 15:1-3), то они решили отправиться в Иерусалим, чтобы решить спорный вопрос. «По прибытии же в Иерусалим, они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами» (Деян. 15:4). Были выслушаны обе стороны. Павел и Варнава «возвестили все, что Бог сотворил с ними, и как отверз дверь веры язычникам». Потом высказывались защитники Моисеева закона, которых Лука называет «некоторые из фарисейской ереси» (Деян. 15:5). Рассуждение шло долго, конец ему положили столпы Церкви Петр и Иаков (Гад. 1:9). Речь Петра очень лаконична. Его вывод таков: «Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить

на выю учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?.. Тогда умолкло все собрание и слушало Варнаву и Павла» (Деян. 15:10,12). Какое уважение, какая покорность, какой авторитет Петра! Но итог подвел все же первый пресвитер Иерусалимской церкви Иаков: «Мужи братия! — сказал он. — Послушайте меня. Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое. И с сим согласны слова пророков... Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтоб они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе» (Деян. 15:13-15; 19-20). У собора было и записанное постановление (Деян. 15:22-29). Истина восторжествовала!

Напрасно Максим Агиоргусий обвиняет Библию, что она, «а в особенности Новый Завет, не содержат всех доктрин и всего учения Христа». Если бы Церковь устояла в истине, не стала государственной, не пошла, как говорит В. С. Соловьев, путем кесарепапизма, то не раздавались бы голоса, что Библии недостаточно для спасения и церковного устройства. Только введение государственной церковью новых, ненужных, непредусмотренных Богом обрядов и кумиров, могло ее сделать недостаточной.

Уже Первый вселенский собор, собравшийся в г. Никея в 325 году, был совершенно не похож на Апостольский собор в Иерусалиме. Вместо «столпов Церкви» на Никейском соборе священнослужителей председательствовал император Константин, который еще не принял крещение и занимал пост верховного языческого жреца. Православные историки восторженно описывают начало собора. Епископы разместились в виде большой подковы, а в центре было поставлено кресло для императора Константина. Когда он вошел, все епископы вставанием приветствовали его. Возникает вопрос: зачем он нужен был на соборе священников? Православные историки скажут, что непочтительно было бы без внимания оставить императора. Ну тогда бы нужно было и на первоапостольский собор пригласить императора Нерона. Вот почему Михаил Горохов задает вопросы:

Если в крещении из человека изгоняется сатана [по православной догматике. — *Е. П.],* а царь Константин крестился лишь перед своей смертью и во время работы Собора был некрещеным, то не значит ли это, что неизгнанный диавол присутствовал в Константине и участвовал в работе Собора?[107]

Почему императора Константина Церковь причислила к лику святых, а язычники — к лику богов?[108]

Чем вызвано наименование «равноапостольным» в Церкви православного императора Константина, который крестился лишь перед смертью, а при жизни умерщвлявшего даже своих родственников, например, родного сына и жену? Обязан ли православный ученик Христа воздавать ему религиозное поклонение и лобызать его иконы и «святые мощи», как учит православная Церковь?[109]

Таким было начало вселенских сборов. Тем не менее положительное мы воспринимаем, а положительным было начало решения проблемы арианства, хотя к ней будут возвращаться еще два вселенских собора. Сущность проблемы в том, что епископ Арий стал учить, что Христос, Сын Небесного Отца, является Его творением. На соборе епископы, указывая на Божественность и извечность Сына,

провозгласили, что Сын единосущен Отцу. Был принят Никейский Символ веры. Арианство было признано ересью.

Поскольку сегодня свидетели Иеговы исповедуют похожее учение, мы считаем нужным подробнее изложить суть проблемы. В Отк. 3:14 записано: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия». Неправильно истолковывая слова «начало создания», свидетели Иеговы делают такое заключение: раз Христос создан Богом, то Он уже не Бог. Но слова «начало создания» имеют совершенно другой смысл, а именно: Христос — Создатель. Это видно уже в прологе Евангелия от Иоанна. Он пишет: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть... И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как единородного от Отца» (Ин. 1:1-3,14). Это же подтверждает апостол Павел в Послании к колоссянам: «Благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете, избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов, Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли [это ангельские чины. — *Е. П.]* — все Им и для Него создано» (Кол. 1:12-16). Слова «рожденный прежде всякой твари» исключают всякую возможность причислять Христа к творению. Раз Он рожденный, то Он единосущен Отцу. Он Сам мог это подтвердить: «Я и Отец — одно» (Ин. 10:30); «Я в Отце, и Отец во Мне» (Ин. 14:11). Подобное порождает подобное: рожденное от плоти есть плоть, рожденный от Бога есть Бог. Христос — Творец Вселенной. «Все Им и для Него создано» (Кол. 1:16). В Священном Писании многие места подтверждают, что Христос есть Бог. Исайя пророчествовал о Нем: «И нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий» (Ис. 9:6). Иисус — Бог крепкий. Иоанн пишет: «Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе: Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин. 5:20). Апостол Павел также называет Иисуса Богом: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян, которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, Сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь» (Рим. 9:3-5). «И беспрекословно — великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3:16).

Никейский собор принял Символ веры, который был доработан на Втором Константинопольском вселенском соборе. В окончательной редакции Символа веры о Христе так сказано:

Верую... во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного, от Отца рожденного прежде всех веков, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворен-ного, единосущного Отцу, через Которого все сотворено.

На Первом вселенском соборе также решился вопрос о том, чтобы воскресенье было днем покоя. А. Кураев в беседе с адвентистами приводит ценные свидетельства о почитании воскресного дня, с которыми мы согласны и которые желаем поместить в нашу книгу.

Уже в начале второго века св. Иустин Философ говорит, что «в так называемый день Солнца бывает у нас собрание в одно место всех. В день же Солнца мы все вообще делаем собрание потому, что это есть первый день, в который Бог, изменивши мрак и вещество, сотворил мир, и Иисус Христос, Спаситель наш, в тот же день воскрес из мертвых» (Апология 1, гл. 67 // Ранние отцы Церкви. С. 338-339). День Солнца, упоминаемый Иустином, — не более чем техническое обозначение дня (римский календарь знал день Венеры, день Марса, день Меркурия). <...>

Более того, совпадение воскресного дня с днем Солнца для древних христиан имело радостный оттенок. Ведь Сам Христос есть Солнце Правды: «А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Мал. 4:2)[110].

В первые три века своей жизни христианская Церковь совершала свой главный праздник в тот день недели, который все окружающие считали именно первым, а не последним, будничным, а не «выходным». Ведь лишь с Константином Великим воскресный день стал общепраздничным. А в славянском мире богословское значение этого дня оказалось тем более стертым, что первый день творения ветхого и творения нового, то есть день двух величайших Дел — был назван «недельным» (...Само слово «неделя» означает «неделание, отдых от труда».) <...>

В конце первого века... говорит апостол Варнава: «Мы и проводим в радости восьмой день, в который Иисус воскрес из мертвых» (Послание Варнавы, 15). Игнатий Богоносец (ученик апостола Иоанна) еще конкретней свидетельствует: «Жившие в древнем порядке вещей приступили к новому упованию, и уже не субботствуют, но наблюдают в своей жизни день Господень, в который воссияла и наша жизнь чрез Него и через смерть Его» (Магнез., 9).

Среди авторов второго века можно упомянуть св. Иустина Философа: «Праведный Ной при потопе с прочими людьми, составляя число 8 человек, были символом того дня, в который наш Христос явился, восставши из мертвых, и который по числу есть восьмой, но по силе всегда первый... Можно было бы, друзья мои, доказать вам, что восьмой день более, нежели седьмой (Быт. 17:12) заключал в себе таинство... Заповедь об обрезании, повелевающая, чтоб младенцы обрезывались непременно в восьмой день, была прообразом истинного обрезания, которым мы обрезались от греха и заблуждения через Господа нашего Иисуса Христа, воскресшего из мертвых в первый день недели» (Разговор с Трифоном Иудеем. 138; 24; 41). В «Дидахе» («Учении 12 апостолов») предписывается: «В день Господень, собравшись вместе, преломите хлеб и благодарите, исповедавши грехи свои, дабы чиста была ваша жертва» (Дидахе, 14).

В конце того же второго столетия христианской эры упоминает о праздновании христианами воскресного дня Климент Александрийский: «В день Господень он славит воскресение Господа в нем самом» (Строматы 7, 12). Здесь стоит заметить, что словосочетание «день Господень» ни разу в библейских текстах не прилагается к субботе.

В начале III века св. Ипполит Римский в «Апостольском предании» указывает: «В субботу те, кто примет крещение, пусть соберутся, по указанию епископа, в одно

место. Всем им повелевается, чтобы они молились. И пусть они молятся всю ночь, и да читается им и да наставляются. Пусть не приносят с собой никакой вещи, кроме лишь того, что каждый принесет для евхаристии. Ко времени пения петуха епископ пусть молится сначала над водой» (Апостольские предания // Богословские труды М., 1970. №5. С. 288)[111].

Иоанн Златоуст пишет: «Дабы вам убедиться, что нам можно праздновать постоянно, что нет для этого определенного времени, и мы не связаны зависимостью от времени, послушайте, что говорит Павел: "Посему да празднуем". Не время составляет праздник, но чистая совесть, что праздник есть не что иное, как радость» *(Св. Иоанн Златоуст.* Творения. СПб., 1896. Т. 2. Кн. 1. С. 496)[112].

Эти слова можно подтвердить Священным Писанием: «Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело — во Христе» (Кол. 2:16-17).

Все заповеди Бог не объясняет, и только о субботе дает повеление (Исх. 20:11: *потому что* почил Бог в этот день от дел Своих; Вт. 24:18: *потому что* ты был рабом в земле Египетской). Златоуст поясняет эту особенность Писания: объяснение придается этой заповеди потому, что это не естественная заповедь, а особая; "потому что она не из первоначальных и не открыта нам совестию, но есть заповедь частная и временная" *(Св. Иоанн Златоуст.* Творения. СПб., 1896. Т. 2. Кн. 1. С. 142)[113].

На слова Златоуста, что суббота есть «заповедь частная и временная», стоит обратить внимание. Во Второзаконии Моисей поясняет, с какого момента Бог заповедал Израилю праздновать субботу: «И помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний» (Вт. 5:15). Также апостол Павел пишет: «Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано "и потомкам" как бы о многих, но как об одном: "и семени Твоему, которое есть Христос"... Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени, к которому относится обетование, и преподан чрез Ангелов рукою посредника» (Гал. 3:16,19). В Послании к римлянам апостол Павел говорит, что «конец закона — Христос» (Рим. 10:4). Как же Христос поступил с законом? Он его исполнил. Какое отношение теперь закон имеет к нам? Апостол Павел поясняет: «А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоящую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением» (Еф. 2:13-15).

Что означают слова «упразднив... закон заповедей учением»? Вспоминается беседа с одной почтенной старицей-адвентисткой. После прочтения приведенного выше места Священного Писания ей был задан вопрос: что значит слово «упразднил»? Она добродушно улыбнулась и ответила: «Сделал праздником». Но так ли это? Стоит открыть толковый словарь В. Даля и станет ясно, что слово «упразднить» означает — «уничтожать, закрывать, отменять».

В Ветхом Завете Бог заповедал, чтобы человек шесть дней работал, а седьмой день был днем покоя и общения с Богом (по-еврейски «покой» — «шаббат», отсюда русское слово «суббота»). Старый закон заповедей Иисус «упразднил»

(Еф. 2:14-15), а с ним упразднено и формальное соблюдение субботы. Но мы следуем Божьему принципу, особым образом выделяя один день недели как посвященный Богу. Но самое главное, мы празднуем не собственно день, а факт воскресения Иисуса Христа. А почему Он воскрес именно в первый день недели (ставший седьмым в русском календаре) — это Его сокровенная тайна.

Мы уже говорили, что пояснения А. Кураева адвентистам правильны и цитаты очень полезны, но вот согласиться с его последним выводом никак нельзя. Он пишет:

Есть еще в адвентизме хилиазм — мечта о том, что на исходе апокалиптических событий в будущем установится на земле тысячелетнее царство Христово, царство праведников... Понятно, что у людей, не имеющих полноты благодатно-церковной жизни, нет ощущения того, что Царство Христово уже посреди нас. Но ведь это действительно так... «Хотите почувствовать, что Царство Христово уже есть на земле? Так будьте нищими духом, ибо тех есть Царство Небесное. "Царство Мое не от мира сего", — а вам хочется еще здесь на виду у всех поцарствовать, вам хочется такого Царства со Христом, которого ждали и ждут иудеи от своего Мессии. Но не придется ли ради этого удовольствия отказаться от истинного Христа, как отказались от Него иудеи? Вспомните, что пишет апостол Павел о Царствии Божием, что оно не есть "пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе (Рим. 14:17)"» — обращался в начале века к адвентистам православный миссионер *(Прот. Савва Потехин.* О тысячелетнем царствии Христа // Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. СПб., 1914. № 3. С. 438). Поиск грядущего 1000-летнего царства мешает понять, что Христос уже давно стоит у дверей. Чтобы ввести в Свое Царство внутрь человека, Ему совсем не обязательно дожидаться времени антихриста[114].

Что ответить на это заявление А. Кураева? Просто жаль видеть мыслящего богослова, скованного православной догматикой. Мы уже поясняли, что II Вселенский собор осудил учение о хилиазме (тысячелетнем царстве), а решения вселенских соборов в православии не отменяются. Хоть православные позднее включили Откровение Иоанна в библейский канон, но настороженное отношение к нему у них так и осталось.

Откровение заканчивается очень строгими словами, которые еще и еще надо напоминать православным: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» (Отк. 22:18-20). Хотя православные богословы сегодня не покушаются на целостность текста Книги Откровение, они не готовы принимать изложенное в ней учение во всей полноте, и поэтому, в каком-то смысле, они «отнимают» от нее. Мы не хотим угрожать А. Ку-раеву, а только напоминаем Божье предупреждение. Как можно, утратив страх Божий, изымать своими толкованиями истину, содержащуюся в этой богодухновенной книге? Но слова Откровения на века остаются незыблемыми: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертание на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет; прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий

участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет. Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы» (Отк. 20:4-7).

Трижды в этих стихах упоминается тысяча лет. Будет тысячелетнее царство Христа, несмотря на неверие А. Кураева и ему подобных. Необходимо, чтобы православная догматика совершенно закрыла глаза, чтобы не увидеть ясный смысл богодухновенного Откровения Иоанна и отрицать грядущее тысячелетнее царство Христа.

Мы много времени уделили I Вселенскому собору, дальше постараемся быть краткими, так как в рамках данной книги нет возможности подробно обсудить работу всех соборов.

II Вселенский собор был созван в 381 году в Константинополе, куда Константин перенес столицу Римской империи. На этом соборе был дополнен и утвержден Символ веры в редакции, которую сегодня обычно называют Никео-Константинопольской (или Никео-Цареградской). Собор полностью отверг учение Ария и провозгласил равенство и единосущность Бога Сына и Бога Духа Святого с Богом Отцом. Это как раз времена разработки учения о Троице. На Западе большой вклад в это учение внес Августин Блаженный, на Востоке — каппадокийские отцы: Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский.

Как мы уже отмечали, к сожалению, Откровение Иоанна должного признания тогда еще не получило. Собором даже было вынесено решение: осудить учение о хилиазме. Возможно, поэтому в Символе веры ничего не сказано о втором воскресении.

III Вселенский собор был посвящен учению о Личности Христа. Он состоялся в 431 году в Ефесе (на западе нынешней Турции). На нем было осуждено учение Нестория Константинопольского, описывающего Божественность и человечность Христа таким образом, что Сын Божий и Сын Человеческий, фактически, рассматривались как две разные личности. По мнению Нестория, Иисус родился человеком, с Которым, с момента Его зачатия, соединился Сын Божий и обитал в Нем как в храме. Против Нестория активно боролся Кирилл Александрийский. Собор принял точку зрения Кирилла и объявил Нестория еретиком. Впрочем, учение Кирилла не все считали приемлемым, и споры продолжались и после собора. Ситуация усугублялась государственным вмешательством в церковную полемику.

Христологический вопрос не был разрешен до следующего, IV Вселенского, собора. Он состоялся в 451 году в Халкидоне, на северо-западе нынешней Турции, вблизи Никеи. Собор установил более точную формулировку догмата о Христе: Христос имеет одно Лицо, но две различные природы, божественную и человеческую, которые соединены в Нем «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно». На соборе были осуждены епископ Диоскор Александрийский и архимандрит Евтих, которые довели идеи Кирилла до крайности, настаивая на «одной природе Бога Слова».

Решение собора было принято не всеми, произошло разделение на «монофизитов» (сторонников «одной природы») и «диофизитов» (сторонников

«двух природ»), которые между собой не примирились. Так что Восточное христианство делится на халкидонские и нехалкидонские церкви. Халкидонские церкви исповедуют халкидонский Символ веры 451 года и находятся на территории Восточной Европы и бывшего Советского Союза (за исключением Армянской Апостольской церкви). Нехалкидонские церкви отвергают Халкидонский собор, они находятся преимущественно на Среднем Востоке и в Северной Африке. Как мы позже увидим, вопрос о разнице между этими церквами заключался не в их понимании Христа, а в их отношении к Халкидонскому вероопределению: смог ли Халкидон адекватно выразить веру Церкви посредством формулы «одно лицо в двух природах».

V Вселенский собор состоялся в 553 году. Его называют также II Константинопольский. Он собрался с целью более полного разъяснения Халки-донского определения. Собор постановил, что во Христе божественная и человеческая природы являются истинно соединенными в одном Лице Сына Божьего. Споры продолжились до VI Вселенского собора (III Константинопольского), который собрался в 681 году и провозгласил, что Христос обладает двумя волями и двумя энергиями (божественной и человеческой) в одном Лице. Монофилит-ство (учение об «одной воле») было осуждено. Римский папа Гонорий, исповедующий это учение, был объявлен еретиком.

Возникает вопрос: должны ли мы без рассуждений принимать решения вселенских соборов, зная, что они являются лишь частными результатами человеческих споров? Например, христологический вопрос решался 230 лет (с 451 года по 681 год) на нескольких соборах. Сколько взаимных отлучений произошло за эти годы?! Халкидонские и нехалкидонские церкви так и остались разделенными до XX века.

А. Кураев любит повторять вывод материалистической философии: практика — критерий истины. Эту формулу он употребляет в защиту фактов чудотворения икон. Но если уж он использует этот философский вывод (я его не люблю), то можно привести еще одно изречение корифея материализма: не ошибается тот, кто ничего не делает. Получается, что вся человеческая практика сопряжена с ошибками. В таком случае ошибочным будет и критерий истины, основанный на человеческой практике. Сложности, связанные с историей вселенских соборов, еще раз подтверждают наш основной вывод, что на преданиях догматику не утвердишь, фундаментом для нее может быть только Слово Божье.

Я думаю, что для многих исследователей истории христианства сенсационным будет сообщение, помещенное Дональдом Ферберном в своей книге «Иными глазами», о том, что в 1990 году переговоры между богословами халкидонских и нехалкидонских церквей привели к полному примирению этих православных направлений[115]. В этом мы усматриваем прогрессивную деятельность православных богословов-эмигрантов, выводы которых Дональд Ферберн называет «зрелым православием». По поводу сущности христологического спора между халкидонскими и нехалкидонскими православными церквами Дональд Ферберн пишет следующее:

Первый раскол разделил православное христианство на халкидонские и нехалкидонские церкви. Большинство восточных церквей на Ближнем Востоке и в Северной Африке, не говорящих по-гречески и известных под названием «Восточных православных церквей» считало, что Халкидонский собор не смог

достаточно четко сформулировать доктрину об истинном единстве двух природ Христа и, следовательно, недостаточно осудил учение Нестория. Эти церкви, говоря о единстве двух природ Христа, предпочитали использовать выражение «одна природа». В результате их епископы были провозглашены еретиками, а восточные церкви, которые не придерживались халкидонского вероисповедания, названы «монофизитами» (от греч. мони) и фисис, «одна природа»).

Однако было очевидно, что «монофизитские» церкви употребляли слово «природа» в его первоначальном значении, в то время как Халкидон в своем определении заменил его словом «личность». (Понимание того, как слово «природа» и «лицо, личность» могли использоваться в сходном значении, требует дополнительного объяснения. В богословских спорах с III века по V век не было единства в понимании взаимосвязей между такими греческими словами, как усиа (сущность), фисис (природа), ипостасис (ипостась) и просопон (лицо, личность). Слово усиа ясно указывало на то, что Христос имел две сущности (божественную и человеческую), а просопон относилось к Его единству, т.е. Он являлся людям как одна Личность. Проблема заключалась в том, относить ли слова фисис и ипостасис к единству Христа или к Его двум сущностям. На Халкидонском соборе было принято решение, что фисис как и усиа, следует относить к Божественности и человечеству Христа, а *ипостасис*, как и *просопон* — к Его цельности как Лица (Личности). Однако в то время некоторые богословы все еще использовали слово фисис (в более раннем его значении (внешний вид, наружность, существо), таким образом создавая замешательство и препятствуя халкидонским и нехалкидонским церквам увидеть, что они держатся одной и той же веры.) Таким образом, они по существу утверждали то же, что и Халкидонский собор: Христос есть цельная (объемлющая в Себя две природы) Личность. Следовательно, проблема заключалась не в вопросе о сущности Христа, а в терминологии. Только более 1500 лет спустя этот долгий христологический спор был решен с приходом осознания, что нехалкидонские церкви фактически держатся той же веры в Бога-Сына, Который, кроме божественной природы, обладает и человеческой природой»[116].

Нелегко все же было православным 1500 лет считать еретиками друг друга, не осмеливаясь пересмотреть формулировки решений соборов. Ведь решения вселенских соборов православная догматика критиковать не позволяет, а то вдруг окажешься еретиком. Удивляет отсутствие свободомыслия, граничащее с духовным рабством.

Впрочем, это не единственная проблема, связанная с пониманием Личности Христа. Дональд Ферберн пишет:

Второй раскол, происшедший между Востоком и Западом, был менее заметным, хотя на самом деле имел гораздо большее значение и последствия, чем первый, так как современные восточные и западные богословы до сих пор по-разному объясняют то, *что* Халкидонский собор подразумевал под выражением «Личность Христа». Западные богословы в большинстве своем рассматривают Христа как необъяснимое и неописуемое единение Его божественной и человеческой природы в результате их сочетания *внутри* одной цельной Личности при воплощении. Такое объяснение напрямую связано с западным пониманием Троицы, которое подчеркивает сущность (естество) Бога, как самосущное бытие, которое возмогло сочетаться с человеческой природой, чтобы таким образом возникла Личность Христа.

Православные же богословы указывают, что такой взгляд на воплощение подразумевает, что во Христе мы получаем воплощение абстрактного божества в Человеке Иисусе. Но нельзя забывать, утверждают они, что божественная природа не может рассматриваться как самосущное бытие. Следовательно, с человеческой природой в чреве Марии сочеталось не самосущное бытие, но *Личность* Бога-Сына. Православные также настаивают, что поскольку Сын уже являлся Личностью до воплощения, Он и остался этой же Личностью после воплощения. Другими словами, Личность Христа не является результатом воплощения; Личность Христа есть извечная Личность Бога-Сына. Воплощение же осуществляется не *образованием* новой Личности из двух природ, а действием, посредством которого Бог-Сын *присоединил* человеческую природу к Тому, кем Он *уже* был как Личность. <...>

Таким образом, несогласие двух сторон в этом расколе относительно Личности Христа состоит в том, что западная сторона считает Личность Христа соединением двух природ, божественной и человеческой, возникшей при воплощении; тогда как восточная сторона полагает, что Личность Христа — это извечная Личность Бога-Сына, Который при воплощении принял человеческую природу[117]

Пишущий эту книгу задается вопросом: а что бы было, если бы вместо повеления Христа: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всем людям» — мы стали бы рассказывать людям о халкидонских и нехалкидонских церквах или о западном и восточном понимании Личности Иисуса Христа? Исполнили бы мы этим повеление, которое нам определил Бог? Были бы мы способны «возвещать совершенство Призвавшего нас из тьмы в чудный свой свет» (1 Пет. 2:9)?! Конечно, нет. Вместо того чтобы погибающим сказать о спасении, подаренном Иисусом Христом, зажечь пред ними евангельский свет, мы втянули бы их в лабиринт преданий, из которого они могут и не выбраться. Благо, что Христос дал каждому время покаяться, но очень опасно «не узнать времени посещения» Господом. Как раз из-за этого Иерусалим был разрушен «за то, что... не узнал времени посещения» (Лк. 19:44).

Погибающим в грехах людям нужна живая вода, евангельское слово, а не вековые богословские споры. Да поможет Господь спасенным уразуметь это и активизироваться в проповеди Евангелия!

Изучать сравнительное богословие, историю христианства, проанализировать все составляющие Предания и тому подобное может уже спасенный Христом человек, а не погибающий грешник, у которого жизнь в любой момент может прерваться.

В двадцатые годы XX века большое распространение получил метод благовестил Армии Спасения. Может быть, там что-то было и надуманным, но многое было подлинным. Цель была одна — проповедовать Евангелие, спасать погибающих во грехах людей. В канцелярии Армии Спасения висела большая символическая картина. На переднем плане картины поперек железнодорожного полотна лежит пьяный человек, около него суетятся трое: один (в белом халате, очевидно, врач), наклонившись, держит его руку и проверяет пульс; второй (очевидно, филантроп) заботливо подкла-дывает под голову подушечку, чтобы голове удобно было покоиться на рельсе; третий, в очках (очевидно, лектор-богослов) с ученым видом по конспекту читает лекцию, вероятно, о вреде алкоголя. Все трое настолько увлечены своим занятием, что не видят, как на них стремительно надвигается

поезд. Со стороны к ним бегут благовестники в форме воинов Армии Спасения и кричат: «Да стащите вы его сначала с рельс!»

Грешнику нужен Христос, нужно покаяние, так как Иисус сказал: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1:15); «Если не покаетесь, все также погибните» (Лк. 13:3). Уверовавший в Господа и покаявшийся имеет гарантию спасения. Христос сказал: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную» (Ин. 6:47).

Тот, в сердце которого при покаянии вошел Дух Святой, уверен в спасении. Апостол Павел пишет: «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божий; потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче!" Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божий. А если дети, то и наследники, наследники Божий, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8:14-17). Спасенное дитя Божье будет все глубже познавать Библию идти путем освящения. Оно будет изучать все составляющие Предания уже не для спасения, но чтобы другим заблудившимся указать кратчайший путь к Спасителю Иисусу Христу.

Мы уже упоминали, что православие часто называют «Церковью Семи Вселенских соборов». Православные не приняли Эльвирский собор (поместный собор, состоявшийся в Эльвире [современная Гренада] в начале IV века), запретивший всякие изображения. Они не приняли решение иконоборческого собора в 754 году в Константинополе. Последним — седьмым — Вселенским собором они считают Второй Никейский собор 787 года, на котором решался вопрос почитания икон. В своем постановлении собор, в основном, следовал учению об иконах Иоанна Дамаскина, который приводил различие между поклонением (относящимся исключительно к Троице) и почитанием (относящимся не только к Богу).

В 869 — 870 гг. в Константинополе состоялся собор, осудивший и низложивший константинопольского патриарха Фотия, выступавшего, в частности, против западного учения, что Дух Святой исходит не только от Отца, но «и от Сына» (лат. *filioque* [филиокве]). Этот собор не был принят Восточной церковью, в то время как Западная церковь считает его VIII Вселенским собором.

Как и творения отцов Церкви, постановления соборов являются главным выражением жизни православия и источником его богословия. Каково наше отношение к соборам? Как и другие составные части Предания, постановления соборов нужно сверять со Священным Писанием. При изучении истории Церкви на наших библейских курсах вопрос о соборах тщательно исследуется, основные решения вселенских соборов (с I по VI) воспринимаются положительно, но те решения, которые противоречат Библии, отвергаются. VII Вселенский собор, утвердивший иконопочитание (что повлекло за собой смерть около ста тысяч иконоборцев), конечно, протестанты, любящие Бога и Священное Писание, воспринять не могут.

Заканчивая раздел о вселенских соборах и о Личности Иисуса Христа, Дональд Ферберн пишет:

Евангельские христиане могут спросить, зачем им нужно в таких подробностях знать православное понимание природы Бога? Разве недостаточно просто верить в триединство Бога и что Христос является и Богом и Человеком одновременно? В каком-то смысле, конечно, достаточно просто верить в эти истины, особо не вникая в них. Но, с другой стороны, различия в понимании Бога между православными и евангельскими христианами напрямую касаются вопроса понимания духовной жизни... Евангельские христиане обращаются к Богу как к Кому-то близкому, Которого они могут описать, в Чьей милости могут быть уверены или как к близкому Другу. Православные же христиане обращаются к Богу скорее с чувством благоговейного страха, умоляя Его о милости, не будучи до конца уверенными в ней, как к Судье, а не к Другу.

<...> Мы верим, что результатом воплощения Христа стало истинное, личное присутствие Бога-Сына на земле, а не только присутствие Божества или Божеской сущности в Человеке Иисусе. Как и православные, мы верим, что искупление является в значительной степени Божьим действием: за нас умер не просто Человек, но Сам Бог. Таким образом, мы видим, что иногда то общее, во что верят православные и евангельские христиане относительно воплощения, затеняется лишь различными способами выражения веры[118].

Зрелое православное богословие

XX век считается временем расцвета зарубежной православной мысли. Дональд Ферберн, будучи западным евангельским христианином и изучая Восточное христианство в греческой и русской форме, хорошо знаком с православными богословами, которых он считает представителями зрелой православной мысли в отличие от популярного, или народного, русского православия. Обнаруживая в их трудах что-то оригинальное и более прогрессивное по сравнению с народным православием, он предлагает «иными глазами» взглянуть на зрелое православие, чтобы углубились познания евангельских христиан в области богословия. К представителям зрелого православного богословия он относит следующих богословов-мыслителей:

1. Хомяков А. С. (1804 — 1860) — русский религиозный философ, публицист.
2. Булгаков С. Н. (1871 — 1944) — русский богослов и философ. Выслан из России в 1922 г.
3. Арсеньев Н. С. (1888 — 1977) — русский богослов, философ-культуролог. Эмигрировал из России в 1920 г.
4. Афанасьев Н. Н. (1893 — 1966) — русский богослов. Эмигрировал из России в 1920 г.
5. Фроловский Г. В. (1893 — 1976) — русский богослов. Эмигрировал из России в 1920 г.
6. Зернов М. М. (1898 — 1980) — русский богослов. Эмигрировал из России в 1921 г.
7. Успенский Л. А. (1902 — 1987) — русский богослов и иконописец. Участвовал в гражданской войне; эвакуировался в Галлиполи.
8. Лосский В. Н. (1903 — 1958) — русский богослов. Выслан из России в 1922 г.
9. Шмеман А. Д. (1921 — 1981) — русский богослов. Родился в Таллине; ребенком был вывезен во Францию; с 1951 г. жил в Америке.

10. Мейендорф И. Ф. (1926 — 1992) — русский богослов. Родился во Франции; в 1935 г. эмигрировал в США.
11. Каллист (Уэр) (род. в 1934 г.) — английский богослов; митрополит Диоклийский.
12. Агиоргусий М. (род. в 1935 г.) — греческий священник, живет в Америке.
13. Угольник А. (род. в 1944 г.) — священник православного прихода в Пенсильвании (США), американский белорус, ветеран войны во Вьетнаме.

Нужно обратить внимание, что из перечисленных тринадцати богословов четверо родились и жили за рубежом; восемь из тринадцати — эмигранты или высланные из России в начале 20-х годов. Только один А. С. Хомяков родился и умер в России, впрочем, он был не священником, но светским религиозным мыслителем. Таким образом, можно сделать вывод, что у этих зрелых православных богословов богословие теоретическое, оторванное от русского православия.

Нас, разумеется, очень интересует, к какому разряду Дональд Ферберн относит нашего русского православного писателя и богослова Андрея Кураева. Он пишет следующее:

В популярном православии акцент на Бога, на Христа очень легко заменяется сосредоточением всего внимания на Церкви. И в отношении почитания святых и икон мы видим, что средство, которое должно было вести человека *к Христу,* в популярном православии фактически замещает Самого Христа.

В подобных случаях популярное православие склонно утверждать, что не столь важно иметь истинное желание следовать за Христом, сколько быть *православным* христианином. При чтении антипротестантских пропагандистских произведений представителей русского популярного православия складывается впечатление, что их авторы гораздо более озабочены тем, чтобы православные не имели никакого контакта с представителями других деноминаций, из-за чего хочется поставить под сомнение искренность желания этих авторов самим достигать божественной жизни через православие. Например, русский православный диакон Андрей Кураев в конце своей книги «Все ли равно как верить?» представляет технику религиозной безопасности, состоящую из двенадцати правил. Некоторые из них действительно имеют здравый характер, как, например, его напоминание о том, что «не все, что сверху — от Бога» (фраза из песни Владимира Высоцкого), или совет попросить своего собеседника представиться и спросить его о том, какую деноминацию он представляет. В одном из правил он советует «человеку, лишенному дара веры», принять самостоятельное решение не отождествлять себя с неправославными деноминациями: «Попробуйте сказать в своем сердце: "Если когда-нибудь мне понадобится обратиться к Богу и к вере, я хотел бы молиться, как православный, но я не хотел бы стать членом таких-то сект"». Однако наиболее обескураживающий совет Кураев дает в заключение своих двенадцати правил: «Если Вы хотите узнать, каково отношение обратившегося к вам христианского проповедника к православию — есть совсем простой способ понудить его к честному объявлению его конфессиональной позиции. Попросите его перекреститься и попросите его поцеловать образок Божьей Матери. Если он откажется — значит, он представитель одной из многочисленных антипра-вославно-протестантских общин». Упоминание Ку-раевым крестного знамения касается не протестантского отношения к православной форме духовности, но протестантской *готовности* или неготовности стать православным. Если же

подобная готовность у христианского проповедника отсутствует, то Кураев считает, что такой проповедник настроен против православия. И он искренне советует россиянину, даже не религиозному, не иметь ничего общего с такими проповедниками.

Книга Кураева ясно показывает, что он выражает *недовольство* не только тем, что большинство россиян являются лишь номинальными православными, но и отсутствием у них искренних духовных устремлений. Кураев действительно призывает православных стать на стезю, которую он называет «трудным путем духовного развития», имея в виду путь единения с Богом. Однако большая часть мирян считает, что будет достаточно просто отождествлять себя с православием, если же какой-либо человек является посвященным христианином, но при этом принадлежит к другой деноминации, то такое посвящение за пределами Православной Церкви не считается действительным. Однако если кто-то хотя бы просто *считает* себя православным, то он уже находится «в безопасности». Такая позиция в отношении роли Церкви, позиция номинальная и триумфалистекая, встречается не только на Востоке, но и на Западе, где довольно часто некоторые западные православные (имеющие не столько познания о православии, сколько ревность по нем) задают евангельским христианам такой вопрос: «Вы кажетесь духовно восприимчивым человеком. Почему же вы не присоединитесь к истинной Церкви?» Да и некоторые перешедшие в православие из евангельского христианства главной причиной своего перехода называют именно желание присоединиться к истинной Церкви. Существование на Западе такого отношения указывает, что в популярном православии триумфалистский взгляд на Церковь возникает не только в тех местах, где православие является верой большинства (по меньшей мере, номинального). Такое отношение может проявляться всякий раз, когда Церкви придается большее значение, чем Христу, что разрывает свойственную ей связь с Главой Церкви, Христом, и с путем восхождения к участию божественной жизни[119].

Как видим, Дональд Ферберн причисляет А. Кураева к «представителям русского популярного православия», о котором мы будем рассуждать ниже. А сейчас, насколько возможно в объеме данной книги, мы желаем проанализировать зрелое православное богословие и дать ему оценку с наглей точки зрения.

Мы, евангельские христиане, живущие в бывшем Советском Союзе, принимаем соборные тринитарные и христологические формулировки учения о Боге и об Иисусе Христе. В Библии Бог открывается людям в трех лицах, и Сын Божий предстает как истинный Бог и истинный Человек; «Бог явился во плоти» (1 Тим. 3:16). Сложности с истолкованием и употреблением греческих слов «личность», «сущность», «природа», «ипостась» явились предметом долгих христологических споров, пик которых пришелся на IV-V века. В главе о вселенских соборах была изложена сущность этих споров и рассказано о первом расколе в православии (на халкидонские и нехалкидонские церкви). На переговорах в 1990 году епископы этих церквей выяснили, что причиной раскола было не совсем точное употребление перечисленных выше терминов, и пришли к единству, чему мы весьма рады. Мы не считаем нужным возвращаться к данным спорам.

В этом у нас с православной церковью нет расхождений, и мы не боимся сказать, что в области тринитарного богословия и христологии от православия мы получили ценные познания. Правда, нужно отметить, что и сама православная

церковь эти выводы восприняла от богословов, которые в большинстве (но не все) были отцами Восточной церкви. Весьма ценным является замечание Дональда Ферберна, что отцы Восточной церкви были «предшественниками нынешней православной церкви»[120]. Важность этого вывода в том, что у православных, фактически, нет права причислять их только к православию (мы раньше уже указывали, что по образу крещения взрослыми они — баптисты). Их труды являются общехристианской сокровищницей, из которой можно и нам брать все ценное, сверяя с библейской истиной.

Мы также можем смело сказать, что православное богословие было защитным барьером от проникновения в ряды русского евангельско-баптистского братства учения о двойном предопределении, исповедуемого в частности Жаном Кальвином. Сущность этого учения в том, что Бог, будучи суверенным, до сотворения человека в Своем совете якобы предопределил одних людей для спасения, а других — для осуждения. При этом подразумевается, что у впавшего в грех человека полностью парализована свобода воли. Мы, конечно, не разделяем учения православных, что совершая определенные дела, человек движется по дороге спасения. Мы спасаемся благодатью (Еф. 2:8), но у человека всегда остается свобода выбора. В его воле — принять через веру Христа или отвергнуть. В православном богословии используется понятие «синергия», то есть взаимодействие. В частности, Владимир Лосский утверждает, что соединение с Богом «совершается "синергией", взаимодействием воли тварных существ и идей-волений божественных»[121].

Еще раньше основатели славяно-греко-латинской академии в России греческие монахи братья Лихуды на запрос кальвинистов по вопросу предопределения дали предельно четкий ответ: «Божье предопределение основано на преду знании» (см. Рим. 8:29).

Мы ни в коем случае не отрицаем, что вера должна подтвердиться делами по вере, иначе она будет мертвой (Иак. 2:17). Всем современным баптистам-кальвинистам, заменившим классический кальвинистский принцип «неотступности святых» (то есть, что истинно возрожденный человек устоит в вере до конца), принципом «невозможности потери спасения» (то есть, что уверовавший, независимо от поведения, будет спасен), мы смело заявляем, что неисповеданный и неостав ленный грех не покрывается ни временем, ни религиозным стажем, ни принадлежностью к хорошей церкви. Только при исповедании мы получаем прощение грехов, и Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха (1 Ин. 1:7-9). Как бы себя ни утешал человек, как бы ни прикрывал свой грех, к какой бы деноминации ни принадлежал — для всех звучит Слово Божье: «И не войдет в него [в Небесный Иерусалим. — *Е. П.]* ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Отк. 21:27).

Если согрешит член церкви, то он должен раскаяться в грехе. Бог говорит: «Когда Я скажу праведнику, что он будет жив, а он понадеется на свою праведность, и сделает неправду, — то все праведные дела его не помянутся, и он умрет от неправды своей, какую сделал. А когда скажу беззаконнику: "ты смертью умрешь", и он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду... Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив» (Иез. 33:13-16).

Обратимся теперь к православному пониманию Божьей сущности. Большинство православных богословов придерживается так называемого апофатического (или отрицательного) богословия. Апофатизм — способ богопознания, основанный на последовательном отрицании всех возможных определений Бога как несоизмеримых. (Традиционный подход, предполагающий положительные утверждения о Боге, называют катафатическим богословием.)

В классической философии есть направление, которое называется «агностицизм» (отгреч. «агностос» — «непознаваемый»). Еще Эммануил Кант учил, что «вещь в себе» непознаваема, мы ее можем познать лишь в наших конкретных ощущениях, но тогда она уже становится «вещью для нас». Аналогичные идеи лежат в основании философского течения «субъективный идеализм», или «солипсизм». Пусть не подумает кто-то, что мы намерены отождествить апофатизм с агностицизмом, богословие с философией, но, тем не менее, в этих мировоззрениях есть что-то общее.

Подход православных богословов к действительности — «мистический». Они верят, что в Церкви, которая является для них основой общего (церковного) спасения, «мистически» (таинственно) через Предание и Таинства незримо присутствует Христос в Духе Святом.

Некоторые богословы утверждают, что мистицизм является противоположностью знанию. Английский ученый в области патристики Эндрю Лаут пишет: «Тем не менее он [мистицизм] может быть охарактеризован как поиск и опыт тесных отношений с Богом. Мистик не довольствуется знанием о Боге, он стремится к единению с Богом... Поиск Бога, или наивысшего, ради Него Самого, и нежелание довольствоваться ничем меньшим кроме Него; поиск тесных отношений с Тем, к Кому так стремится душа: вот что является сердцем мистицизма».

Обсуждая тему поиска Бога, Лосский более полно объясняет эту идею, говоря, что в мистическом богословии субъект (богослов) больше не отличается от своего объекта (Бога): «Бог уже не представляется объектом, ибо здесь речь идет не о познании, а о соединении. Итак, отрицательное богословие есть путь к мистическому единению с Богом, природа Которого остается для нас непознаваемой».

<...> Греческий иеромонах Авксентий также подчеркивает, что, так как Бог, в конечном счете, непостижим, то приоритетом богословия должен быть именно отрицательный метод, который провозглашает, кем Бог *не* является, Кто Он *не есть,* отсюда и название «отрицательного», или «апофатического», богословия. Положительный же метод провозглашает, Кем Бог является, кто Он *есть* (отсюда «катафатическое» богословие). <...>

Шмеман проливает свет на различие между философским и мистическим подходами к Богу, связывая непостижимость Бога с Его святостью: «"Святой" есть истинное имя Бога, Бога "не ученых и философов", а живого Бога веры. Познание о Боге приводит к определениям и отличиям. Познание же Бога приводит к одному, непостижимому, но очевидному и неизбежному слову: "святой". Этим словом мы выражаем, что Бог является совершенно Другим, о Котором мы не можем знать ничего определенного, и что утоление нашего голода и всех наших желаний — в Нем, недосягаемом, оживляющем нашу волю, непостижимом

Сокровище, которое привлекает нас; и действительно, нет ничего более достойного для познания, кроме Него» <...>

Для объяснения того, что человек все же может соединиться с Богом, несмотря на то что Бог рационально непознаваем, православные проводят различие между непознаваемой сущностью Бога и Его познаваемыми энергиями. Агиоргусий объясняет это различие... «Богословское объяснение православного Предания относительно Божьей имманентности и трансцендентности очень простое: Бог близок к нам через Свои "энергии" (действия), которые "спускаются к нам", несмотря на то что в то же самое время Он является совершенно трансцендентным, т.е. далеким от нас, недоступным в Своей сущности». <...>

Православие не только утверждает, что стремление узнать что-либо о Боге не приводит к единению с Ним, но и настаивает, что подобное стремление уводит человека *от* истинного Бога к *идее,* которая с Богом не имеет ничего общего. Вместо стремления к рациональному (или философскому) познанию, православное богословие и жизнь стремятся к *преклонению* перед таинством Бога, чтобы исполниться благоговейным страхом и трепетом перед Тем, Кто настолько далек от нас, и в то же самое время настолько близок к нам[122].

На первый взгляд, «преклонение перед таинством Бога» и «исполнение благоговейным страхом и трепетом», конечно, нас привлекают. Мы очень переживаем, когда танцевально-оккультная музыка, нехристианский внешний вид, непристойные телодвижения, аплодисменты и показная экстатическая радость в некоторых современных деноминациях совершенно не настраивают на благоговейное преклонение перед Богом. Благоговение — это глубокое почтение к вышестоящему. Иисус в Гефсиманском саду молился благоговейно и «услышан был за Свое благоговение» (Евр. 5:7).

По этому поводу хочется привести один пример. Мы с моим братом получили поручение от областного совета побывать на одном широко разрекламированном палаточном служении, где гарантировалось чудо исцеления. Большая палатка стояла рядом с палаточным цирком. Когда грянула «богослужебная музыка», то цирковые мелодии по сравнению с ней были нежным услаждением слуха, а когда начались прыжки и хлопки усердствующих «благовестников», то брат наклонился к моему уху и громко сказал: «После такого представления я любого православного расцелую». Комментарии излишни.

Но будет ли соответствовать правильному поклонению Богу апофатический страх перед непознаваемым Божеством? Этот страх породил отшельников, столпников и затворников различного монашеского ранга, так за всю жизнь и не познавших радости спасения. С одной стороны, мы в Библии находим подтверждение, что Бог непознаваем. В речи Елиуя, который говорит как бы «вместо Бога» (Иов 33:6), есть слова: «Вседержитель! Мы не постигаем Его» (Иов 37:23). «Вот Бог велик, мы не можем познать Его» (Иов 36:26). «Дивно гремит Бог глаголом Своим, делает дела великие, для нас непостижимые» (Иов 37:5). Сам Иов тоже считает, что Бог «делает великое, неисследимое и чудное без числа» (Иов 9:10). Один из друзей Иова, Елифаз феманитянин, тоже подтверждает мысль, что Бог «творит дела великие и неисследимые» (Иов 5:9). Пророк Исайя свидетельствует: «Разум Его [Бога. — *Е. П.]* неисследим» (Ис. 40:28).

Согласно этим местам Священного Писания, вроде, можно было бы принять апофатизм и мистику православных, но необходимо обратить внимание, что все эти тексты взяты из Ветхого Завета. Бог еще не открылся людям в Своем Сыне, еще не явился во плоти. Ветхозаветный праведник Иов выражает глубокую печаль: «Нет между нами посредника, который возложил бы руку свою на обоих нас» (Иов 9:33). Но Посредник явился. «Един Бог, — пишет апостол Павел, — един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1 Тим. 2:5). «В Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. 2:9). Апостол Филипп обратился к Иисусу с просьбой: «Господи! Покажи нам Отца и довольно для нас». Что же ответил Иисус? «Сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14:8-9). Каким оптимизмом, какой радостью исполняется душа при чтении следующих слов в Новом Завете: «Возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа» (2 Пет. 3:18). «А что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем заповеди Его» (1 Ин. 2:3). «Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала... Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца» (1 Ин. 2:13). «Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам [свет] и разум, да познаем [Бога] истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе: Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин. 5:20).

Слово «познать» в Библии означает не просто интеллектуальное знание, но также имеет значение «соединиться, слиться». Именно так оно употребляется в приведенных местах Священного Писания. Конечно, тут нужно чистое сердце (Мф. 5:8), а не только разум. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:16). Любовь же познается сердцем, которое способно любить и на любовь отвечать любовью. Поверить бы православным, что Библия достаточна для спасения, и полюбить ее, ведь Божье Слово «есть истина» (Ин. 17:17), и сбылись бы над ними слова Христа: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:31-32). Тогда страх превратится в совершенную любовь, а «в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершен в любви» (1 Ин. 4:18).

Видя в зрелом православном богословии сочетание апофатизма и мистицизма с благоговейным страхом и трепетом, мы смело можем заявить, что Библия обещает нечто более совершенное. Нужно только помнить, что «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18). Познавая Сына через богодухновенное Слово Божие (Библию), мы познаем Бога. Только при таком подходе к Библии мы можем надеяться на исполнение обетования Христа: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10:10).

На наш взгляд, некоторые зрелые православные богословы, вроде бы оставаясь на позициях апофатического богословия, рассуждая о личности Христа, невольно склоняются в сторону возможности положительного познания Бога.

Как говорит Мейендорф, Божество могло родиться для нас и искупить грех только при условии, что Личность Христа является той же Личностью, что и Бог-Сын. С ним соглашается и Фроловский: «Иначе сказать, *воплощение есть явление и действие Самого Бога,* есть усвоение и восприятие Им Человечества, — Бог-Слово есть *единственный действующий субъект в акте воплощения,* Сам Логос родился человеком от жены ».

Что касается учения о Троице, то Дональд Ферберн пишет:

Православное богословие преимущественно подчеркивает триединство Бога и различия лиц, в то время как западные богословы склоны подчеркивать единство лиц Бога. На Востоке ересью считался «модализм», суть которого заключалась в том, что Отец, Сын и Дух расценивались как три разных проявления (так называемые «модусы» или «модальности», отсюда «модализм») одной Монады (Бога). В Ветхом Завете Бог проявил Себя как Отец, в Евангелии — как Сын, а после вознесения Сына, со времени основания Церкви — как Дух Святой. Эти три модуса, или формы откровения, указывают на Бога как на одно, а не три лица. Такое толкование стирает различие между тремя лицами Святой Троицы, так как лица здесь поглощены сущностью (или естеством). Согласно этому учению на кресте умер Бог-Отец, и это делало искупление невозможным. Поэтому Церковь справедливо усмотрела опасность и несоответствие модализма библейскому учению о Боге. Восточные отцы Церкви, ведомые преимущественно великими каппадокийцами (Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий На-зианзин), провели четкое различие между тремя лицами Троицы и определили отношение между ними в категориях «нерожденности», «рожденно-сти» и «исхождения»: Отец — не рожденная Ипостась; Сын — Ипостась, извечно рожденная от Отца; Дух Святой — Ипостась, исходящая от Отца.

Запад же, напротив, видел опасность не столько в модализме, сколько в языческом политеизме (многобожии). Поэтому раннее западное богословие стремилось объединить Троицу таким образом, чтобы было очевидно, что три лица Святой Троицы не являются тремя отдельными Богами. В борьбе с политеизмом западные богословы, ведомые главным образом Августином (354 — 430), подчеркивали единство Божьего естества, определяя его как «сущность» или «субстанцию», естество, под которым они подразумевали полноту Божьих свойств (атрибутов). Согласно такому пониманию Троицы Отец, Сын и Дух — это один Бог, потому что они обладают единым естеством, одними и теми же атрибутами[124]

Следует отметить, что акцент восточного богословия на трех лицах (ипостасях) Бога и обилие икон дали повод магометанам причислить православных христиан к язычникам и объявить им войну. В конце концов, в 1453 году Византия пала.

Поскольку Восточное богословие особое значение придает различию лиц Святой Троицы, православие относится отрицательно ко всему, что затеняет триединую множественность Бога. (Иконописцы даже додумались нарисовать трехликого Бога.)

Православные богословы утверждают, что две другие ипостаси берут Свое начало от Отца как от Единого Начала. Сын от Отца *рождается,* Дух Святой от Отца *исходит.* Таким образом, эти две ипостаси имеют непосредственную зависимость от Отца, но в то же время они не зависят друг от друга настолько, как от Отца. Лосский указывает, что доктрина об «исхождении Духа Святого исключительно от Отца» имеет решающее значение для понимания Святой Троицы... К этому выводу приходит и Зизиу-лас: «Единство Бога, — говорит он, — означает не столько единосущное, сколько то, что Отец есть "Первопричина и рождения Сына, и исхождения Духа"». <...>

Во времена Средневековья различие во мнениях об исхождении Духа Святого привело к ожесточенному спору по вопросу *filioque* (лат. «и от Сына»). В Никейском Символе Веры, появившемся в результате II Вселенского собора в 381 г., первоначально было указано, что Дух Святой исходит от Бога-Отца, вопрос же относительно исшествия Духа от Бога-Сына в символе веры не затрагивался. Однако многие богословы и на Востоке, и на Западе утверждали, что Святой Дух исходит и от Отца, и от Сына, хотя Восточная Церковь чаще использовала выражение «от Отца через Сына». Вследствие того что в VI — VII вв. к символу веры на Западе было добавлено *filioque,* к середине IX в. спор по вопросу «и от Сына» достиг пика. В это время восточный патриарх Фотий, настаивавший на исхождении Духа Святого исключительно от Отца, был осужден Константинопольским собором в 869 — 870 гг. (который Западная Церковь считает VIII Вселенским собором). Таким образом, спор по вопросу «и от Сына» стал одним из важнейших догматических расхождений, предопределивших разделение восточного и западного христианства на Православную (на Востоке) и Римско-католическую церковь (на Западе)[125].

Мы еще раз убеждаемся, как опасно и решения соборов, и патристику брать за основу догматики без согласования со Священным Писанием. Предание включает в себя и великих каппадокийцев, и Августина, а ведь именно с них началось расхождение в понимании Троицы у западных и восточных христиан.

Зрелые православные богословы, конечно, стараются защитить точку зрения Восточной церкви.

Лосский пишет: «Поэтому Восточная Церковь и воспротивилась формуле "Filioque", которая как бы наносила удар единоначалию Отца: или надо было нарушить единство и признать два начала Божества, или же обосновать единство, прежде всего общность природы, которая тем самым выдвигалась бы на первый план, превращая лица во взаимосвязи внутри единой сущности».

Признание двух начал Божества, конечно, указывало бы на то, что Бог-Отец и Бог-Сын — фактически два самостоятельных Бога, что в христианстве неприемлемо.

Отрицание православием «и от Сына» обосновано его апофатическим (отрицательным) богословием, то есть желанием не позволить свести Бога к абстрактному, философскому понятию, которое просто превращает Бога в идею, не имеющую реальной жизни. Бог существует исключительно как три известные личности, каждая из которых обладает одной и той же сущностью (или естеством), и не существует другой сущности, именуемой Божеским естеством. В этом отношении православные правильно утверждают, что именно три ипостаси, а не их природа, являются основными составляющими Божеское естество, в то время как Западное богословие, сосредотачиваясь на единосущности Бога, подвергает риску упустить этот факт. Лосский, указывая на существующую в Западном богословии опасность полагать сущность Бога выше Его триединства, признает также, что и Восточное богословие, настаивая на единоначалии Отца, имеет опасный уклон к субординации, то есть подчеркиванию преимущества Отца над Сыном и Духом Святым. Поэтому ожесточенный спор по вопросу «и от Сына» является результатом желания и Востока, и Запада сохранить учение о Святой Троице от потенциальных ошибок, которые они усматривали каждый в учении противоположной стороны[126]

Для чего евангельским христианам нужно знать об этих отличиях и спорах в учении о Троице? Дональд Ферберн указывает две причины:

[Во-первых] хотя большинство православных христиан вряд ли до конца понимает суть богословского спора по вопросу «и от Сына», тем не менее, доктрину об исхождении Духа Святого исключительно от Отца они могут использовать как *объединяющий тезис* против евангельских христиан...

Во-вторых, евангельским христианам необходимо осознать, что хотя и в Западном, и в Восточном тринитарном учении таятся определенные опасности, оба они опираются на аспекты Божьего характера, которые имеют ключевое значение для христианской веры и жизни. <...> Западный подход предохраняет от субординационизма, оберегая важную истину, что Сын, осуществивший искупление, есть тот же Бог, что и Отец. Восточный подход, указывая на лица как на составляющие Божества, выдвигают на первый план факт, что Бог — не просто существо, владеющее такими атрибутами, как всеведение, всемогущество, вездесущность и так далее, но, скорее, сообщество или общение божественных личностей[127].

Ввиду того что конкретные библейские доводы в пользу какой-либо из сторон в споре о *Filioque* отсутствуют, евангельские христиане безоговорочно принимают лишь главное — необходимость признания Божественности всех трех лиц Троицы. Впрочем, чаще они склоняются к доктрине об исхождении Святого Духа и от Отца, и от Сына, обычно рассуждая следующим образом: Новый Завет называет Духа Святого Духом и Отца, и Сына, и в истории спасения Сын посылает Духа; мы можем говорить о внутренних отношениях в Троице только на основании самооткровения Бога в истории, кульминацией которого стало дело Христа, и, таким образом, мы приходим к *Filioque.* Впрочем, евангельские христиане вполне осознают, что из-за этого не стоило бы навсегда разделяться православным и католикам. Рассуждать о тайне исхождения Духа Святого и пребывать в спорах, веками причинявших боль Церкви, не самое лучшее в следовании учению Иисуса Христа. О *Filioque* еще можно порассуждать спасенным, примирившимся с Богом через покаяние, а неспасенному человеку нужна простая истина об Иисусе Христе, Спасителе людей.

Представьте себе такую ситуацию. Темничный страж извлек меч, он решается лишить себя жизни, думая, что узники во время землетрясения убежали (Деян. 16:26-27), но убедившись, что они на месте, «в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведши их вон, сказал: государи мои! Что мне делать, чтобы спастись?» (Деян. 16:29-30). Если бы апостол Павел вместо самых нужных слов: «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься» (Деян. 16:31), — начал дол го-дол го рассказывать ему о сущности Предания, о вселенских соборах, о *Filio que,* о халкидонских и нехалкидонских церквах, об иконах, о святых, о шести категориях заступников и так далее, то, нет сомнений, душа стража осталась бы не напоенной живой водой, неверующей и, конечно, неспасенной. Внимательный читатель подметит, что тогда спорных учений еще не существовало. Конечно, но в этом вся суть предполагаемого сюжета. Никаких нагромождений на Слово о Христе не было, а страж был спасен, значит, все эти нагромождения для спасения не нужны. Мудрецы заметили, что истина понятна и проста. Вот ее-то, то есть живое Христово Слово, и надо нести людям, чтобы они через веру и покаяние получили спасение, жизнь вечную.

У И. В. Каргеля есть большой богословский труд «Свет из тени будущих благ», где он показывает, что все ветхозаветное служение — это символическая тень, а свет — Христос. Если души грешников из тени выводятся к Христову свету — это вполне понятно и логично, но если от евангельского света уводить души в лабиринты преданий, то такие деяния не заслуживают добрых слов.

Помоги нам, Господи, быть «светом мира» (Мф. 5:14) и людей звать к Твоему свету!

Человек — венец творения

Когда мы читаем первую главу Книги Бытие, то перед нами раскрывается величественная песнь Божьего творения. После каждого из пяти дней творения следуют слова: «И увидел Бог, что это хорошо». После же шестого дня творения мы читаем: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма». Конечно, Творец видел венец Своего творения — человека — и поэтому мог сказать «хорошо весьма», то есть очень хорошо. Если такова была оценка Создателя, совершенного во всех Своих деяниях, то неужели мы имеем право в этом сомневаться?! Но и здесь обнаруживаются разные точки зрения православных и евангельских христиан.

Евангельские христиане считают, что до грехопадения человек находился в совершенном состоянии общения с Богом, и что первоначальной задачей Адама и Евы было оберегать это состояние и наслаждаться им.

Мы не склонны апеллировать к современным научным теориям для подтверждения библейских истин, тем не менее, с радостью отмечаем, что современная наука перестала воевать с Библией, а встала на ее сторону. Автор недавно вышедшей в Киеве книги «Христос», член-корреспондент Академии наук Украины, доктор технических наук и богословия Анатолий Шевченко делает такой категорический вывод: «Человек с самого начала был создан совершенным существом. Это утверждение можно считать научным»[128]. Эпиграфом одной из глав автор взял ценное поучение Василия Великого: «Нельзя самому бросаться в искушение прежде времени до Божьего на то разрешения, а напротив, необходимо молиться, чтобы не впасть в искушение». Анатолий Шевченко сделал попытку дать определение Бога: «Бог — объективная духовная реальность, существующая независимо от нас, нашей веры в Него, знаний о Нем и нашего сознания. Создатель материи и источник жизни. Познается сознанием через органы чувств, веру, любовь, совесть и интеллект человека»[129]. Можно бы много интересного рассказать об этой книге, но это не входит в предмет нашего исследования. Мы только хотели еще раз подтвердить библейскую истину, что человек был создан совершенным.

Православные же богословы, в частности, в свете учения о непознаваемости Бога и более сильного, чем у евангельских христиан, акцента на свободной воле человека, имеют несколько иное представление о состоянии человека в период после сотворения и до грехопадения.

Борьба с гностицизмом во II в. стала причиной одного из первых богословских конфликтов в ранней Церкви. Отличительной чертой гностицизма среди прочего

был крайний фатализм: каждый человек уже при рождении принадлежал одному из двух классов, и спастись мог только тот, кто родился в «высшем» классе, предназначенном к спасению. Богослов конца II в. Ириней Лионский, выступая против гностицизма и отстаивая свободу выбора человека, утверждал, что первозданным состоянием человека было младенчество и неустойчивое совершенство и что призвание человека заключается в достижении зрелости и совершенства (см. Ириней, *Против ересей,* книга 4, гл. 37-38). Несмотря на то что такой взгляд на изначально сотворенное состояние Адама и Евы был не единственным среди ранних отцов Церкви (да и сам Ириней описывал их состояние по-разному), он оказал значительное влияние на последующее развитие православного богословия.

Лосский... утверждает, что изначально вся тварь была призвана к совершенному соединению с Богом, и что это соединение совершается «синергией», то есть взаимодействием воли тварных существ и идей-волений божественных. Он пишет: «Ибо тварь уже в своем первозданном состоянии была разлучена с Богом, так как обожение, соединение с Богом было ее целью, ее конечным завершением. Итак, первозданное блаженство не было состоянием обоженным, но известным к нему предрасположением, совершенством твари устроенной и устремленной к своей цели».

Описывая изначально сотворенное состояние человека, подобное утверждает и греческий богослов Па-нагиотий Кресту: «Человеку изначально не предполаталось полное совершенство, так как это предполагало бы принуждение. Но совершенство было поставлено пред ним как цель, к которой он должен был стремиться и достигать»[130].

Православные настаивают, что право на толкование Библии имеют лишь сугубо «церковные люди», к ним они, конечно, причисляют отцов Церкви. Но и среди них не было единого мнения по вопросу изначального состояния человека. В Быт. 1:26 Бог говорит: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему». Но в следующем стихе слова «подобие» уже нет. Ириней и Ориген проводят различие между словами «образ» и «подобие». Афанасий и Кирилл Александрийский рассматривают «образ» и «подобие» как синонимы. Кто из них прав? А с пониманием этих слов связаны серьезные богословские выводы.

Многие слова имеют целый ряд значений. Так, еврейское слово «образ», употребленное в Быт. 1:26, может означать «образ», «изображение», «подобие», «видимость» и т.п.; слово «подобие» — «образец», «форма», «облик», «подобие» и т.п. Спектры значений данных слов, очевидно, пересекаются. Более того, для еврейской литературы типично повторение мысли с помощью двух разных слов или выражений. Окончательный вывод мы можем сделать на основании анализа авторского употребления указанных терминов. В Быт. 5:1 мы имеем ясное подтверждение, что Бог все же сотворил человека не только по образу, но и «по подобию Божию создал его». В Быт. 5:3 повествуется, что Адам «родил сына по подобию своему, по образу своему». Здесь употреблены те же еврейские слова, что и в Быт. 1:26.

Доверься, человек, Слову Божьему, не пытайся входить в «недосягаемое», не мудрствуй сверх написанного, удовлетворись тем, что «открытое принадлежит нам, а сокрытое — Господу» (Вт. 29:29). Древние отцы Церкви не только истолковали слова «образ» и «подобие» без учета особенностей библейского

текста, но и положили данное толкование в основание новой концепции — «обожения». Некоторые современные православные богословы, в основном эмигранты и высланные из России, которых Дональд Ферберн относит к «зрелому православному богословию», сделали данную концепцию центром своей богословской мысли. Примечательно, что в литургии слово «обожение» отсутствует и многие православные христиане никогда о нем не слышали.

Итак, с точки зрения православного богословия, Бог якобы задумал человека по образу Своему и подобию, но создал только по образу, а подобия человеку нужно достигать.

Кресту так объясняет это различие следующим образом: «Образ не обладает всем в совершенстве, как мы уже увидели, но имеет способность к совершенству; недостаток образа исправляется подобием... Под выражением «по подобию» подразумевается склонность к самоопределению с целью достижения совершенства посредством мучительной борьбы в бесконечном процессе совершенствования ».

Его поддерживает и Леонид Успенский, говоря, что «призванием человека, сотворенного по образу Божию, является стяжание Его подобия...». Подобное утверждает и Уэр: «Образ... указывает на потенциальную *возможность* жизни в Боге, подобие же — на *осуществление* этой возможности. Образ — это то, чем человек обладает изначально, то, что дает ему возможность стать первым делом на путь духовного возрождения; подобие — это то, чего человек надеется достичь в конце этого восхождения»[131].

Мы могли бы согласиться, что совершенный человек, созданный по образу и подобию Божьему, при грехопадении лишился подобия, и теперь во Христе нам нужно сделаться «причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» (2 Пет. 1:4). Но православные богословы используют приведенное выше место Священного Писания как основание для своей богословской концепции, что человек при сотворении, до грехопадения был несовершенным, а совершенство он должен сам достигать «обожением». Второе место Священного Писания, используемое православными для оправдания «обожения», — Пс. 81:6: «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы». С помощью данных стихов православные богословы пытаются подтвердить свою веру в то, что призвание человека — стать в определенном смысле богом.

Лосский ясно выражает православную веру в то, что призванием сотворенного человека является восхождение к божественной природе. Отвечая на вопрос относительно того, почему Бог сотворил человека свободным и ответственным, он говорит, что «именно потому, что Он хотел призвать его к высочайшему дару — "обожению", то есть к тому, чтобы человек в устремлении бесконечном, как бесконечен Сам Бог, становился по благодати тем, что Бог есть по Своей природе»... Так как мы, евангельские христиане, подчеркиваем именно уникальность Бога, термин «обожение» и утверждение, что человек может стать по благодати тем, кем Бог есть по Своей природе, может показаться для нас кощунственным[132].

У православных богословов с их идеей «обожения» есть определенные проблемы в вопросе о том, кем в конечном итоге должен стать человек.

Лосский говорит, что сопричастность божественной природы не означает стать в сущности своей Богом, так как в этом случае подразумевалось бы, что Бог — это не Троица, а мириады личностей. Он объясняет это следующим образом: «Соединение, к которому мы призваны, не есть ни соединение ипостасное, как для человеческой природы Христа, ни соединение сущностное, как для трех лиц Пресвятой Троицы. Это соединение с Богом в Его энергиях, или соединение по благодати, "причащающей" нас божественному естеству без того, чтобы наше естество стало от этого естеством божественным»

Как хочется после таких туманных выражений напомнить предостережение апостола Павла: «Боюсь, чтобы ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (2 Кор. 11:3). Размышляя над высказыванием В. Н. Лосского, невольно задаешься вопросом: если на первый план в православном богословии выходит не личная встреча с Богом, но присоединение естества с помощью энергий, то не приводит ли это к потере значимости и божественной, и человеческой личностей? Просматривается какая-то аналогия с пантеизмом. У пантеистов бог разлит во всей природе, теряется его личность.

В свете рассуждений В. Н. Лосского по-особому раскрывается смысл стихотворения православного поэта Дмитрия Мережковского, написанного, возможно, под влиянием идей «обожения»:

О Боже мой, благодарю За то, что дал моим очам Ты видеть мир, Твой вечный храм, И ночь, и волны, и зарю... Везде я чувствую, везде Тебя, Господь, — в ночной тиши, И в отдаленнейшей звезде, И в глубине моей души. Я Бога жаждал, — и не знал; Еще не верил, но, любя, Пока рассудком отрицал, — Я сердцем чувствовал Тебя. И Ты открылся мне: Ты — мир. Ты — все. Ты небо и вода, Ты — голос бури. Ты — эфир. Ты — мысль поэта. Ты — звезда. Пока живу — Тебе молюсь, Тебя люблю, дышу Тобой, Когда умру — с Тобой сольюсь, Как звезды с утренней зарей. Хочу, чтоб жизнь моя была Тебе немолчная хвала. Тебя за полночь и зарю, За жизнь и смерть — благодарю![134]

Дональд Ферберн, симпатизируя православию и пытаясь найти в его зрелом богословии полезные для евангельских христиан выводы, тем не менее, тоже усматривает возможность уклонения в пантеизм. Он пишет:

Православные богословы, описывая единение с Ним [с Богом. — *Е. П.],* пытаются противостоять пантеистическому пониманию спасения как безличному растворению в Боге (отожествлению с Богом). Однако будет справедливым заметить, что именно в этом направлении движется православная мысль в понимании «обожения»... Лосский говорит, что в мистическом соединении уже нет различия между субъектом (богословом) и объектом (Богом), что дает возможность истолковывать единение с Богом как растворение личности в Божьем естестве, в результате которого теряется непосредственно личность верующего. И хотя православные богословы настойчиво утверждают, что человек не разделит с Богом Его естества, идея «обожения» легко может превратиться в идею о том, что человек в каком-то смысле становится частью Бога, а не разделяет с Ним Его божественную жизнь[135].

Такие идеи, очевидно, противоречат Священному Писанию. Отец — Личность, Сын — Личность, Дух Святой — Личность. Если нас Бог сотворил по образу и

подобию Своему, то мы — личности и ими остаемся. И мы вступаем в личное общение с Богом.

Еще одна, можно сказать, противоположная проблема, обусловленная богословием «обожения», связана с процессом бесконечного совершенствования и возрастания личности человека.

Когда я первый раз был осужден за проповедь Евангелия, то с 1980 по 1983 годы со мной отбывали наказание за отказ от военной службы так называемые еговисты-ильинцы (не путать со свидетелями Иеговы). Я имел возможность познакомиться с этим учением. Штабс-капитан (или полковник) Ильин, начитавшийся восточных религиозных философов и связавший их выводы с личным православным «обожением», решил провозгласить собственное религиозное учение. Его догматика изложена в стихах и в прозе. Стержнем является шокирующий евангельских христиан вывод: Егова (такое у них написание, как у старообрядцев) — это человек, воплотившийся миллионы лет назад. Вот почему еще раз хочется напомнить, что опасно мудрствовать сверх Священного Писания, к которому нельзя ничего прибавлять или что-то от него отнимать.

Как похожи все эти надуманные гипотезы, являющиеся плодом мудрствования богословов, на таинственный шепот искусителя праматери человечества Евы: «Нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их [плоды дерева познания добра и зла. — *Е.* П.], откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:4-5). Древо познания добра и зла сейчас сильно разрослось, особенно в восточных индуистских доктринах. Христианам не надо заглядываться на плоды этого дерева, помня первый запрет Бога: «А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь» (Быт. 2:17).

Спасение (сотериология)

Взгляд православных, увлеченных идеей «обожения», на грехопадение человека отличается от понимания этого вопроса евангельскими христианами.

Авксентий... [пишет]: «Для православия грехопадение человека, lapsus, сравнимо не с утратой изначально статистической и совершенной природы, но с уклонением странника со своей стези, ведущей к принадлежащему ему по праву дому; грехопадение является задержкой — временным прекращением бесценного процесса». <...> Подобное утверждает и Лосский: «Адам не выполнил своего призвания, он не сумел достичь единения с Богом и "обожения" тварного мира». <...>

Зизиулас заостряет наше внимание на следующем: «Греческие отцы понимают грехопадение человека, и соответственно, грех — не как осуществление чего-то нового... но как обнаружение и проявление тех недостатков и потенциальных опасностей, которые были присущи творению, когда оно предоставлено самому себе». <...> Таким образом, в восточной мысли отсутствует представление о грехопадении как о потере совершенства и блаженства, поскольку православные

богословы не считают, что Адам и Ева при сотворении находились в таком совершенном состоянии. <...>

Зернов пишет: «Восток рассматривает грех как временную болезнь, которая причиняет человеку боль, но не уничтожает в нем Богоподобный образ»... Подобное объяснение предлагает и Авксентий: «Человек не "впал" в состояние, в котором его природа стала греховной, но избрал пребывание и потакание своей необоженной природе». Он продолжает: «Человек приходит к Христу как поврежденное, а не разрушенное творение. Он не упал с небесных высот, но уклонился от прекрасного пути; поэтому "не следует осуждать его за ошибку слишком строго»[136]

Из приведенных высказываний напрашивается вывод, что у православных богословов грехопадение Адама и Евы не рассматривается как величайшая трагедия человечества, грех как бы приукрашивается, умаляется его разрушительная сила. Если по высказыванию Зернова: «Восток рассматривает грех как временную болезнь», то почему же Бог сказал, что «возмездие за грех — смерть», а не — временные проблемы? Почему Христос так тяжко страдал, принимая на Себя грех мира? Почему пот Его был как капли крови? Почему Отец Небесный оставил Его на кресте? Можно бы предложить еще очень много вопросов, возникающих при сопоставлении со Священным Писанием домыслов православных богословов. Вывод один: грех был отвратителен в очах Святого Бога, так как разделил с Ним человека (Ис. 59:1-2). Грех человека убил неисчислимое множество безвинных животных при жертвоприношениях и Иисуса Христа «как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира» (1 Пет. 1:19-20). Описанное богословие, умаляя вину греха, недооценивает жертву Иисуса Христа, а Он предельно ясно определил цель Своего прихода на землю: «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф. 18:11). Необходимо подчеркнуть, что человечество было не погибающим и не просто больным, а погибшим.

Таким образом, евангельские христиане заостряют внимание на *спасении* как *восстановлении* человечества до первоначального состояния, а православные — на *призвании* как *пути восхождения* к этому новому состоянию. Итак, разные взгляды на призвание и спасение являются следствием разных подходов (юридического и мистического) к оценке окружающей действительности[137].

Западные (и евангельские в том числе) христиане имеют тенденцию рассматривать Священное Писание с юридической точки зрения, восточный христианский мир больше ориентирован на личное, мистическое участие в божественной жизни. Например, латинский юридический подход, доставшийся в наследие Западной церкви, рассматривает такое библейское понятие, как *оправдание,* в юридическом ключе — виновность и невиновность, наказание И МИЛОСТЬ[138].

Евангельские христиане понимают спасение как положение или состояние, в которое Бог помещает человека. Человека, который является грешником, Бог помещает в состояние прощения и общения с Собой. Среди евангельских христиан существует разномыслие по поводу того, от кого в большей мере зависит возможность достижения человеком такого состояния — от Бога или от человека, а также нет единого мнения о безопасности спасения, то есть о том, может ли настоящий христианин спасение потерять. «Однако, несмотря на эти

разномыслия, евангельские христиане единодушны в том, что спасение является чем-то, что *Бог* делает для человека, а настоящая христианская жизнь может проистекать только из того нового состояния, в которое Бог помещает верующего»[139].

Православное учение о том, что благодать является энергиями Бога, сообщаемыми человеку и ведущими его к единению с Богом, противоречит учению евангельских христиан о благодати. Под словом «благодать» мы обычно понимаем Божье отношение к человеку, на основании которого Бог дарует ему спасение. В нашем понимании благодать рассматривается, как правило, в противовес добрым делам и естественным способностям человека. Бог Сам дарует человеку то, чего он не заслужил, или то, чего человек сам не *смог* бы достичь. В православном понимании благодать — это Бог, отдающий Себя человеку, то есть Свой Дух, сообщающий человеку Божьи энергии, чтобы человек мог восстановиться с Ним. <...>

Ставропулос пишет, что получение Духа Святого и соединение с Богом происходит посредством христианской жизни, а «христианская жизнь возникает посредством Таинств и святых дел — тех добродетелей, которые творятся во имя Христа из побуждения чистого и святого». Далее он пишет, что божественная благодать придает человеку силы на пути «обожения», и что эта благодать передается и осуществляется посредством таинств, в особенности таких, как крещение, покаяние и причащение. <...>

Булгаков также утверждает, что способом передачи Духа Святого являются таинства, которые совершаются священником, имеющим апостольское преемство[140].

Спасение таинствами, добрыми делами, обрядами в корне противоречит евангельскому учению о благодати. Апостол Павел с убедительной конкретностью написал: «Ибо благодатью вы спасены чрез веру и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8-9). Главное, что необходимо понять православным, что спасение не путь, но акт, уже совершенный Христом. Это Божий подарок человечеству, который нужно принять верой, покаяться и быть спасенным. Подарок не зарабатывают, его просто с благодарностью принимают. Тот, кто обрел благодать чрез веру и покаяние, тем самым впускает Духа Святого в сердце и получает свидетельство спасения, которое никогда не дадут обряды.

Это отлично понимал украинский мудрец, проповедник Евангелия, предок В. С. Соловьева по материнской линии, Григорий Саввич Сковорода, живший в XVIII веке. «Обряд без силы Божьей, — пишет он, — пустошь»[141]. Христианскую скромность и бедность он не променял на славу мира сего. Для него «доброе братство — лучшее богатство».

Кому меньше в жизни треба, Тот ближе всех до неба[142]

В христианине он ценил не внешнее благочестие, а сердечную посвященность Богу. «Нет смешнее, — говорил он., — как умный вид с пустым потрохом»[143].

Мы часто с сожалением смотрим на современных православных, для которых спасение — акт не совершенный, но потусторонний.

Американский православный богослов Пол О'Каллаган однажды сказал: «Мы не можем говорить о полном спасении христианина до тех пор, пока не войдем в Небесное Царство». <...>

Поскольку в восточном понимании спасения «обожение» — это процесс, а не мгновенное изменение человека, православные богословы заключают, что человек не достигает соединения с Богом ко времени завершения земного пути. Таким образом, православное богословие подтверждает продолжение процесса «обожения» и после смерти личности. Зернов говорит, что христианин получает награду не сразу после смерти, а в конце человеческой истории, что делает возможным дальнейшее его совершенствование. Тем не менее в православии эта идея развита не настолько, как католическое учение о чистилище. Булгаков, например, утверждает, что православие не признает такого места, как чистилище, однако подтверждает, что после смерти человек может находиться в состоянии очищения. Эта идея естественным образом приводит к убеждению, что молитвы к усопшим святым могут помочь православным завершить процесс «обожения». И такие молитвы в православном понимании благочестия играют особую роль, занимая особое место в литургии.

В результате такого заострения внимания на процессе соединения с Богом православное богословие не придает большого значения тому аспекту спасения, который более всего подчеркивают евангельские христиане, а именно — мгновенному изменению, которое происходит в стоящем пред Богом человеке в момент рождения спасительной веры (то есть рождения свыше)[144].

Такой подход к вопросу спасения во многом является результатом представлений православных богословов о том, что Божья сущность непостижима (апофатическое богословие). Конечно, в единстве и триединстве Бога существует тайна, которую мы не способны постичь. Каким образом Бог мог стать Человеком посредством воплощения, и каким образом Сын на кресте был разлучен с Отцом — находится вне нашего понимания. Но многие места Священного Писания свидетельствуют, что Бог хочет, чтобы мы познавали Его. У пророка Иеремии мы читаем: «Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренности их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат — брата и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не воспомяну более» (Иер. 31:33-34). В первосвященнической молитве Христос укрепляет в нас веру в возможность познания Бога: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17:3).

Конечно, исчерпывающее рациональное знание о Боге мы не можем получить, да и рациональное знание не всегда приводит человека к личному познанию Бога. Иисус сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Вот он, удивительный орган познания и духовного видения Бога — чистое сердце, а его человек получает только после искреннего покаяния, поверив в Бога и родившись свыше.

Как жаль, что люди наставили столько барьеров на прямом пути человека к Богу! Разум у современного интеллектуального человека уподобился раковой клетке, которая заполняет все сердце и человек становится умной бессердечностью.

Рассуждения об «энергиях» и «сущности» Бога, о различиях между ними не встречаются в Священном Писании и являются чуждыми для евангельских христиан. Резкое разграничение, которое проводят православные богословы между сущностью и энергиями, может привести человека к потере доверия к благой сущности Бога. Без веры в Божью милость благоговейный страх пред Богом часто превращается в парализующий страх перед неизвестной Сущностью по той лишь причине, что человек испытывает неуверенность в Божьем характере. Стихотворными строчками хочется ободрить ищущих истину, ищущих Бога, ищущих спасение:

*Всех грешников Бог Святым Духом зовет И всем говорит в назиданье: «Кто верой Христа примет в сердце свое, В том вера является знаньем». О люди! Познайте вы верой Творца! Идя по житейской дороге, В восторге твердить будут ваши сердца: Да, истина только лишь в Боге!(*Е. Пушков)

Дональд Ферберн дает такой совет православным богословам:

Вместо того чтобы утверждать, что Бог *всецело* находится за пределами рационального познания, я бы предпочел выразиться, что Он находится за пределами исчерпывающего *[подчеркивание. — Е. П.]* познания. И даже если мы утверждаем, что познание *о Боге* не является нашей целью, необходимо признать, что до некоторой степени именно познание о Боге дает нам уверенность в Его характере, на котором обосновывается наше личное общение с Ним. Поэтому для того, чтобы достичь единения с Богом, не нужно сторониться познания Бога. Наоборот, чем больше мы стремимся к пониманию Бога, тем больше мы признательны и ценим Того, с Кем поддерживаем общение, и тем больше осознаем, насколько мы ограничены в том, чтобы постичь Его. Понимаемый таким образом катафатический [положительный, противоположный апофатиче-скому. — *Е. П.]* подход к богословию приводит человека к уверенности в Божьем характере и благоговейному страху перед Его непостижимостью для нас. Мы не можем полностью познать Бога, но того, что мы действительно можем узнать о Нем, вполне достаточно, чтобы иметь уверенность в том, что Он всегда будет милостивым и любящим по отношению к нам, если мы будем стремиться познать Его лично[145].

Заканчивая эту главу, вспомним убедительные слова апостола Павла: «Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался и все почитаю за сор, чтобы приобресть Христа. И найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая чрез веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Флп. 3:8-10).

Юридическое понимание спасения

Божий план спасения, явленный символически еще в Ветхом Завете и осуществленный Христом на Голгофе А. Кураев приписывает «юридическому гению римлян». Как философ-диалектик он, конечно же, склонен юридическое истолкование христианства поставить в зависимость от классического государственного устройства, классической процедуры судопроизводства и от

культуры Рима. Но этот вывод опровергается тем, что Библия древнее Рима, и жестокий Рим со своим классическим судопроизводством не смог истребить христианство, а наоборот, христианство ниспровергло римский политеизм.

А. Кураев с таким оригинальным чувством то ли юмора, то ли неосознанного цинизма изображает судебный процесс вселенской истории, что придется просто процитировать несколько страниц его книги:

Трагедия человеческой истории у христианских цицерониан превратилась в судебный акт, во вселенский трибунал. В этом трибунале Бог — судья, человек — подсудимый, Христос — адвокат и дьявол — прокурор. Согласно уголовному кодексу (его роль в этой модели исполняет Библия) «возмездие за грех — смерть» (Рим. 6:23). Прокурор, прекрасно знакомый с Библией (вспомним, что даже Христа в пустыне Сатана [Кураев почему-то его пишет с большой буквы. — *Е. П.]* искушает цитатами из Писания), требует справедливой кары, причем — высшей. <...>

По правилам юридической арифметики бесконечно малый проступок, направленный против Бесконечно Великого Истца, влечет бесконечно тяжкие последствия для ответчика... Так кража Адамом одного яблока из Эдемского сада, нарушение малейшего и легчайшего из законов Царя Царей привела к смерти не только Адама, но и всех его потомков[146].

Если бы это упрощенное до примитива повествование с Адамом, укравшим яблоко (где только его взял Кураев?!) из Эдемского сада, нам преподнесли Косидовский, Ярославский, Лео Таксиль и иже с ними, то можно бы не удивиться, но когда такой фарс преподносит православный богослов А. Кураев, то нашему удивлению нет предела. Но давайте посмотрим, как дальше развивалось судопроизводство по А. Кураеву. Он довольно точно излагает акт искупления рода человеческого (цитируя «Основы вероучения христиан-адвентистов седьмого дня»):

Бог по Своей милосердной воле предложил Христа в умилостивление Его святого гнева, направленного против грехов людей, потому что Он принял Христа как божественного Заместителя, Которому надлежало претерпеть Божий суд над грехом... Через Христа Божий гнев не превратился в любовь. Христос отвел этот гнев от человека и взял его на Себя... На кресте было полностью уплачено за грех человека. Божественная справедливость была удовлетворена. С юридической точки зрения мир восстановил Божье благоволение. Отныне Его [Христа. — *Е. П.]* посредничество дает каждому возможность воспользоваться заслугами Спасителя[147].

Какой же вывод делает из этого повествования А. Кураев?

Бог здесь рисуется как шизофреник, в котором борются две страсти. С одной стороны — Он хочет простить и любить, с другой — Он жаждет наказать. <...>

Если юридически мыслящие богословы так озабочены сохранением «справедливости», то разве можно назвать «справедливой» казнь Безвинного? И разве согласуется с откровением «Бог есть любовь» такой стиль мысли? Представьте, что мне досадили некоторые люди, я совершенно справедливо рассердился на этих... в общем, грешников. Но затем я решил все-таки их

простить. Я решил изменить свое отношение к ним и не гневаться за их безобразия и их недостойные поступки по отношению ко мне, а сказать, что я более не буду поминать им былого. И вот для того, чтобы засвидетельствовать им свое прощение, я беру своего сына, убиваю его, а затем посылаю моим обидчикам телеграмму: вот, я на вас больше не сержусь, потому что убил своего любимого сына. Сумасшедшая картина?[148]

Печально, что в глазах православного автора ясное учение Священного Писания об искуплении превращается в «шизофрению». Как можно величественный акт спасения человечества заменить бытовой сценкой, так что истина становится «сумасшедшей картиной»?! Похоже, что А. Кураев настолько уверен в своем богословии, что готов поправлять Бога в Его подходе к спасению. Трудно найти подходящие слова, чтобы ими оценить «смелость» православного диакона.

Критикуя юридическое богословие, А. Кураев далее пишет:

В рамках «юридизма» Бог, приемля жертву Христа, за нее прощает людей. Но православной мистике мало прощения. Указав протестантским богословам, что «вместо Бога они ищут безнаказанности», будущий патриарх Сергий обращал внимание на то, что «амнистия провозглашает праведным, а не делает праведным. Человек уведомляется о своем спасении, но не участвует в нем. Заслуга Христа — событие постороннее, с моим внутренним бытием у протестантов связи не имеющее. Поэтому и следствием этого акта может быть только перемена отношений между Богом и человеком, сам же человек не меняется...»[149].

А. Кураев и будущий патриарх здесь демонстрируют или полное незнание жизни баптистов, или нежелание знать ее, или говорят заведомую неправду. С. Кобзарь в своей книге «Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом» поступил честнее. Уходя в православие, он признавал, что жизнь рядовых баптистов в моральном плане выше жизни православных. Бог преобразил жизнь многих. Сердце рожденных свыше стало другим, потому что в нем зреет плод Духа (Гал. 5:22-23).

По этому поводу хочется привести уникальный пример. В городе Виннице построен изумительный по красоте баптистский Дом молитвы. Мэр города позволил баптистам приобрести гектара полтора земли вокруг него. Многие приходят полюбоваться храмом и преображенным пейзажем, где взор привлекает идеальная чистота, цветы и небольшое озеро с лебедями. Все это возбудило ревность местного православного священнослужителя. Придя на прием к мэру, он стал не совсем корректно обличать его в потакании «сектантам» и измене «вере отцов». На возмущенный вопрос священника, как представитель власти мог сравнить сектантов с православными, мэр молча нажал кнопку вызова, вошел секретарь и получил приказ вызвать милиционера и шофера. Когда те прибыли, мэр сказал священнику: «Собирайтесь, поехали!» — «Куда?» — испуганно спросил священник. Ответ был предельно краткий: «В тюрьму...»

В тюрьме мэр велел охраннику открыть камеру, где находились арестованные, и в присутствии священника задал вопрос: «Баптисты есть?» «Нет», — был ответ. «А кто же вы?» — Арестованные довольно дружно ответили: «Мы православные» . Такими же были ответы и в нескольких других камерах. «Вам все ясно, святой отец? — спросил мэр и, не дожидаясь ответа, сказал, — Вы свободны».

Юридическими составляющими акта спасения Христом человечества пренебрегать не нужно, так как вся Библия, от Бытия до Откровения, изобилует картинами Божьего справедливого суда. Справедливость восторжествует, несмотря ни на что!

Живущим беспечно апостол Павел задает вопрос: «Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия?» (Рим. 2:3). «И как человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9:27). Но Иисус взял на Себя наши грехи, позволил прибить Свои руки и ноги ко кресту, чтобы суд за наши грехи совершился над Ним. Теперь нам даруется спасение по милости Божьей. По нашим делам мы не заслужили спасение. Разве мы чем-то сможем заплатить за жертву Божьего Сына? Конечно, нет. Невозрожденные от Духа Святого, с нашими греховными наклонностями мы не способны творить добрые дела. Пророк Иеремия говорит: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено» (Иер. 17:9). Бог дал людям закон и сказал: «Исполняйте постановления Мои, и храните законы Мои, и исполняйте их, и будете жить спокойно на земле» (Лев. 25:18). Но в законе, данном Богом через Моисея, было 613 предписаний и запретов. Все их израильтянин должен был ежеминутно помнить и исполнять. И никто не смог исполнить весь закон, так как Иаков пишет: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем» (Иак. 2:10). Апостол Павел делает вывод: «Делами закона не оправдается пред Ним [Богом. — *Е. П.]* никакая плоть» (Рим. 3:20). Поэтому и явлена людям благодать в Иисусе Христе. «Ибо закон дан чрез Моисея, — пишет Иоанн, — благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1:17).

Иисус Христос — наш Творец. Он есть «образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано» (Кол. 1:15-16). Вот почему Он воплотился, «уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушен даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2:7-8). Он доказал Свою любовь к людям, потому что «умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5:8). Притом Он никогда не перестает любить грешников. Через пророка Иеремию звучит Божье заверение: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение» (Иер. 31:3).

Когда на Голгофском кресте Иисус сказал: «Совершилось!» — и почил, то завеса в храме, отделяющая Святое-святых, разодралась сверху донизу, символизируя свободный доступ к Богу без первосвященника, так как Христос стал единственным Ходатаем и Посредником между Богом и людьми (1 Ин. 2:1; 1 Тим. 2:5).

Все, что требуется с нашей стороны для спасения, Христос выразил в первой Своей проповеди: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Бо-жие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1:15). Слово «покаяние» (греч. |iexdvoia [метанойя]) означает, прежде всего, перемену отношения к чему-либо. Осознав, что мои грехи — это жестокие палачи, распинавшие Христа, я искренне прошу прощения за них у Бога в открытой молитве и обращаюсь к Нему всей душой (разумом, чувствами и волей). В этом процессе, конечно, через совесть и желание на Божью любовь ответить любовью, активное участие принимает сердце. Происходит коренная перемена и в жизни. Полюбив Иисуса, я уже не хочу снова причинять Ему боль своими грехами, не могу произвольно грешить, как делал это

раньше. «Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» (Рим. 8:2). Происходит рождение свыше для новой жизни. Вот теперь я и хочу, и могу творить добрые дела, потому что у рожденного свыше Дух Святой в его духе созидает Свой плод: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5:22-23).

В третьей главе Евангелия от Иоанна описана беседа Иисуса с учителем израильского народа Ни-кодимом. Ему Христос сказал: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия... если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3:3,5). Отец и мать — родители для земной жизни; вода и Дух рождают нас для неба. Вода — не купелька, в которую православные окунают младенца, думая, что он теперь родился свыше. Вода — это Слово Божие, потому что чрез слышание у нас рождается вера (Рим. 10:17). Апостол Павел сравнивает очищение Словом с «банею водною» (Еф. 5:25-27). Чтобы слышать Слово Божие, принять живую воду верою, у нас должно быть желание. Иисус сказал: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7:37). «Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» (Отк. 22:17). Хотя в эту жизнь мы пришли не по собственному желанию, но без нашего личного желания, без покаяния рождение свыше не произойдет.

Если А. Кураев и его единомышленники-богословы действительно считают, что искупленный Христом человек остается таким же, каким и был, то, очевидно, они имели дело с невозрожденными христианами. Рожденный свыше твердо знает, что спасен и усыновлен Богом (Рим. 8:16-17), а кто не знает, спасен он или нет, тот не имеет Свидетеля в своем сердце. Это очень печально, так как «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8:9). Таково евангельское учение о спасении Христом и рождении свыше.

Рожденный свыше обязательно будет совершать добрые дела по вере, так как этого желает его новое сердце. Только эти дела будут совершаться не для спасения, а будут свидетельством спасения. Если же нет добрых дел, то для таковых уместно привести слова Иакова: «Хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (Иак. 2:20). Апостол Павел пишет: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет; сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6:8). Не надо забывать, что вера (Ин. 6:29) и покаяние (Мф. 3:8) — это первостепенные добрые дела. Великие обетования даны любящим Господа и творящим добрые дела по вере. Иисус сказал: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Ин. 3:36). «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5:24).

Когда мы с христианским камерным ансамблем совершали поездку по странам Западной Европы, то встретились с доктором богословия, французским пастором А. Шаландо. Он нам рассказал интересный пример, иллюстрирующий, хоть и не в полной мере, любовь и справедливость Бога.

В Париже дочь генерального судьи увлекалась ездой на скоростных автомобилях. Однажды она, нарушив правила движения, создала аварийную ситуацию. Кто-то пострадал, а она невредимая умчалась с места происшествия. Полицейский ее останавливал, но бесполезно. Номера автомобиля были зафиксированы, и она должна была предстать перед судом, но на суд она преднамеренно не явилась.

На нее был наложен штраф, и дело передали в более высокую судебную инстанцию, но она опять не явилась. Штраф вырос до больших размеров, и дело передали генеральному судье. На этот суд она пришла с непринужденной улыбкой, твердо веря, что отец ее все равно оправдает. Но вот генеральный судья признает ее виновной и присуждает к выплате огромного штрафа. Улыбка исчезает с ее лица, и она в отчаянии кричит: «Отец, ты же меня совершенно разорил!» К удивлению всех, отец заявил: «Любимая дочь, я не мог поступить иначе. Ты полностью виновна, но уплату штрафа я беру на себя».

Складывается впечатление, что православные богословы, отрицая юридический подход протестантского богословия к вопросу спасения и противопоставляя ему мистический процесс «обоже-ния», вообще не хотят говорить о Божьем суде. Если, по их убеждению, «у Бога все живы» и «обожение» продолжается за гробом, то, вроде бы, появляется возможность миновать Божий суд. При отпевании священник на лоб усопшему кладет как бы пропуск в Царствие Божие и покрывает плащаницей, где написаны слова из Никео-Царе-градского Символа веры: «Чаю воскресение мертвых». Но православные отрицают и тысячелетнее царство Иисуса Христа, и второе воскресение грешников на суд. Они заверяют, что будет одно всеобщее воскресение, до которого грехи многих еще могут быть замолены заступниками и «обо-женными» святыми. И хоть они избегают разъяснения Откровения Иоанна, все же сбудется предсказанное в нем. Хотелось бы еще раз кратко напомнить евангельское учение о суде и о воскресении.

Первое воскресение будет для рожденных свыше детей Божиих. Апостол Павел так говорит об этом: «Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4:15-17). К первому воскресению причисляются «души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Отк. 20:4-6).

Во втором воскресении воскреснут грешники на суд после тысячелетнего царства Иисуса Христа. Иоанн так описывает это событие: «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть, и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим, и смерть и ад повержены в озеро огненное. Это — смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Отк. 20:11-15).

Таким образом, согласно Священному Писанию, будет два воскресения и две смерти. Суд состоит из трех стадий. Первая стадия суда — суд над Церковью. Это может быть и самосуд, и воспитательный суд Господа над теми верующими,

которые отказываются судить сами себя. Апостол Павел пишет: «Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы; будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1 Кор. 11:31-32). Вторая стадия суда — суд над народами, оставшимися на земле после восхищения Церкви. Об этом повествует Матфей: «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Мф. 25:31-32). Здесь надо обратить внимание на то, что Христос придет во славе Своей. Как «жена есть слава мужа» (1 Кор. 11:7), так, очевидно, славой Иисуса Христа является Церковь, которая будет восхищена раньше (1 Фес. 4:15-17). Третья стадия суда — суд у белого престола над грешниками после тысячелетнего царства Христа. Нам очень хотелось бы посоветовать православным «иными глазами» посмотреть на Откровение Иоанна, вникнуть в него и поверить всему написанному.

Популярное, народное православие

У А. Кураева в книге «Протестантам о православии» одна из глав называется: «Чем православие хуже протестантизма?» На такой ироничный вопрос автор, фактически, отвечает, что православие гораздо лучше, чем протестантизм.

Наш ответ однозначен: самая лучшая деноминация та, которая основой своей догматики считает Слово Божие, верит в него, не отступает от него и старается его исполнять. У таких христиан исчезает дух гордого превозношения одного перед другим, и вступают в силу слова апостола Павла: «Хвалящийся хвались Господом» (1 Кор. 1:31), которые взяты из более пространного пророчества Иеремии: «Так говорит Господь: да не хвалится мудрый мудростью своею, да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатством своим. Но хвалящийся хвались тем, что разумеет и знает Меня, что Я — Господь, творящий милость, суд и правду на земле; ибо только это благоугодно Мне» (Иер. 9:23-24).

Мы не имеем права, и нам действительно неразумно хвалиться своими достижениями, так как все мы получили от Господа. Апостол Павел задает такой вопрос: «Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1 Кор. 4:7). А средством против самохвальства являются два предыдущих стиха: «Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога. Это, братья, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один перед другим» (1 Кор. 4:5-6).

О, если бы все христианские деноминации приняли как девиз принцип «не мудрствовать сверх того, что написано» (1 Кор. 4:6) в Слове Божьем, то есть в Библии, тогда бы мы были намного ближе друг к другу! Конечно, и в протестантизме есть теневые стороны — различные течения и толковательные споры, но все же все протестанты стараются жить по Библии, а не по преданиям и многоразличным богословским трудам и постановлениям соборов. Цель протестантизма — вернуться к евангельским принципам, отринув все наслоения и заблуждения католицизма (да и православия), чтобы воссияли лозунги

Реформации: «Только Писанием» *(sola scriptura),* «только Христом» *(solo Christo),* «только благодатью» *(sola gratia),* «только верой» *(sola fide)* и «только Богу слава» *(soli Deo gloria).*

Пророк Иеремия так выразил жалобу Бога: «Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер. 2:13). Если эта жалоба была уместна в Ветхом Завете, то тем более она уместна сейчас. Бог Себя сравнивает с «источником воды живой». Природа без воды увядает, человек без воды умирает. Нашей душе нужна живая, евангельская вода, иначе начнется духовное умирание. Иисус зовет: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7:37). «И Дух и невеста говорят: ...жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» (Отк. 22:17).

Оставить Бога — это оставить истину. Что есть истина? Священное Писание отвечает нам: «Господь Бог есть истина» (Иер. 10:10); Иисус сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6); Дух Святой есть истина (1 Ин. 5:6); Слово Божье есть истина (Ин. 17:17). Если апостол Иаков говорит: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виноватым во всем» (Иак. 2:10) — то значит оставление одной из заповедей уже можно считать уклонением от истины. Оставление Слова Божьего — это первое зло, которое причиняется Богу. Второе зло — подмена Слова Божьего, формальное исполнение и искажение его. «Колодец другой» вырыт, но он не содержит живой воды. Пророк Исайя предостерегает от этого опасного состояния: «И стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного, — так что они пойдут, и упадут навзничь, и разобьются, и попадут в сеть, и будут уловлены» (Ис. 28:13).

Иисус, обличая книжников и фарисеев в формализме, напомнил им пророчество Исайи: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим» (Мф. 15:8-9). Библия — Слово Божье, но если к Божьим заповедям что-то добавляется или отнимается, то они становятся уже не Божьими, а человеческими.

Царь Ахаз приказал священнику Урии сделать новый жертвенник по образцу Дамасского. Священник выполнил приказ. Медный жертвенник, стоящий пред лицом Господним, был сдвинут в сторону, а на его место поставлен другой. Жертва израильтян сжигалась на новом жертвеннике, но она не была угодна Господу (4 Цар. 16:11-16).

Современные богословы очень искусны в своих толкованиях и вроде бы очень мудры. Но познавшие глубины Слова Божьего способны отличить мудрость от софистики. Мы приводили высказывания православных богословов, которых Дональд Ферберн назвал «зрелыми». Действительно, у них много оригинального, и что-то, безусловно, может расширить наш духовный кругозор. К сожалению, традиционное, народное православие, как мы уже раньше отмечали, гораздо больше впитало в себя элементов из язычества, чем зрелое православное богословие, и тем самым дальше отступило от Бога.

Насколько возможно в рамках данной главы, мы еще порассуждаем о народном православии, а сейчас еще раз обсудим, как православные и евангельские христиане объясняют спасение, совершенное Христом.

Православная духовность в значительной степени характеризуется *чаянием* (взгляд в будущее), тогда как духовность евангельских христиан — *озирани ем* (взгляд на уже совершенное). Мы рассматриваем христианскую жизнь как благодарный отклик на то, что Бог *уже совершил,* усыновив нас Себе, приняв нас на основании праведности Христа. В православном же представлении христианская жизнь является средством, посредством которого Бог *совершает,* и *будет совершать* что-то в жизни верующего, и посредством которого Дух Святой ведет человека к более полному общению с Богом и участию в божественной жизни. Для евангельских христиан ключевым событием в христианской жизни является именно ее начало, а Божье оправдание грешника, по благодати через веру, является гарантией окончательного освящения и прославления, которые совершатся при втором пришествии Христа. Для православных же христианская жизнь является путем к ключевому в их понимании событию — «обожению»... Однако из-за сосредоточения на «обожении» как на совместном действии Бога (действующего) и человека (содействующего), православные христиане не придерживаются мнения, что человек может быть уже твердо уверен в достижении конечного результата, находясь еще на пути к спасению; потому они и *чают* спасения[150]

Евангельскую уверенность в спасении очень ясно выразил апостол Павел: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:35-39).

Размышляя о сущности спасения человека, Дональд Ферберн пишет:

Спасается ли он [человек] мгновенным Божьим восстановлением общения с Ним или посредством синергического [совместного. — *Е. П.]* процесса достижения единения с Ним? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, как мы понимаем рождение свыше, в особенности — идею оправдания. Является ли библейским учение о том, что оправдание — это решающий момент в христианской жизни, при котором Бог изменяет положение грешника перед Ним и Свое отношение к нему? Правильно ли утверждают православные, что оправдание является только одной из негативных сторон спасения, а именно, устранением преград, мешающих процессу «обожения»?..

Наиболее обширно библейское учение об оправдании изложено в Послании к римлянам, с первой по пятую главы. Апостол Павел подчеркивает, что перед Богом никто не может оправдаться посредством своих дел (1:18 — 3:20), и утверждает, что оправдание является даром в результате осуществленного Христом искупления (3:21-31). На примере Авраама он поясняет, что оправдание происходит исключительно по вере, а не по делам (4 гл.). Затем в пятой главе апостол Павел провозглашает: «Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией» (5:1-2). Апостол Павел, несомненно, указывает на то, что для тех, кто доверяется Христу, оправдание является не просто устранением препятствий на пути к духовному росту, а совершившимся фактом. Оправданием осуществляется

примирение с Богом; тех, кто был врагами Богу, оно превращает в Его друзей. В ст. 9-11 апостол Павел объясняет эту идею более полно... Эти утверждения показывают, что оправдание является не просто юридическим актом... но также носит и личностный характер... Оправдание — это нечто большее, чем просто объявление человека невиновным, праведным. Оно включает в себя также и Божье принятие грешников в общение с Ним, как если бы мы были праведными.

Такое принятие совсем не отменяет необходимости освящения верующего с тем, чтобы стать действительно святым и праведным. <...> Изменение, имеющее решающее значение, происходит в самом начале христианской жизни, а освящение вытекает из того факта, что Бог уже принял человека как Свое чадо.

<...> Слова Иисуса кающемуся на кресте разбойнику указывают, что он тотчас же был принят в Божье присутствие, хотя ему уже совсем не оставалось времени в жизни, чтобы достигнуть каких-нибудь успехов в освящении на пути к единению с Богом (Лк. 23:39-43).

<...> Христианская жизнь является не средством достижения цели, а продолжающимся результатом осуществленного Богом изменения в статусе человека перед Ним. Когда мы доверяем Христу, Бог вначале принимает нас в общение с Ним, и только потом призывает нас к жизни служения, посвящения и возрастания в святости. Бог не призывает нас к жизни освящения с тем, чтобы принять нас по результатам этого освящения. Если же мы верим, что освящение должно предшествовать принятию Богом, то такая картина христианской жизни является ошибочной и опасной.

<...> Если предположить, что для принятия Богом вначале следует достигнуть совершенства, весьма маловероятно, что такой человек сумеет с уверенностью следовать по пути «обожения»[151].

Хотя зрелое православное богословие содержит в себе и определенные проблемы [о них мы ранее рассуждали. — *Е. П.],* все-таки оно достойно глубокого уважения за основательное объяснение многих христианских истин. Однако насколько практика простых православных людей на Востоке и на Западе соответствует пониманию христианской веры такими православными богословами, как Лосский, Зизиулас или Уэр?

Некоторые православные богословы верят, что между зрелым и популярным (народным) выражениями православия существует огромная пропасть. Шмеман пишет, что на раннем этапе своего развития Русское православие обнаруживало скорее не истинное, а ритуальное [обрядовое. — *Е. П.]* благочестие, под внешней видимостью которого скрывалось язычество: «То, что было в нем внешним: богослужение, обряд — воспринималось легко, чаровало и покоряло. Но создавалась опасность за этим внешним не увидеть и не стараться увидеть смысла, того "логоса", без которого сам христианский обряд становится языческим, либо — самоделью... А душа продолжала питаться старыми "природными" религиозными переживаниями и образами».

Кроме того, Флоровский утверждает, что такая языческая форма христианства начала позже расцениваться как православная норма... «Вера старой няньки, или неграмотного мирянина, считалась образцом и истинным примером»

христианства. Флоровский настаивает, что именно сельские жители сохранили множество сомнительных языческих верований[152].

Современные православные священнослужители и прихожане, о, если бы вы вняли этим словам! Ведь вас критикуют не протестанты, к которым вы питаете антипатию, а ваши зрелые богословы. Ни отцы Церкви, ни вселенские соборы не учили вас поклоняться иконам как идолам, признавать «чудотворные иконы» и верить, что иконы и мощи сами в себе содержат благодать и таят силу. От поминовения умерших святых вы перешли к «общению со святыми», а потом превратили их в заступников и даже в посредников между человеком и Богом, тогда как Священное Писание учит: «Един Бог, един и посредник между Богом и человеками человек Иисус Христос» (1 Тим. 2:5). Он же является и единственным «Ходатаем» (Евр. 9:15). Перенесение спасительной роли с Христа на Церковь, на обряды, на угодников чревато последствиями такими же, как при обращении уверовавших во Христа к закону. Апостол Павел говорит таковым: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа» (Гал. 5:4).

На Голгофском кресте Иисус совершил спасение человеческого рода. Завеса в храме разодралась сверху донизу, символизируя, что каждый, ищущий Господа, может без земных посредников приходить к Нему.

Житель бывшего СССР после семидесяти лет господства атеизма испытывает духовный голод и жажду. Его можно уподобить избитому разбойниками путнику, брошенному при дороге. Ему нужен Милосердный Самарянин, то есть Сам Иисус Христос. Глубоко исследовав православие, Дональд Ферберн пишет:

И если православие действительно желает насытить душу восточного человека и внести существенный вклад в возрождение веры на Западе, то оно должно стать таким православием, которое честно признает свои прежние неправильные представления, искажающие православное учение, и которое готово вести тяжелую работу, напоминая людям о том, что Церковь и духовная сила являются не целью христианской жизни, но средством для достижения цели — соединения с Богом. Оно должно стать православием, которое заботится о духовном состоянии людей России, Греции, Румынии и других стран намного больше, чем о поддержании статуса превосходства над другими деноминациями. Оно также должно стать православием, которое является менее триумфалистским и более готовым оценить тот вклад, который другие христианские деноминации могут внести в духовную жизнь мирян. Более всего, оно должно стать таким православием, которое посвятило бы себя тому, чтобы обучать мирян общению с Богом, тому общению, которое является сердцем зрелого православного богословия.

<...> Поэтому как раз впору задать вопрос о том, способно ли православие вообще избежать искажений, о которых мы говорили в этой главе, учитывая чрезмерный православный акцент на таинства и почитании святых. <...>

Однако даже если искажения в популярном православии не служат обвинением в адрес православия в целом, тем не менее, перед зрелым православным богословием они ставят очень важные вопросы. Осведомлены ли, и насколько, православные иерархи об искажениях, к которым имеет склонность их акцент на Церкви и почитании святых и икон? Или они наивно предполагают, что все прихожане правильно понимают их учение? А, может быть, просто закрывают

глаза на наличие искажений? Действительно ли православные архипастыри искренне заботятся о душах своих людей настолько, чтобы не прекращать объяснять прихожанам правильное учение и направлять их через Церковь к Христу, а не от Христа к Церкви? Некоторые православные христиане могут заявить, что большинство таких проблем является результатом влияния коммунистического режима, господствовавшего в стране... Хотя такое утверждение является достаточно верным, тем не менее, мы, евангельские христиане, настаиваем, что оно не может служить извинением недостатка духовной бдительности в настоящее время. Готовы ли евангельские христиане признать, что православие проповедует в определенном смысле истинное Евангелие? Это будет зависеть, прежде всего, от того, приложат ли православные иерархи свои усилия к тому, чтобы духовно насытить прихожан наилучшим и соответствующим Библии выражением православной веры, чтобы исправить пагубные искажения, которые часто возникают в популярном православии. Но для этого нужно, чтобы православные иерархи признали тот факт, что они и сами испытывают трудности с искажением популярным православием основ веры[153].

Краткий обзор всей книги А. Кураева «Протестантам о Православии»

В городе Донецке наш брат по вере в Иисуса Христа разложил на столике христианскую литературу (евангельско-баптистского братства) и стал предлагать ее для прочтения многочисленным прохожим. У него состоялся довольно длительный разговор с пожилым человеком, который назвал себя христианином. Он, ранее прочитав упомянутую выше книгу А. Кураева и мою книгу «Не смущайся!» , сказал, что хорошо бы двум авторам провести открытый диспут. Когда брат рассказал мне об этом, то я ответил, что диспут уже идет в своеобразной форме обмена книгами. Книга А. Кураева и книга С. Кобзаря «Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом» были вызовом на такой диспут.

Когда я прочитал книгу западного доктора богословия Дональда Ферберна «Иными глазами», где он добросовестно проанализировал многие труды православных богословов XIX и XX веков (в основном — эмигрантов), которых он назвал «зрелыми православными богословами», возникла мысль сравнить его выводы с книгой А. Кураева «Протестантам о Православии». Так я начал работу над новой книгой «Еще о православии». Сейчас, когда осталось написать несколько заключительных глав, возникло желание еще раз просмотреть книгу А. Кураева и порассуждать над теми ее фрагментами, на которые не было обращено внимание.

С оценкой А. Кураевым харизматического неопятидесятнического движения, думаю, согласятся многие евангельские христиане-баптисты. Вот его мнение:

О харизматических неопятидесятнических движениях приходится сказать, что это пугающее совмещение христианской теории («евангелизма») с совершенно оккультной практикой. В конце концов апостолам дар говорения на иных языках был дан для проповеди. Это был дар понимания от сердца к сердцу, возможность говорить на языке любого человека без посредства переводчика. Но

пятидесятнические и харизматические лидеры, приезжающие в Россию из-за рубежа, почему-то произносят свои проповеди и молитвы не по-русски. Ангелам они что-то проповедуют на «ангельских языках», а вот к русским людям могут обращаться лишь через переводчика... А значит, и «дар» их — не апостольский, а всего лишь спиритический. Однажды мне в ответ заметили, что вот, мол, точно установлено, что лидер местного неопятидесятнического прихода однажды в приступе глоссолалии несколько фраз произнес точно на китайском языке. Если бы он произнес эти слова в Шанхае — это было бы чудом. А произнесение их в русском городке остается всего лишь причудливым фокусом (ибо кому же здесь проповедовать Евангелие на китайском?). Хороши были бы апостолы, если бы в Эфиопии они стали проповедовать на русском, а на берегах Днепра на китайском![154]

Можно сделать вывод, что если бы А. Кураев воспринял Библию как единственное Божье откровение людям, в котором ничто не забыто и к которому ничего не надо прибавлять, если бы все составляющие Предания он рассматривал через призму Священного Писания, то его суждения о некоторых деноминациях были бы весьма ценными. А пока кто-то ему может напомнить присло-вие: «Врач, исцели себя».

А. Кураев, как и многие приверженцы православия, особое значение придает четвертому веку. Он пишет:

Именно IV век был центральным в истории православия — это и «золотой век святоотеческой письменности», и время принятия Символа Веры, время рождения монашества и окончательного оформления структуры церковного организма[105].

По поводу «золотого века» и «оформления структуры церковного организма» важно заметить, что православные богословы своеобразно толкуют третью притчу тринадцатой главы Евангелия от Матфея, где Христом отмечено, что «Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф. 13:31-32). Рост зерна горчичного, ставшего деревом, для православных — расширение границ христианства, его победоносное шествие. Но до четвертого века было еще три века гонений на Церковь Христову, в которых она сохранила верность истине, а в IV веке Церковь преклонилась перед государством и стала, по выражению многих социологов, его «служанкой».

И. В. Каргель, благословенный труженик евангельско-баптистского братства, автор многих богословских трудов, в «Толковании Откровения Иоанна» проводит аналогию между упомянутой притчей и положением Пергамской церкви (Отк. 2:12-17), которую он рассматривает как символизирующую определенный период истории. Он обращает внимание, что птицы укрылись в ветвях неестественно разросшегося горчичного зерна, ставшего деревом. Согласно первой притче тринадцатой главы Евангелия от Матфея птицы поклевали зерно, посеянное при дороге. Христос их сравнил с «лукавым», который похищает посеянное в сердце Слово Божие (Мф. 13:19). Пергамскому периоду И. В. Каргель дал название — «Союз церкви с государством». Он пишет:

Начало этого периода совпадает с началом четвертого столетия, а именно, со временем единодержавия римского императора Константина (315 год). Этот третий период имеет черту — связь церкви с мирской властью. Как Валаама дух мира соединил с Валаком, так начинается и соединение церкви с мирской властью. Этот период продолжается от Пергамского чрез все периоды до пришествия Христа. Православие, таким образом, берет свое начало с 315 года[156].

Нам, евангельским христианам-баптистам, конечно же, ближе и дороже гонимая Церковь Христова первых трех веков, которая старалась хранить верность Господу и была независимой от государства. Далее И. В. Каргель пишет:

Константин становится христианином, полагая основание тому, чтобы другие, следующие, императоры становились христианами. Насколько он был христианином, это вопрос. Церковь Божия была в упадке... О крещении, например, учили, что им человек возрождается, омывается от грехов. Поэтому и Константин не хотел креститься раньше, а считал, что лучше ждать до смерти, а потом креститься и чистым войти в небеса. Это ложное учение о крещении привело к тому, что стали крестить младенцев...

Сбылись слова Христа, сказанные в первой притче тринадцатой главы Евангелия от Матфея: «... и налетели птицы». Массами вошли язычники в Церковь Божию. Наружно они были христиане, а внутренне преобладали почести, оказываемые им, и поддержка, получаемая от церковной власти. Подарки и титулы ослепили их. Это сближало их с императорской властью, и они шли друг с другом рука об руку... Все управление церковью ведется сильной державной рукой императора с помощью так называемых служителей Христовых. Истинному христианину и Духу Святому там нет больше места. Таким образом, они стали уже не христианами, а мирянами. Церковь же катилась вниз по отвесному скату с возрастающей быстротой. Стоящие во главе Церкви получили власть над совестью людей, а это проложило путь к папству[157].

Согласно И. В. Каргелю христианство четвертого, фиатирского периода (Отк. 2:18-29), представленное четвертой притчей тринадцатой главы Евангелия от Матфея, где «Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Мф. 13:33), было полностью «вскисшим». Закваска в Священном Писании — символ нечистоты. Апостол Павел пишет: «Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока или лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1 Кор. 5:7-8).

Древний мудрец Эзоп, будучи всю жизнь рабом, сказал слова, над которыми время не властно: «Свобода и истина — это единственно для чего стоит жить на свете». Самая великая утрата для церкви — утрата независимости от государства и слияние с миром. Смешавшаяся с миром церковь становится Вавилоном. Апостолом Павлом на все века оставлено увещание: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5:1). Любое государство — это диктатура. Оно всегда будет стремиться поработить церковь, чтобы она служила его интересам. Философ-идеалист Г. Ф. Гегель это стремление государства назвал «самым высшим и нечестивым противоречием».

Он пишет: «Самое высшее и нечестивое противоречие есть желание связать религиозную совесть и подчинить ее светскому законодательству »[158].

Государство стремится вовлечь церковь в политическую деятельность, увлекая ее обширными земными планами, но она к этому не призвана. Ее задача — проповедовать Евангелие, звать души к Иисусу Христу. Английский поэт Байрон очень удачно выразил подобную мысль:

Нет, отереть хотя б слезу с любовью Почетней во сто раз, чем мир обрызгать кровью.

А. Кураев на страницах своей книги «Протестантам о Православии» помещает маленький, но очень поучительный рассказ замечательного русского миссионера В. Ф. Марцинковского. Он повествует, что как-то американская фирма в Китае предложила миссионеру перейти к ней на работу в качестве переводчика. Деньги предлагались большие. Миссионер отказался. На вопрос, не показалось ли ему недостаточной предлагаемая зарплата, он ответил: «Деньги-то большие. Да дело больно маленькое»[159]. Хочется только дополнить, что В. Ф. Марцинковский сам был таким же миссионером, апологетом Евангелия. В 1922 году он был выслан из советской России, так как атеисты не могли устоять перед ним на диспутах. Он прочитал много бесплатных лекций, опровергающих материалистические воззрения, навязываемые народу. Будучи очень близок к евангельским христианам, он остался верным своему призванию и вел евангельские радиопередачи с горы Кармил почти до самой своей кончины.

На страницах своей книги А. Кураев также дает объективную оценку эпохе неоязычества. Он пишет:

Более «современными» (в смысле еще более подверженными влиянию духа современности) на сегодняшний день оказались протестантские движения так называемой «третьей волны»: харизматические движения, на которые с практически равным ужасом смотрят и православные, и католики, и обычные протестанты. Эпоха неоязычества, эпоха оккультных вкусов по своим рецептам создала себе и соответствующую разновидность «христианства» — со столь же легкими и массовыми чудесами, видениями и исцелениями. Стоит «чудотворцу» «Слова жизни» взмахнуть пиджаком — и вот уже десятки людей падают на пол, сраженные силой «святого духа». Джон Уимбер, один из основателей харизматического движения, так описывает одну из практик своего движения (под названием «покой в Духе»): «Об этом феномене, когда люди падают на пол и иногда лежат на спине или на животе по нескольку часов, известно нам не только из сообщений истории Церкви. Он случается часто и в наши дни. Случается, что такое состояние длится от 12 до 48 часов. Случаются ситуации весьма драматические, когда так падает пастор или духовный руководитель. Как правило, многие действительно повергаются в Духе ниц и продолжают лежать на животе. Были случаи, например, когда один пастор на протяжении почти часа бился ритмично головой о пол.

Классический протестантизм недостаточно приспособлен к оккультным модам «эры Водолея», и потому не будет распространяться беспрепятственно и легко. Он был слишком «современен» сто лет назад, и потому сегодня становится слишком устаревшим... А харизматические секты, растущие поразительно быстрыми темпами именно в силу своей созвучности оккультным потребностям

сегодняшнего общества, явно не противостоят оккультизму, но всего лишь являются его передовым отрядом. Понятно, что оккультизм, слегка замаскированный под христианство, с оккультизмом уже прямо антихристианским всерьез бороться не будет. Слишком легкие чудеса и там и там, и от слишком странной, слишком анонимной «силы» они в обоих случаях исходят. Значит, не от протестантов-харизматов ждать противодействия неоязычеству.

Когда я говорю о противодействии оккультизму — я не имею в виду лишь издательскую, лекторскую и просветительскую деятельность. Лекциями сатану, сорвавшегося с цепи, не остановишь. Оккультисты призывают к себе нечеловеческие «силы» и «энергии», «духов» и «иерархию». Борьба с атеизмом была борьбой просто с человеческим заблуждением, это была дискуссия с людьми. Борьба с оккультизмом — это уже борьба с тем, что страшнее невежественного человека и сильнее взвода лекторов-агитаторов. Надо не просто предупредить человека: «Не связывайся!». Надо защитить его от того зла, что причиняется и призывается теми, кто живет вокруг него[160].

Когда мы соглашаемся с доходчиво изложенными выводами, то хочется сказать: «Комментарии излишни». Замечательная книга В. Бюне «Игра с огнем» раскрывает сущность оккультных проявлений в пятидесятническом движении. Нам приятно, что А. Кураев положительно оценивает выводы этой книги и солидарен с ними. Хотелось бы попросить православных священников увидеть разницу между евангельскими христианами-баптистами, проповедующими здравое евангельское учение, и новыми харизматическими течениями. А то православные благочинные, имея тесную связь с администрацией, не разбираясь, по инерции, запрещают нам проповедовать Евангелие. Мы только можем сказать таковым: «Берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5:39).

А. Кураеву хочется сказать: как неприятно видеть православным проявление оккультного язычества у харизматов, так же и евангельским христианам-баптистам неприятно видеть застаревшие формы язычества в народном православии.

Рассуждая о спасении, А. Кураев цитирует Василия Великого, утверждающего, «что Отец отпустил нам грехи еще прежде послания Своего Сына: "Бог для отпущения наших грехов ниспослав Сына Своего, со Своей стороны предварительно отпустил грехи всем"»[161]. Эту мысль А. Кураев поясняет так:

В конце концов центральный стих Евангелия — «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» — подтверждает вовсе не протестантско-юридическую схему. С точки зрения юридизма все должно было бы быть наоборот: «Бог отдал Сына Своего, и потому возлюбил мир» или: «Сын принес Себя в жертву, и отныне Бог любит мир»[162].

С нашей стороны хочется заметить, что деяния Бога, Который есть Любовь, ни в протестантские, ни в православные схемы не вместить. Схемы — богословские домыслы; любовь, доказанная на деле, — благодать Божия. Даже первый запрет Бога — «от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:17) — был продиктован любовью Творца к творению. Он хотел оградить человека от зла, которое в лице сатаны уже было в мире. В Своем вечном плане спасения, предвидя грехопадение человека, Бог предопределил Спасителя рода человеческого. Об этом написал

апостол Петр: «Зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира» (1 Пет. 1:18-20).

Бог не перестал любить и погрязшего в грехах человека, хотя пророк Исайя говорит: «Беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас, чтобы не слышать» (Ис. 59:2). Святой Бог не может иметь общение с нераскаянным грешником, но продолжает его любить. Это подтверждает пророк Иеремия: «Издали явился мне Господь и сказал: любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение» (Иер. 31:3). Вот это благоволение и выражено в Ин. 3:16. Иисус добровольно, любя человека, «уничижил Себя Самого, приняв образ раба... смирил Себя, быв послушен до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2:7-8). «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5:8). Иисус Сам сказал об этом: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:12-13).

Христос умер за наши грехи и этим же исполнил закон Бога: «Возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6:23). Человек сотворен со свободной волей, перед ним выбор: или жизнь вечная, или смерть. Иисус дарит полное спасение, но со стороны человека нужны вера и покаяние. Первая проповедь Христа: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мф. 1:15). Покаяние — это не только просьба о прощении, но поворот от греха. А дальше — путь освящения. Идущим этим путем Бог дает силу побеждать грех. Полюбив Иисуса, мы будем благодарить Его и не захотим снова причинять Ему боль своими грехами. Если же кто согрешит, то таковым апостол Иоанн говорит: «Дети мои! сие пишу я вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника» (1 Ин. 2:1). Если грешник не покается, то он не может быть гражданином Нового Иерусалима, так как «не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости или лжи» (Отк. 21:27). Иисус сказал: «Если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13:3,5), но Он проявляет долготерпение. Апостол Петр пишет: «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет. 3:9).

Суд Божий обязательно будет, этого требует Божья справедливость. Но этот суд будет для нераскаявшихся грешников. Предупреждая грешника при земной жизни о суде, Бог этим хочет отвести его от гибели. Знаки дорожного движения, предупреждающие водителя автомобиля об опасности, поставлены не для того, чтобы он попал в аварию, но чтобы избежал ее.

Православное представление о грехе, выраженное А. Кураевым: «Для православия грех не столько вина, сколько болезнь. Бог не наказывает грешника, как судья наказывает преступника. Здесь, скорее, отношение врача и больного»[163], — может многих погрузить в беспечность и привести к роковому концу. Это субъективное мнение А. Кураева, но не библейский вывод. Пример врача и больного не совсем удачен: болезнь больного не привела врача к смерти, а Христос умер за наш грех, этим искупив нашу вину.

Вопрос крещения детей также очень беспокоит А. Кураева. Как было показано нами ранее, до V века Церковь не настаивала на обязательности крещения детей, так что многие отцы Церкви — Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Назианзин, Киприан, Амвросий, Августин — приняли крещение взрослыми. Предположение некоторых православных, что, может быть, у всех у них родители не были верующими, отпадает, так как известно, что мать Августина, Моника, была глубоко верующей в Иисуса Христа, а отец Григория Назианзина был епископом города Назианза.

Рассмотрим аргументы А. Кураева. Он пишет:

В текстах Нового Завета есть прямое повеление Христа: «Не препятствуйте им [детям] приходить ко Мне» (Мф. 19:14). Однако единственная дверь ко Христу — «если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3:5). Христос, взглянув на детей, «возложил руки на них и благословил их» (Мк. 10:16). Значит, Христос благословляет детей, Он может их благословить. Также православные надеются, что Господь благословит и их детей[164].

Правда, А. Кураев признает, что в православную догматику с трудом вмещается акт благословения детей. В сноске он отмечает:

Здесь есть сложность: в Евангелии Христос благословил явно некрещеных детей, что означает возможность внецерковного, внетаинственного благословения. Однако если один вид благодати мог быть дан детям непосредственно, то почему же благодать крещения не может быть им преподана?[165]

Наш ответ таков: да, Христос сказал: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие», — но беда православных в том, что под водой они стали понимать купель, в которую окунают младенца, где он якобы рождается свыше.

Священное Писание конкретно говорит, что «без веры угодить Богу невозможно» (Евр. 11:6). Где взять веру? Тоже есть конкретный ответ: «Итак вера от слышания, а слышание от Слова Божия» (Рим. 10:17). Младенец не может ни верить, ни разуметь Слово Божье. Поэтому возрождается человек от Слова Божьего (от воды) и от Духа Святого. Христос сказал: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7:37). Апостол Павел пишет: «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством Слова» (Еф. 5:25-26). Эту же мысль он подтверждает в Тит. 3:5: «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы могли сотворить, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом».

Более того, рождение свыше происходит в момент искреннего покаяния, когда Кровь Христа очищает сердце от всякого греха и в него входит Дух Святой, даруя свидетельство спасения и усыновления (Рим. 8:16) и производя плод в нашем духе (Гал. 5:22-23). Крещение без веры и покаяния бесполезно. Иоанн Креститель не допустил фарисеев и саддукеев до крещения, так как им нужно было покаяние (Мф. 3:7-8). Христос сказал: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16:16). Разбойник на кресте, покаявшись, без крещения вошел в рай.

Нам задают вопрос: а если младенец умрет не-крещенным, он погибнет? Нет, ему первородный грех не вменяется, так как он не может еще разуметь. Даже взрослого преступника человеческий суд не судит, если он признан невменяемым.

Крещение нужно для служения Богу. Это «обещание Богу доброй совести» (1 Пет. 3:21) могут дать только взрослые, рожденные свыше, так как до покаяния у человека «доброй совести» нет. Младенец же ни верить, ни обещать не может. А. Кураев пытается возразить, ссылаясь на неточность перевода. Он пишет:

Нам говорят, что детей нельзя крестить, потому что они не могут присягнуть на верность Евангелию, а крещение, как говорит апостол Петр, есть «обещание Богу доброй совести» (1 Пет. 3:21).

Этот аргумент строится на неверном переводе Писания. С сожалением должен сказать, что и синодальные переводчики в этом месте ошиблись. Ближе к оригиналу церковно-славянский перевод: крещение не «обещание Богу доброй совести», а «вопрошение у Бога совести благи». Здесь крещение оказывается не приношением, не обещанием, но — просьбой[166].

В русском народе такой аргумент А. Кураева назвали бы «рубить сучок, на котором сидишь». Хочет этого А. Кураев или нет, но он своим заявлением о неточности Синодального перевода расписывается в том, что в соответствии с данным переводом крещение младенцев недопустимо. Синодальный перевод считается одним из лучших. Церковно-славянский перевод тоже не оправдывает детокрещение, так как и «вопрошение у Бога совести благи» недоступно младенцу. Крестные отец и мать (выдумка православных) тут тоже не помогут, так как «человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него» (Пс. 48:8).

В главе «Чем православие хуже протестантизма?» А. Кураев стремится убедить читателя, что в православии и «икона может быть проповедью». Колокольный звон, православный храм, священник, идущий в рясе по городу, старые православные кладбища — все это своеобразная проповедь. Здесь же он приводит пример из жизни Франциска Ассизского:

Однажды Франциск сказал послушнику: «Пойдем в город на проповедь». Они пошли и всю дорогу тихо беседовали между собой о духовных предметах. Прошли весь город, повернули назад и так дошли до самого монастыря. Молодой брат в удивлении спросил: «Отец, а когда же мы будем проповедовать?» Но Франциск сказал: «Разве ты не заметил, что мы все время проповедовали? Мы шли благопристойно, беседовали о достойнейших предметах, встречавшиеся смотрели на нас и получали мир и успокоение. Ведь проповедь заключается не только в словах, но и в самом поведении»[167].

В какой-то мере можно согласиться с такими доводами, только А. Кураев, может быть, забыл пояснить читателю, что Франциск Ассизский не православный, а католический святой. Впрочем, не наше дело вникать в вековые антипатии католиков и православных.

Примеры проповеди мы находим в Слове Божьем. Пророк Исайя пишет: «Взойди на высокую гору, благовествующий Сион! возвысь с силою голос твой, благовествующий Иерусалим! возвысь, не бойся; скажи городам Иуд иным: вот —

Бог ваш!» (Ис. 40:9). «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону: "воцарился Бог твой"» (Ис. 52:7).

Гомилетика учит: проповедь — это огненная речь, способная пробудить грешника и направить ко Христу. Конечно, проповедь начинается с восхождения «на высокую гору», то есть со святой жизни, но нужно все же «с силою возвысить голос». Апостол Петр после Пятидесятницы не стал молча прохаживаться с Иоанном перед многотысячным собранием народа, а дерзновенно возвещал и даже обличал народ: «Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Деян. 2:36). Вся Библия — это Слово Божье, Евангелие — это Благая Весть.

А. Кураев и сам отлично понимает, что без оглашения паствы обрядовое служение не будет иметь силы. Он приводит речь священника-миссионера Чепурина:

Беспечная, вялая воля, сердце, чуждое живой пастырской ревности, ум поверхностный и ленивый стараются увидеть во всех, более или менее настойчивых призывах к возможно деятельному и напряженному благовестничеству что-то «навеянное со стороны» и «чуждое нашим древним устоям», «знаете, — говорят, — здесь немножко пахнет западом...» Здесь пахнет западом?! Западом?! Так что «запад» говорит, что благовествование — необходимая обязанность наша, что при отсутствии настоящей постановки церковного проповедничества у нас заглохнет религиозная жизнь в народе? Что без серьезного оглашения паствы наше божественно-прекрасное богослужение останется втуне [без пользы, напрасно. — *Е. П.],* непонятым, непережитым, а святые таинства помечутся, как бисер под ноги свиней?[168]

Как гармонично с этой речью перекликаются уже приводимые слова Ф. М. Достоевского: «Толкуйте народу Евангелие неустанно» и «Гибель народу без Слова Божьего».

В. С. Соловьев, рассуждая об истинном благочестии в труде «Оправдание добра», говорит о трех видах служения Богу: из-за корысти, из-за страха и по любви. Конечно, высшее служение Богу — по любви к Нему. Соответственно, В. С. Соловьев христианство делит на три вида: первый — храмовое христианство; второй — бытовое христианство; третий — христианство вселенское. Входя в храм, человек может восхититься его красотой, служением, но уйдет таким же, каким пришел, и будет вести такую же прозаичную жизнь, какой она была раньше. В бытовом христианстве Евангелие внесено в дом, в жизнь. Это, безусловно, более совершенный вид служения Богу, но еще выше — вселенское христианство. Это чаяние, ожидание Господа, желание приблизить Его приход проповедью Евангелия, это молитва: «Да придет Царствие Твое!»

Критикуя протестантизм, А. Кураев обнаруживает столь однобокое суждение, что приходится только удивляться. Он пишет:

Протестантизм отличается от православия и католичества тем, что из двух источников духовных знаний — Писания и Предания — протестантизм признает только первый. Sola Scriptura. Только Писание. Этот лозунг протестантизма привлекателен лишь до тех пор, пока не задумаешься: а что же именно осталось

за скобками этого sola. Что исключается этой формулой? Жить по Писанию — прекрасно. Но что уходит из поля зрения человека, который читает только Евангелие? — Уходит Предание. В реальности это означает, что философский и религиозный кругозор обычного убежденного протестанта значительно уже круга знаний убежденного православного... Августин и Златоуст явно оказываются обременительным чтением, интересным только для историков. Православие — это библиотека; «евангелизм» — религия одной книги... Напрасно написаны хоры Чайковского и Рахманинова...[169]

Из приведенного выше текста можно согласиться только с одним высказыванием А. Кураева: «Жить по Писанию — прекрасно».

Многие из евангельских христиан с удовольствием читают Августина Блаженного, Иоанна Златоуста и других отцов Церкви. На наших библейских курсах преподается история христианства с тщательным анализом вселенских соборов, но, как уже отмечалось, все рассматривается через призму Священного Писания. Оно — единственно верная магистраль, ведущая в небо; компас, указующий ввысь; зеркало, позволяющее правильно увидеть свое состояние; отвес, не допускающий отклонений в домостроительстве. Вот в таком смысле протестанты употребляют лозунг *Sola Scriptura.*

Наши хоры с огромным удовольствием исполняют композиции Архангельского, Бортнянского, Веделя и других православных композиторов. А вот в православных храмах никогда не прозвучит величественная оратория Генделя «Мессия» с неподражаемым «Аллилуйя!»; месса «Си-минор», «Страсти по Матфею», «Страсти по Иоанну» И. С. Баха; «Стабат матэр» («Слезы матери») многих композиторов, писавших на этот текст, и многие-многие другие произведения, составляющие сокровищницу мировой духовной классики. Как музыкант по образованию я всегда готов повторять: «Православные, как вы обеднили себя, убрав инструментальную музыку из богослужений!» Почти все ветхозаветные псалмы написаны для хора и оркестра.

Мы не отрицаем изобразительное искусство. С умилением и восхищением мы смотрим на прекрасные, написанные на библейские сюжеты картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеландже-ло, Иванова, Ге и других художников. Но мы не превращаем эти шедевры в кумиры, не молимся на них, не поклоняемся им, не считаем их источником благодати.

Сейчас стали появляться замечательные протестантские Дома молитвы-храмы. Конечно, их меньше, чем у православных, потому что и дореволюционные православные, и современные атеисты не позволяли их строить. А сколько в баптистском братстве духовной литературы, сколько собраний проповедей выдающихся проповедников, сколько толкований на все книги Священного Писания, сколько сборников новых стихов и музыкальных композиций! Жаль, что все это находится вне поля зрения православных.

Наше желание — все в нашей жизни посвятить Господу на служение. Апостол Павел обратился к римлянам с такими словами: «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12:1).

А. Кураев также затрагивает весьма проблемный вопрос «взросления» христианства, который евангельскому христианину невозможно оставить без комментариев:

Говоря словами Л. Успенского, «не следует упрощать проблему, если чего-то не было в первые века христианства, это не значит, что этого не нужно и в наше время». И, следовательно, если Григорий Богослов говорит нечто, чего не говорил Иоанн Богослов — это не обязательно есть искажение апостольского слова. Церковь есть живой организм, а для живого свойственно развитие. И поэтому баптистские уверения в том, что они вернулись к «апостольской простоте», неубедительны: нельзя заставить взрослого человека вновь влезть в колыбель и носить детские одежды, как бы милы они ни были. Христианство уже взрослое. Ему две тысячи лет, и это древо, разросшееся за два тысячелетия, нельзя вновь обрезать до размеров и форм того росточка, с которого оно начиналось на заре христианства.

<...> И если Церковь не сразу привлекала философский инструментарий для разъяснения своей веры и надежды — это не значит, что все наработки послеапостольского богословия должны быть отменены. Христос сравнивал Царство Божие с растущим семенем, древом, закваской. И что же пенять дереву за то, что оно не осталось семечком, но вобрало в себя всю сложность мира и человека! Древо, оставленное Христом «после Себя», проросло сквозь историю, выбрав в себя ее соки и срастворив их с токами Небес. И только человек, стыдящийся Христа и тайны воплощения Бога, может сказать, что Церковь «зря связалась» с «миром сим»[170].

Начнем рассуждение с последних слов А. Кураева: «Только человек, стыдящийся Христа... может сказать, что Церковь "зря связалась" с "миром сим"». Его вывод однозначен, он не косвенно, а прямо подтверждает, что Православная церковь «связалась с миром сим», и не только сожалеет об этом, но готов осудить тех, кто принимает попытки освободить ее от этой связи.

Тезис Л. Успенского, приведенный А. Кураевым, — «если чего-то не было в первые века христианства, это не значит, что этого не нужно и в наше время» — требует пояснения. В первые века в Церкви не было язычества, его элементы стали вторгаться в Церковь с эпохи Константина. Ранее мы упоминали об опасном заверении одного из православных: «И в язычестве не все было плохо». Вот оно и присутствует, особенно в традиционном православии. Как же к нему теперь относиться? Может быть, вспомнить аргумент Кураева, который может показаться логичным: «Нельзя заставить взрослого человека вновь влезть в колыбель и носить детские одежды » ? Но этот аргумент взят не из духовной, а из материальной сферы, и его скорее можно отнести к области софистики, а не к мудрости, сходящей свыше. Мы бы предложили лучший вариант — внять словам апостола Павла: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор. 14:20).

Да, древо разрослось, но мы уже рассуждали о его неимоверном росте: лукавый сумел к нему сделать прививку от древа «познания добра и зла» и сам укрылся в нем в виде птиц. Христианство разрослось, согласно третьей притчи из Мф. 13. А согласно четвертой притче оно вскисло от положенной в него закваски. Мы уже отмечали, что закваска в Священном Писании — символ нечистоты. Советуем еще раз прочитать 1 Кор. 5:7-8. Какой же вывод? Два варианта: или внять словам

апостола Павла: «И потому выйдете из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас» (2 Кор. 6:17), или закрыть на все глаза и продолжить дальше «кваситься», пока не «вскиснет все». Да, христианство многое впитало в себя. Но вот здесь-то и нужен критерий истины, чтобы определить, что из впитанного принять, а что срочно искоренить. И мы опять возвращаемся к нашему базовому выводу: критерием истины может быть только Первоисточник, то есть Слово Божие, а не многоветвистое Предание.

Если следовать домыслам А. Кураева: «Это дерево [христианство. — *Е. П.],* разросшееся за две тысячи лет, нельзя вновь обрезать до размеров и формы того росточка, с которого оно начиналось», — то напрасно отменены индульгенции, напрасно потушены костры инквизиции. Ведь в Священном Писании о них тоже ничего не говорилось. Зачем же тогда православные отделились от католиков, не соглашаясь по вопросам целибата, Евхаристии, *Filioque?* Зачем они восстали против папства? Вывод один: все приведенные А. Кураевым аргументы неубедительны и крайне опасны. Враг души человеческой хочет вместо истинной Церкви, живущей по Слову Божию, подсунуть людям подменную церковь. Иоанн пишет: «И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными... И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей... И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий (Отк. 17:3-5). Вавилон — это смешение. Всякая номинальная церковь, смешанная с миром и с мирской властью, превращается в Вавилон.

На последнее предложение — «и только человек, стыдящийся Христа и тайны воплощения Бога, может сказать, что Церковь "зря связалась" с "миром сим"», — мы смело скажем, что истинная Церковь не должна связываться с «миром сим», если она не хочет стать Вавилоном. Иоанн пишет: «Не любите мира, не того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца» (1 Ин. 2:15-16).

Далее в своей книге А. Кураев примитивно, односторонне представляет жизнь протестантов. Он пишет:

Их догматика («мы спасены! мы не грешим! мы святы!») не позволяет им замечать свои грехи, плакать о них, исповедовать их и предупреждать о них своих единоверцев. Как однажды со слезами на глазах говорил мне один адвентистский пастор: «Я же знаю, что я возрожденный христианин, и я знаю, что я все равно грешник. Та, первая радость обращения уже ушла, а грехи вернулись. Мне бы впору выйти и каяться, плакать о своих грехах, а я должен только воспевать "Аллилуйя", улыбаться и всех заверять в том, что истинный христианин уже не грешит»

Я не могу отвечать за тех, кто, искаженно восприняв тезис Ж. Кальвина о неотступности святых и переделав его для себя в невозможность потери спасения, дерзает заявлять: «Мы не грешим». Я не могу отвечать и за адвентистского пастора, откровенно признавшегося А. Кураеву, но братство евангельских христиан-баптистов, в котором я нахожусь более сорока лет, исповедует учение «Об очищении и освящении». Проповедуя Евангелие, мы убеждаем каждого слушателя поверить Иисусу Христу, Который в первой Своей проповеди сказал: «Исполнилось время, и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1:15). Далее мы доводим до сведения

слушающих, что все люди наследуют грех Адама и Евы и имеют свои собственные грехи. «Лукаво сердце человеческое, — говорит пророк Иеремия, — более всего и крайне испорчено» (Иер. 17:9). Давид пишет: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50:7). Наш грех — это палач, распинавший Иисуса. Апостол Петр в первой проповеди после Пятидесятницы коснулся сердец слушателей словами: «Итак твердо знай, весь дом Из-раилев, что Бог соде л ал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Деян. 2:36). Если душа, исповедав свой грех, искренне кается перед Господом, то «Кровь Иисуса Христа... очищает от всякого греха» (1 Ин. 1:7-9). В этот момент прощенный грешник спасен. Далее — путь освящения до последнего дыхания (Рим. 6:22; Евр. 12:14; 1 Фес. 4:3). Должны быть и дела по вере, иначе она будет мертвой. Ко всем верующим всех деноминаций относятся слова: «И не войдет в него [Небесный Иерусалим. — *Е. П.]* ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи» (Отк. 21:27). Грех нужно оставить на земле, в небо он не войдет. Вот так мы наставлены и так проповедуем. Покаяние нужно каждому человеку. Апостол Павел, благовест-вуя в Афинах, сказал: «Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян. 17:30-31). Неправ С. Н. Булгаков, обвиняя протестантизм в том, что он «не имеет идеала и пути святости, без которого нет настоящей религии, как нет искусства без художественного гения»[172]. Если бы не было идеала, то не было бы мучеников, а их в протестантизме невозможно счесть — ив прошлые века, и в наше время. А вот, например, в брежневские времена из православных лишь Г. Якунин и Д. Дудко подавали голос в защиту свободы совести, а остальные были или лояльны по отношению к атеистам, или «благоразумно» молчали, или прямо либо косвенно сотрудничали с ними. Так кто же не имеет идеала?

Православные узники, бывшие в сталинские времена на Соловецких островах, не раз говорили о том, что все священнослужители, сотрудничавшие с атеистами, утратили священство. Это напоминает вопрос, решавшийся в IV-V веках (так называемый донатистский спор). Донатисты настаивали, что священники, не сохранившие верность в римских гонениях, больше не принадлежат к истинной Церкви и их таинства недействительны. Конечно, «милость превозносится над судом» (Иак. 2:13), когда речь идет о членстве в церкви. Совсем другое дело — может ли быть священником сотрудничавший с атеистами? Апостол Павел пишет: «Верно слово: если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен...» (1 Тим. 3:1-2). Так было и в Ветхом Завете. Иезекииль пишет: «Так говорит Господь Бог: никакой сын чужой, необрезанный сердцем и необрезанный плотью, не должен входить во святилище Мое... Равно и левиты, которые удалились от Меня во время отступничества Изра-илева... понесут наказание за вину свою. Они будут служить во святилище Моем, как сторожа у ворот храма и прислужники у храма... За то, что они... были для дома Израилева соблазном к нечестию, Я поднял на них руку Мою, говорит Господь Бог, и они понесут наказание за вину свою» (Иез. 44:9-12).

С большой настороженностью мы воспринимаем сообщение, опубликованное в журнале евангельских христиан «Гость»:

Минюст Российской Федерации планирует закрыть ряд религиозных организаций. Среди кандидатов на запрет также Союз церквей евангельских христиан,

объединения христиан-баптистов в Томской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономном округе[173].

Для всех, кто считает, что истинная Христова Церковь должна стоять в свободе (Гал. 5:1) и нести людям весть спасения, не вмешиваясь в государственные, политические интриги, непонятным является и лозунг: «Православная церковь — за сильную армию». Всеволод Чаплин, заместитель главы отдела Московской Патриархии по внешним сношениям, заявил:

Нам необходимо сильное государство и сильная армия для того, чтобы у нас была возможность отбить любое нападение и любую попытку изменить наш образ жизни, навредить нашим интересам или уменьшить наше влияние на события в мире[174].

Как стала «служанкой» государства официальная церковь при Константине, так и остается таковой и в наше время.

Напоминаем читателям, что в этой главе мы совершаем экскурс по страницам книги А. Кураева «Протестантам о Православии». Нам необходимо еще остановиться на приводимом автором поучении Исаака Сирина, которым тот выразил суть монашеского делания:

Совершенство всего подвига заключается в трех следующих вещах: в покаянии, в чистоте и в усовершении себя. Что такое покаяние? — Оставление прежнего и печаль о нем. — Что такое чистота? — Кратко: сердце, милующее всякое тварное естество. — Что такое сердце милующее? — Горение сердца о всем творении — о людях, о птицах, о животных, о демонах, и о всякой твари, о бессловесных и о врагах Истины и чтобы они очистились и сохранились — молиться с великой жалостью, которая возбуждается в сердце его без меры по уподоблению в сем Богу[175].

Далее следуют комментарии А. Кураева:

Это просто Евангелие. Но это то Евангелие, что не захлопнулось с последней буквой, вписанной в него, но открылось и прорастало в новых и новых сердцах сквозь все века и культуры. Это то Евангелие, которое продолжило свою жизнь в Предании. В православии. И этот опыт поиска Христа, обретения Его, удержания Его православное предание хранит воплощенным в тысячах и тысячах судеб, рассказов, свидетельств[176]

После этих высказываний так и хочется еще раз процитировать пророка Исайю: «И стало у них словом Господним: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, так немного, — так что они пойдут, и упадут навзничь, и разобьются, и попадут в сеть, и будут уловлены» (Ис. 28:13). А. Кураев нам предлагает уникальное «евангелие», которое не закончилось словами «ни прибавь, ни убавь», но которое «прорастало... сквозь все века и культуры», и его «хранит православное предание воплощенным в тысячах и тысячах судеб, рассказов, свидетельств». Фрагментом из такого «евангелия» и является приведенное выше поучение Исаака Сирина о «монашеском делании».

На первый взгляд, оно высокодуховное, но, как учит Екклесиаст: «Мертвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника» (Ек. 10:1). Вчитаемся еще раз в поучение Исаака Сирина: «Что такое сердце милующее? — Горение сердца о всем творении — о людях, о птицах, о животных, о демонах *[подчеркивание. — Е. П.]».* Прочитав несколько раз, что и о демонах надо «молиться с великой жалостью», я перестал доверять своим прежним знаниям и углубился в толковые словари. В частности, словарь В. И. Даля дает следующее определение: «демон — греч. злой дух, диавол, сатана, бес, черт, нечистый, лукавый». Хоть бросай перо и скорее твори молитву! До чего же домудрствовался этот преподобный монах — за всю нечисть молиться, а А. Кураев еще называет это «евангелием» и предлагает протестантам. Упаси Господи, молиться за нечисть, восставшую на Бога! Искренняя молитва предполагает любовь и близость, что в данном случае немыслимо.

Богом участь диавола и его ангелов предопределена. Христос однажды скажет: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25:41).

Две заповеди Бога Иисус назвал наибольшими: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37-39). Хорошо, что хоть сюда монахи не додумались что-то вставить! Ближнего мы должны любить, но кто он? Это всякий человек, который нуждается в нашей помощи. Когда законник, желая оправдать себя, задал Христу вопрос: «А кто мой ближний?», — отвечая ему, Христос рассказал притчу о милосердном самарянине (Лк. 10:29-37).

Автор 96-го псалма оставил такое пожелание, или даже повеление: «Любящие Господа, ненавидьте зло!» (Пс. 96:10). Человек сотворен по образу и подобию Божьему. Даже самый нехороший человек не может быть первоисточником зла. Он уловлен злом. Бог его создал со свободной волей. Но если люди не поручают себя Богу, как сказано в молитве «Отче наш»: «Да будет воля Твоя!» — и в Деян. 5:32: «Свидетели в сем мы и Дух Святый, Которого Бог дал повинующимся Ему», — то своевольных диавол уловляет в свою волю (2 Тим. 2:26).

Благой Бог не сотворил зла, оно возникло при восстании сатаны против Бога. Поэтому сосредоточением зла является диавол. С ним у нас брань. Апостол Павел пишет: «Наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). Начальства, власти — это ангельские чины, отпавшие с диаволом. Они действуют в «сынах противления» вместе со своим «князем» (Еф. 2:2).

Молиться нужно не за демонов, а за уловленных ими людей. Любя и прощая злому человеку, не воздавая злом за зло, мы становимся победителями над духами злобы. Христос учил: «Не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39). Христос знал, как бороться с сатаной и побеждать его. Л. Н. Толстой, провозгласив учение о непротивлении злу насилием, не точно истолковал слова Христа. Именно «злому» не противься, а злу надо противиться и побеждать его. Сам Христос определил, каким должно быть наше отношение к злу и греху. Ангелу Пергамской церкви Он говорит: «Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения

Валаама, который научил Ва-лака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали. Так и у тебя есть держащиеся учения Николаитов, которое Я ненавижу» (Отк. 2:14-15).

Да поможет нам Господь любить Его Слово, правильно понимать и исполнять его!

В заключение этого рассуждения очень хочется напомнить поучение Иоанна Златоуста. В одной из своих проповедей он воскликнул:

Братия мои, Ангелы нам завидуют! Потому что нам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него [см. Флп. 1:29]... Не должны ли мы, братия мои, более всего молиться за гонителей наших, которые, доставляя нам столько неприятностей, как бы насильно толкают нас в Царствие Бо-жие. Добрый человек, делая нам добро, получает воздаяние, жизнь вечную, а эти, толкая нас в Царствие Божие — муку вечную.

Также А. Кураев немного скептически отзывается о протестантском благовестии. Он пишет:

Я хочу сказать, что православные храмы наполнены *прихожанами* — людьми, которые сами *пришли* в храм. А протестантские общины состоят из *привожан:* из людей, которых кто-то поймал на улице и *привел,* отконвоировал в библейский кружок. Это значит, что протестант помнит, как именно он стал христианином. Он помнит, как к нему подошли, как обратились, что сказали. Он помнит, какие аргументы привели, на какие вопросы и как ответили. На себе он испытал технологию миссионерства, и поэтому сам легко может ее потом воспроизвести на другом. Православного же никто не вел в храм, он почувствовал какой-то толчок изнутри — и как же он сможет это душетрясение воспроизвести в чужом сердце?[177]

В протестантизме признается принцип всеобщего священства. Он вытекает из 1 Пет. 2:9: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святый, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет». С этими словами перекликается славословие из Откровения Иоанна: «Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею, и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков! Аминь» (Отк. 1:5-6). Православные не верят во всеобщее священство, но так свидетельствуют апостолы. Конечно, никто из протестантов не сможет сказать, что я соответствую такому высокому званию, но Господь хочет видеть нас такими, и Он поставил нас на путь освящения.

Я вспоминаю свои студенческие годы. Тогда собирал множество слушателей и читал платные лекции по атеизму бывший профессор Ленинградской духовной академии, магистр богословия, отрекшийся от Бога, Осипов. Он написал книгу «Христианство и страдание», в которой отметил, что именно страдание является движущей силой христианства. Поняв принцип всеобщего священства, он сделал вывод: «В настоящее время [начало 60-х годов. — *Е. П.]* у нас в СССР все религии отмирают, и только баптизм упорно набирает число своих членов, потому что у них каждый — священник ».

Сила нашей проповеди в том, что мы ничего своего не говорим людям, а только то, что было сказано Господом. Вера зарождается от «слышания Слова Божия»

(Рим. 10:17). Наши методы благовестил не противоречат Евангелию. В притче о брачном пире царь говорит рабам: «Брачный пир готов, а званные не были достойны; итак пойдите на распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, вышедши на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых» (Мф. 22:8-10). Уходя с земли, Христос дал ученикам повеление: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19-20). В первоапостольской Церкви были благовестниками все апостолы, диаконы Стефан и Филипп и множество других христиан (см. Деян. 8:4; 11:20). А. Кураев пишет: «Если спросить православных прихожан, как они пришли к вере, ответ в конце концов будет один: "Господь привел"»[178]. Мартин Лютер в своем катехизисе записал: «Я верую, что не могу по собственному разумению, или своими силами уверовать в Иисуса Христа, моего Господа, или прийти к Нему. Но Святой Дух призвал меня через Евангелие, просветил меня Своими дарами, освятил и сохранил меня в истинной вере»[179].

Каждому человеку Бог дал время покаяться (Отк. 2:21). Всем нужно услышать или прочитать Евангелие, поэтому Христос сказал: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24:14). Во свидетельство все должны услышать евангельскую проповедь, а кто примет весть о спасении верою и покается, тот будет спасен. Апостол Павел так разъясняет это различие: «Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь. И кто способен к сему? Ибо мы не повреждаем слова Божия, как многие, но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом во Христе» (2 Кор. 2:15-17). Помоги, Господи, и нам «не повреждать Слова Божия» (2 Кор. 2:17), а это значит не прибавлять к нему и не отнимать от него.

Снабдив свою книгу главой «Методика диспута с протестантами» А. Кураев желает видеть в православных храмах обращенных в православие из протестантизма. Также он выражает надежду, что из православия протестанты смогут извлечь что-то полезное. «Православное богословие, — пишет он, — немало взяло за последние века у католического и лютеранского богословия, но не перестало быть православным. Точно так же можно многое брать из православного мира, оставаясь протестантом»[180]. Дональд Ферберн в своей книге «Иными глазами» как раз и стремится найти в православии (не в народном, а у «зрелых православных богословов») что-то полезное, могущее расширить наш духовный кругозор. Мы признаем, что православие для русскоязычных евангельских христиан-баптистов было своеобразным барьером от проникновения опасного кальвинистского учения о предопределении. Но, в то же время, лабиринт преданий в православии мешает ищущим истину прийти к ясному, истинному, евангельскому свету.

В заключение главы «Методика диспута с протестантами» А. Кураев искренне признается в некоторых недостатках православия, чем как-то сразу располагает к себе. Вот что он пишет:

Христианину никогда не зазорно каяться. Да, наша церковная жизнь далека от нормальной. Да, много грехов в нашей истории и в современности. Совсем не все, что есть и что было в церковной жизни или в приходской практике, нуждается в оправдании. Об ином надо прямо сказать: это греховная привычка, обжившаяся в наших храмах вопреки учению нашей же Церкви (например, икона Новозаветной

Троицы, изображающей Бога Отца в виде старца, вопреки постановлению VII Вселенского собора и Стоглавого собора Русской Церкви). <...>

Делать вид, что у нас все хорошо, неумно хотя бы потому, что в большинстве случаев русский протестант — это человек, который пытался быть православным, он заходил в наш храм, но что-то его испугало, оттолкнуло. Так что богословски, исторически — на протестантах лежит грех раскола, а по-человечески — на нас. «На нас смотрит человек вопрошающими глазами: не у нас ли сострадающее лицо Бога» *(свящ. Сергий Щукин.* Современные думы, с. 198), и потому, что не видно его у нас, он идет к другим[181].

Это признание хотелось бы оставить без комментариев и только заметить, что протестанты перед православными в расколе невиновны. У православных у самих был раскол с католиками в 1054 году, а протестанты отделились от католиков в 1520 году. И еще, если врач не вылечит больного — пользы мало в красивом здании больницы и стерильных одеждах медицинского персонала. Если религия не преображает человека и не излечивает духовные раны — в ней пользы нет. Поэтому нужно идти не к деноминации, не к церкви, не к угодникам, а к Богу, прямо к Иисусу Христу, Который сказал: «Приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6:37).

Православие и национализм

Данный вопрос подробно обсуждается Дональдом Ферберном. Он пишет:

Проблемы, которые вытекают из практики обращения к усопшим святым, почитания икон и мощей, якобы обладающих силой в самих себе, и приоритете Церкви вместо Христа, характерны для популярного народного православия как на Востоке, так и на Западе. Опасность искажения зрелого православного богословия существует во всех православных регионах... Переходя же к проблеме религиозного национализма, следует отметить, что такое явление есть сугубо восточный феномен, так как националистические настроения связаны с православной верой и в основном присутствуют среди представителей *восточных* этнических групп (хотя не только на Востоке, но и на Западе). <...>

В основе религиозного национализма лежит смешение повышенной религиозной чувствительности человека с его националистическими интересами. Национализм зачастую проявляется в убеждениях людей, что какая-то конкретная нация находится к Богу ближе, чем другие, или (в своем экстремальном проявлении) в ложном убеждении, что к какой -то конкретной нации Бог проявляет особое благорасположение. Такие убеждения часто приводят к проведению жесткого различия между своей нацией, как *хорошей,* и другими нациями, как *плохими* или низшими, и ослепляют сознание человека настолько, что он уже не способен отличить религиозные интересы от националистических интересов[182].

Каковы исторические корни национализма? Мы уже отмечали, что со времен императора Константина церковь была подчинена государству. Империя рассматривала себя как «вселенскую» (католическую), объединяющую множество народов. Тогда тенденция к национализму и шовинизму не наблюдалась. С переносом столицы из Рима в Константинополь началось противостояние двух

столиц. После провозглашения Карла Великого императором Римской империи со столицей в Риме и раскола между Западной и Восточной церквями в 1054 году, Византийская империя была ослаблена. В противовес Риму (латинянам) возникло стремление к сохранению именно греческой, а не соборной, вселенской природы Церкви.

Как известно, Русь приняла христианство в 988 году от Византии. По преданию, князь Владимир отправил своих послов в Рим и Константинополь ознакомиться с Западной и Восточной формами христианства. Посланные в Константинополь были настолько захвачены красотой богослужения в кафедральном соборе святой Софии, что они доложили Владимиру следующее: «Мы не знали, где находимся — на земле или на небесах». Владимир избрал не римскую, а византийскую форму христианства.

Восточные Церкви (а именно, Сербская, Болгарская и Русская), ранее входившие в Византийскую империю, стали утверждать свою независимость от Константинополя и рассматривать свое наследие как славянское, а не как наследие греческой Византии. (Одной из причин такого стремления к национальной независимости явилось то, что эти три церкви уже от начала своего основания использовали в богослужебной практике не греческий, а свой национальный язык)... В такой ситуации на Востоке возникла идея, что каждая нация предстоит перед Богом в качестве отдельного духовного сообщества[183].

С взятием в 1453 г. турками Константинополя, православное христианство было обезглавлено. Приблизительно в это же время монголы, пытавшиеся контролировать Россию на протяжении более 200 лет, постепенно были оттеснены из Европы за Урал. Политический взлет России, совпавший с крахом Византийской империи, естественным образом привел ее к убеждению, что будущее православного христианства находится в руках России. Таким образом, среди россиян возникла идея, что отныне новым центром православного христианского мира является российская столица Москва. <...>

Идея о том, что Москва является новым центром православного христианского мира, наиболее впечатляюще выражена в письме русского монаха Фи-лофея Псковского, написанном в 1532 г. царю Василию III, в котором Филофей заявляет следующее: «Церковь старого Рима пала за свою ересь; ворота же второго Рима, Константинополя, были изрублены неверными турками, однако Церковь Москвы, нового Рима, сияет в целом мире ярче солнца. Ты есть всемирный государь, ты должен держать бразды правления в страхе Божьем; бойся Того, Кто предал их тебе. Два Рима пали, третий стоит; а четвертому не бывать. Твое христианское царство уже не будет отдано иному государю»[184].

Такие национальные представления вызывают чувство исключительности и подталкивают к идее, что к русскому народу Бог имеет особое благорасположение .

Главой «Третьего Рима» потом стал жестокий царь Иван IV (Грозный), установивший опричнину, который в гневе убил старшего сына, вместо одного венчания, дозволенного православной догматикой, венчался семь раз, заточил и приказал казнить митрополита московского Филиппа II и т.п. Петр I вообще упразднил патриаршество, заменив его Синодом, и обязал священников доносить

важные сведения, выясненные на исповеди. Но такие вопиющие изъяны в православной жизни не мешали все большему и большему росту национализма.

Из всех наций Восточной Европы и бывшего Советского Союза, Россия имеет наиболее сильные националистические устремления... Более того, Русское православие представляет около половины восточного христианства (более 70 млн. чел.). В результате, русский национализм является главной движущей силой в православном мире[185].

Россия вела много войн, все они совершались с неизменным иерейским благословением — «за Русь святую, за веру православную, за царя-батюшку!» Только Христос оставался в стороне и с печалью смотрел, как называющие себя христианами попирают все святые заповеди. Как в ислам зять Магомета, Али, внес повеление: огнем и мечом насаждай мусульманскую веру, — так силой оружия покорялись и обращались в православную веру народы Сибири. Когда-то православные были вместе с католиками, называясь братьями во Христе. Затем государственные церкви, исполняя волю своих государей, стали благословлять братоубийственные войны. Католические ордена православные не иначе называли, как «псы-рыцари». Победитель этих «псов-рыцарей» на Чудском озере, Александр Невский, возведен в ранг святых. Ему, как и князю Владимиру, который стал «защитником» перед небесным престолом, православный народ отбивает поклоны.

Национализм в России перерастает в великодержавный шовинизм. В царской России в анкетах была графа «какой веры?» Если кто не хотел называть себя православным, то писали «киргиз». Православная вера стала наследственной «верой отцов». Кто изменял «вере отцов», те были ненавидимы и преследуемы. Об этом писали Л. Н. Толстой в романе «Воскресение», Степняк-Кравчинский в книге «Штундист Павел Руденко», Ф. М. Дунаенко в автобиографической повести «До конца претерпевший» и другие. В противовес русскому шовинизму стал расти национализм в нерусских православных народностях. Националистические чувства в каждом народе находили питательную среду в местных преданиях. Дональд Ферберн свидетельствует:

Когда я работал в Грузии, фактически каждый, кто узнавал о том, что я тоже являюсь христианином, рассказывал мне об исторически достоверных событиях того периода, когда в начале IV века на Кавказ пришло христианство. Однако, наряду с рассказами об исторических событиях, мне рассказывали и многочисленные предания о якобы имевших место фактах. Эти «факты» заключались в том, что в I веке в Грузии проповедовали Евангелие апостолы Андрей и Симон Зилот; что одежды, в которые был одет Христос во время распятия и о которых римские солдаты бросали жребий, были перенесены в Грузию и погребены в Мцхете (место нахождения первого грузинского монастыря); что Грузия имеет уникальное отношение к Богу, поскольку Дева Мария является ее духовной заступницей.

Армения, как и Грузия, также имеет предания о раннем периоде истории возникновения христианства на своей территории. Согласно одному из таких преданий в конце III века с небес сошел Христос для того, чтобы явиться Григорию Просветителю, который принес христианство в Армению, и показать ему место, где должна быть возведена первая армянская церковь. Таким образом, в 303 году завершилось строительство первой церкви на том месте, которое якобы

было указано Григорию. Согласно другому преданию, между 35 и 60 годами христианство в Армению было принесено апостолами Фадеем и Варфоломеем. Еще одно предание гласит, что все люди, до смешения языков во время строительства вавилонской башни, говорили именно на армянском языке.

Работая на Украине, я также встречался с подобными преданиями. Наиболее популярное из них гласит, что апостол Андрей, проповедуя на Украине, благословил холмы, на которых впоследствии был построен город Киев. На тех холмах Андрей возвел крест и предсказал, что на этом месте будет построен великий город. Сегодня Андреевский собор находится на месте, где апостол якобы возвел тот самый крест. Согласно другому преданию (которое исторически, возможно, более достоверное, чем первое) несколько делегатов, по пути на Никейский собор (325 г.), проповедовали Благую Весть на юге Украины. Другие же предания утверждают, что святым заступником Киева является не кто иной, как архангел Михаил и что собор Св. Софии (самый старый в Киеве) был построен Богом Отцом по просьбе Девы Марии непосредственно после сотворения мира.

<...> Такие предания подпитывают также и сознание представителей популярного православия верой в то, что именно их нация представляет для Бога уникальную по сравнению с другими народами значимость. В результате этого какая-то конкретная нация может прийти к опасному заключению, что каждый ее представитель автоматически является христианином, поскольку принадлежит к нации, находящейся под наибольшим покровительством Бога[186].

Национализм способствовал распаду СССР на отдельные государства.

Приезд иностранных миссионеров с Запада, часто с неблагоговейными формами служения Богу, привел к сопротивлению всякому иностранному влиянию и способствовал росту крайнего национализма в Русской Православной Церкви.

Оправдывают ли национализм зрелые православные богословы? — Нет. Анализируя их взгляды, Дональд Ферберн пишет:

Лосский утверждает, что перед лицом кафолично-сти и единства Церкви даже сама мысль о национальной Церкви является ошибочной. Мейендорф называет религиозный национализм «бичом современного православия». Шмеман же осмеливается заявить, что религиозный национализм в сущности своей является еретическим понятием о Церкви, поскольку он разделяет людей на «своих» и «чужих» и противоречит кафоличности. <...>

Зернов пишет, что за последние пять веков Православная Церковь была настолько связана с национализмом, что для многих людей православие ограничивается только этнической принадлежностью, и они стали равнодушными к духовному состоянию остальной части мира. Мейендорф утверждает следующее: «Вместо того чтобы культурный плюрализм был в разумной мере использован Церковью, дабы ее послание было услышано и понято лучше, различные национальные кланы используют Церковь для достижения своих собственных целей». Пол О'Каллаган также обращает на это внимание, говоря: «Ясно, что недостаточно быть православным только по рождению или по происхождению. Церковь не может ограничиваться или зависеть от этнического наследия». Тем не менее многие представители популярного православия

заслуживают порицания именно за то, что ставят Церковь в зависимость от этнической принадлежности в угоду своим узким политическим интересам[187].

Такова участь всякой государственной церкви. Государство заставит ее быть лояльной к его политике, так как церковная иерархия, как правило, устрашениями и поощрениями (политика кнута и пряника) подчинена государственному аппарату. В то же время государству очень нужен такой религиозный институт, который бы возбуждал патриотические чувства народа, пусть даже в ущерб заветам Иисуса Христа. Подобное вероисповедание будет поощряться государством, а истинные Христовы исповедники будут притесняемы. Слова апостола Павла исполняются: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12), потому что государство — это не Божие, а мирское учреждение. Так было и при царизме и при социализме.

Проблема национализма становится наиболее очевидной, когда в одном городе имеется несколько противоборствующих национальных церквей. В некоторых городах Западной Украины Русская Православная и Украинская Автокефальная церкви проводят богослужение в одном храме, в одно время, но в разных помещениях. Были даже случаи, когда православные батюшки разных национальностей принародно таскали друг друга за бороды, отстаивая власть над храмом, были случаи и насильственного захвата храмов представителями разных общин.

Дональд Ферберн всеми силами пытается убедить евангельских христиан, что религиозный национализм является не просто искажением зрелого православного богословия, но напрямую противоречит ему. Может быть, ему это и удается, и кто-то будет иметь расположение к зрелому православному богословию, но спасут ли несколько зрелых богословов, притом живших или живущих за рубежом, русское народное православие? Это большой вопрос.

Русский православный патриот свыкся с мыслью, что батюшка — такой же грешник, как и все. С ним можно вместе выпить и побалагурить. Когда одного не совсем трезвого мирянина мы пытались убедить, что батюшка должен жить свято, он с добродушной улыбкой ответил: «Не, не, не! Наш батюшка классный, с ним всегда можно выпить и поговорить на самые чувствительные темы... Таким и должен быть наш русский поп...» Но должен ли батюшка быть таким? Не такие ли батюшки «помогли» русскому народу в свое время из православия опрометью ринуться в атеизм? Хочется напомнить пророческие слова Ф. М. Достоевского: «Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче чем всем остальным во всем мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно *уверуют* в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль»[188].

Хоть А. Кураев пытается убедить протестантов, что преемственность священства продолжает пребывать и на батюшке-пьянице, но евангельские христиане эти аргументы не принимают. Им гораздо больше импонируют слова, написанные в Калининграде (бывший Кенигсберг) на могиле Иммануила Канта: «Если ты говоришь, что познал истину, а живешь не по истине, то ты — враг истины».

Дональд Ферберн главу «Православие и национализм» заканчивает такими словами:

Мы, евангельские христиане, должны обращать внимание не на факты наличия в православии религиозного национализма, но на то, что же православные иерархи делают, чтобы справиться с этой проблемой. Возбуждают ли они националистические настроения православных христиан посредством недозволенного и ошибочного краснобайства относительно христиан из других стран, или они просто позволяют людям считать, что к их нации Бог имеет особую благорасположенность, не сообразуясь с тем, имеют ли люди личную веру во Христа? Противостоят ли православные иерархи тому, чтобы Церковь не была пешкой на арене политической борьбы за власть? Стремятся ли они рассказать своему народу в целом библейскую истину о его ответственности перед Богом и каждому человеку в отдельности о том, что необходимо стать истинным последователем Христа, а не приверженцем шовинистской гражданской религии? Эту главу я хочу закончить тем же утверждением, которым завершил и предыдущую главу: то, каким образом православие реагирует на свои внутренние нерешенные проблемы, обусловливает то, как евангельские христиане, в конечном счете, оценивают православие[189].

Православный шовинизм порождает в приверженцах популярного православия ненависть к другим христианским конфессиям, и не только к деструктивным, но и к стоящим исключительно на евангельском основании. В доказательство познакомим читателя с брошюрой «Баптисты, как наиболее зловредная секта». Заглавие уже говорит само за себя. Кто же издал эту брошюру? Читаем: «Издание Подворья в Москве Русского и на Афоне Свято-Пантелемоновского монастыря, 1994 год». Значит, издатели брошюры — современные монахи. Может быть, и над ее содержанием они потрудились? — Нет. Предисловие нас ведет к более маститым составителям этого апологического православного труда. «Предлагаем вниманию благочестивых христиан, — пишется в предисловии, — эту небольшую брошюру, изданную в свое время оп-тинскими старцами...» Так вот оно что! Знаменитая Оптина пустынь, оказывается и твои смиренные старцы, благословили издание этой брошюры.

В свое время, в конце XX века, в северных городах европейской части России рядом с приглашениями на богослужение с участием нашего христианского камерного ансамбля (а иногда и прямо на них) кто-то старательно расклеивал листовки с кратким содержанием этой брошюры, где стояла подпись — Иоанн Кронштадтский. Сейчас брошюра распространяется без указания авторства, то есть анонимно. Познакомимся с ее содержанием.

На 5-й странице дается историческая справка о происхождении баптистов. Авторы брошюры считают, что баптисты произошли от анабаптистов. Вот какие они приводят сведения:

Эта секта, одна из буйных, есть порождение западной реформации XVI века. Пастор Фома Мюнцер (1523 г.) считал католичество и протестантство не только бесполезными, но даже очень опасными, потому что они исказили заповеди Божий... Последователи Мюнцера все были перекрещены.

Возможно, что кто-то из оптинских старцев мог знать греческий язык и мог подтвердить, что по-древнегречески «Иоанн Креститель» произносится «Иоаннэс Баптистэс», так как греческое слово баптидзо означает «крестить, погружать вводу».

Далее следует пояснение с еще более «сочными» эпитетами:

В числе замечательных лжепророков у анабаптистов в половине XVI века был Мельхиор Гофман, давший свое имя особенной секте; он распространял многие бредни о тысячелетнем царстве и умер в Страсбурге, где был заключен в тюрьму за свои поучения. Но самое сильное и продолжительное влияние своих единоверцев имел Симонид Меннон, Фрисландский католический священник.

Следует обратить внимание, что учение о тысячелетнем царстве Христа на земле, изложенное Иоанном в 20-й главе Откровения, авторы брошюры назвали «бреднями». Как было осуждено учение о тысячелетнем царстве (хилиазм) на II Вселенском соборе (381 год, Константинополь), так этого мнения оптинские старцы придерживаются и сейчас. Да и не только они, в православных семинариях и академиях обучают небуквальному истолкованию Книги Откровение, из которого следует, что мы уже живем в тысячелетнем царстве.

Очень многие анабаптисты мученически заканчивали жизнь, оставаясь верными Христовой правде. Историк церкви Хусто Л. Гонсалес, как мы уже упоминали, приводит данные, что за сто лет после Реформации было больше замучено анабаптистов, чем христиан за три первых века римских гонений.

На 7-й странице авторы брошюры пытаются защитить некоторые догматы, в которых православие отступило от Евангелия. Вот что они пишут:

Баптисты не крестят младенцев, забывая, что в ветхозаветной Церкви было установлено Богом обрезание, в осьмый день по рождении с наречением имени.

Во-первых, «ветхозаветной Церкви» не было, так как Христос сказал: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). Во-вторых, Христос упразднил «закон заповедей учением» (Еф. 2:15). В-третьих, если за основу крещения младенцев брать ветхозаветное обрезание, то оно делалось только младенцам мужского пола. Выходит, что девочек не надо крестить? Абсурд! Во Христе «нет ни мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). В-четвертых, Христос взрослым пришел креститься к Иоанну Крестителю на Иордан и утвердил образ крещения, сказав: «Так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3:15). В-пятых, отцы Церкви IV и начала V веков — Амвросий, Августин, Киприан, Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Назианзин (Богослов) и Иоанн Златоуст — принимали крещение после двадцати лет. В-шестых, приведенное в брошюре место Священного Писания — Деян. 2:38-39 — откосится не к детскому крещению, а к обетованию Духа Святого духовным детям по вере в Иисуса Христа.

Не только Священное Писание, но и патристика опровергает многие обычаи популярного православия. Иоанн Златоуст пишет:

Юноши да украшают себя соблюдением заповедей Божиих и да не уподобляются в злобе Авессалому. Увлечение злом потемняло его разум, признаком чего служит и роскошный рост волос, — потому что волосы есть символ мертвенности. И его волосы послужили для него причиной гибели, так как он повис, зацепившись ими за дуб, как об этом повествует история царей. Но прискорбно то, что и ныне находятся подражатели ему, распускающие длинные локоны и кудри и изысканностью их убранства затемняют искусство женских уборных. Надмева-ясь

своим умом, они и не знают, что больше бесчестят себя (чем украшают), как говорит апостол: муж аще власы растит, бесчестия ему есть (I Кор. XI: 14). Так делали греки, по изображению Гомера, который и называет их — кудреголовыми ахейцами. Так говорят и мудрые из врачей. Итак, будем довольствоваться умеренными волосами для украшения головы по обычаю древних мужей и не будем распускать их по плечам, потому что бесчестит мужа такое дело, как слышали мы сейчас[190].

Дай Господь, чтобы это наставление пошло на пользу длинноволосым послушникам, монахам и священникам.

На 8-й странице брошюры на нас возводится еще одно обвинение:

Баптисты самоуверенно учат, что оправдание человека заключается в одной вере без дел, ссылаясь на то, что Христос принес жертву за грехи людей на все времена, и таким образом обходят молчанием учение о добрых делах Спасителя и апостолов.

Для всех и на все времена оставлено Священное Писание, которое учит, что «вера без дел мертва» (Иак. 2:7). Мы так всех учим, что и добро-то человек по-настоящему может творить, поверив в Иисуса Христа и родившись свыше. «Без веры угодить Богу невозможно», — читаем мы в Евр. 11:6. Если записано ясно, конкретно и доходчиво: «Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8-9), — то как можно учить другому? Наших добрых дел никогда не хватит, чтобы ими заплатить за Кровь Иисуса Христа. А вот спасенный в благодарность Господу встает на путь освящения, посвящает себя Богу и творит добрые дела, только уже не для спасения, а потому что спасен; таким стало его новое сердце, в котором Дух Святой произвел Свой плод (Гал. 5:22-23). Иоанн Златоуст учит:

Избежать наказания можно не за наши добродетели, но по Твоей [Божьей. — *Е. П.]* благодати, потому что избавить от суда зависит от Твоего человеколюбия. Если мы не удостоимся его, то наши дела не в состоянии спасти нас от будущего гнева[191].

Спасительную роль православие, фактически, перенесло с Иисуса Христа на Церковь, заступников, угодников, ставших в народном православии посредниками. Православные даже иногда утверждают, что со дня вознесения Иисуса Христа сама Церковь является воплощенной истиной. Но Священное Писание свидетельствует, что истина — это Бог, Христос, Дух Святой и Священное Писание (1 Ин. 5:20; Ин. 16:13; Ин. 17:17), а Церковь — лишь «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3:15). Говоря простым языком, Церковь — это та гостиница, в которую олицетворяющий Христа милосердный самарянин поместил израненного разбойниками (диаволом и грехами). Поэтому исполненное ненависти обвинение, высказанное на десятой странице исследуемой нами брошюры: «Что же собрание баптистов? Это те, которые говорят, что они истинные христиане, но не суть таковы, а лгут; это сатанинское сборище», — несправедливо и не делает чести ее составителям. Мудрость гласит: «Оскорбление — это бумеранг, который возвращается к тому, от кого исходит».

Иоанн Златоуст по этому поводу учит: «Кто мстит, тот поднимает меч на самого себя»[192].

У нас нет никакого желания отвечать оскорблением на оскорбление, тем более что составителей этой брошюры, наверное, давно нет в живых, но истину мы должны отстаивать, внимая, опять-таки, и научениям Иоанна Златоуста:

Кроток тот, кто и может переносить нанесенные ему самому оскорбления, и защищает несправедливо обиженных, и сильно восстает против обижающих[193].

Ничто так не умилостивляет Бога, как исповедание грехов[194].

Подлинно любомудрой душе свойственно — не мстить за оскорбление себя, но сильно восставать против оскорбляющих Бога[195].

Говоря об иерархии, авторы брошюры как бы косвенно упрекают баптистов за широкое благове-стие. На 11-й странице мы читаем:

В церкви Христовой постановлено три степени священства: епископская, пресвитерская, диаконская. Самозваных учителей апостолы называют «лжеучителями, лукавыми делателями».

Мы не думаем, что оптинские старцы не знают Слово Божье, но, может быть, кто-то позабыл о принципе всеобщего священства, изложенном апостолом Петром: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святый, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет. 2:9). Так что кроме трех степеней священства есть четвертая — благовестник. Благовестниками стали диаконы церкви Стефан и Филипп (Деян. 21:8). На служение благовестника язычников Самим Христом был избран апостол Павел, который свидетельствует: «И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова» (Еф. 4:11-12). Евангелие — это Благая Весть, а евангелист — благовестник. Так что и это обвинение на баптистов несправедливо. Наоборот, апостол Павел говорит: «Горе мне, если не благовествую!» (1 Кор. 9:16).

На 12-й странице брошюры мы встречаем «уникальное» утверждение: «Предание есть Слово Божие». О, если бы это было так! Тогда на протяжении всей данной книги нам не нужно было бы вскрывать противоречия между Священным Писанием и Преданием, а их, к сожалению, очень много.

На 13-й странице брошюры оставлены как повеление слова: «Они [баптисты. — *Е. П.]* должны признать Апостольскую Церковь!» Вот ее-то баптисты и признают. Признают они и следующий пункт из Никео-Цареградского Символа веры: «Верую... во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». Да, именно Апостольская Церковь, три века сохранявшая истину, прошедшая через десять периодов римских гонений, и является образцом для баптистов, а отнюдь не возникшая позднее государственная, Константиновская, Католическая или Православная церковь. Какая разница между ними — об этом было много сказано.

На 15-й странице высказан еще один упрек в адрес баптистов: «Сектанты не почитают святых, потому что по их лжетолкованию в этом заключается обида Бога».

В Священном Писании нам оставлено повеление: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13:7).

Это мы стараемся соблюдать, а прибавлять что-то к Священному Писанию мы не имеем права. Мы также признаем, что молитвы друг за друга имеют силу, тем более, «много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5:16). Но подобные молитвы, как и покаяние нужно совершать при жизни (Де-ян. 17:30). Напомним также еще раз согласные со строгим предупреждением Иисуса Христа слова Иоанна Златоуста:

Пока ты еще дышишь, в последний день, на самой постели, даже лежа при последнем издыхании и оставляя поприще этой жизни, и тогда покайся. Ограниченность времени не стесняет человеколюбие Божие[196].

Только в настоящей жизни возможно покаяние, а на долю будущей остаются угрозы и суд. Послушай, что об этом говорит сам пророк: «Во аде же кто исповестся Тебе» (Пс. VI: 6)[197].

На 17-й странице брошюры опять высказан упрек баптистам:

Вся история христианской Церкви свидетельствует, что во все времена и доныне мощи святых угодников имеют цельбоносную и чудодейственную силу, как благодать Божия, пребывающая в истинной Церкви.

Вот типичный пример воззрений популярного, народного православия, и такой точки зрения придерживались и Иоанн Кронштадтский, и оптинские старцы, через чьи руки прошла эта брошюра. Впрочем, как мы отмечали ранее, далеко не все зрелые православные богословы разделяют точку зрения, что благодать, пребывавшая на святом, продолжает пребывать на его образе или мощах. Так возникают кумиры и фетиши, так язычество проникает в православную церковь. Для исцеления не мощи нужны, а обращение к Слову Божьему, где для всех веков оставлено такое наставление: «Болен ли кто из вас? пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне, — и молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он сод ел ал грехи, простятся ему». Но еще одно условие необходимо исполнить: «Признавайтесь друг пред другом в проступках» (Иак. 5:14-16). Мы можем привести много примеров исцеления по вере именно таким образом без лобзания мироточивых мощей, без кумиров, без фетишей.

Конечно, баптисты не молятся умершим. Единственное общение с умершими, описанное в Библии, — вызывание духов, спиритизм. Библия предостерегает против таких действий, так как ими оскорбляется Бог. Вот чему учит нас Священное Писание: «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них» (Лев. 20:27).

Не приносят пользы и молитвы за умерших. «Человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него. Дорога цена искупления души их, и не будет того вовек...» (Пс. 48:8-9). Ссылаться православным на Вторую Маккавейскую книгу (2 Мак. 12:40-45), где Иуда произнес молитву за павших воинов, когда оказалось, что у них под хитонами нашли вещи, посвященные иамнийским

идолам, бесполезно. Маккавейские книги — это апокрифы. Их нельзя считать богодухновенными, и поэтому в библейский канон они не входят. То же самое можно сказать и о книге Иисуса, сына Сирахова, откуда православные берут слова: «Милость даяния да будет ко всякому живущему, но и умершего не лишат милости» (Сир. 7:36). К тому же, подобное исполнил Давид, когда ради погибшего в сражении Ионафана оказал милость его живому сыну. Наверное, так и надо понимать приведенное высказывание.

Здесь наиболее уместен рассказ Иисуса Христа о богаче и Лазаре. Богач — в аду, Лазарь — на лоне Авраамовом. Просьбы богача бесполезны. Авраам говорит: «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят» (Лк. 16:26). Неужели мы не поверим Иисусу Христу, а доверимся сомнительным апокрифам? Да не будет! Апостол Павел поясняет: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6:7-8).

Также, ввиду особого внимания православных к патристике, придется еще раз напомнить слова Иоанна Златоуста:

Итак, не напрасны ли молитвы святым? Нет; напротив, они имеют великую силу, если и ты содействуешь им... Но так бывает здесь, где еще продолжаются труды и подвиги; а там нет ничего такого, но спасение зависит только от дел[198].

Часто бывает, что нельзя обращаться к самим господам за получением милости и даже беседовать с ними, но наперед служителей их, домоправителей и надзирателей нужно расположить к себе и деньгами, и словом, и всякими способами, чтобы потом чрез них получить просимое. Но у Бога не так; напротив, Он не столько по ходатайству других, сколько по просьбе нас самих склоняется на милость. Здесь и получающий и не получающий может получить пользу; а от людей в том и другом случае мы часто получаем вред... Бог тогда особенно примирится с тобою, тогда особенно подаст тебе, чего ты просишь, когда ты будешь просить сам собою, когда представишь чистую душу, бодрый ум[199].

Верою я хочу спастись, верою, а не делами, чтобы и мне сказал Человеколюбец: «Вера твоя спасла тебя; иди с миром»[200.]

Истощив отрицательные эпитеты в адрес баптистов, авторы брошюры пишут:

Итак, баптисты есть выходцы из отдаленного времени. Они не посланные Богом, а пришедшие сами собой, в качестве самозваных учителей. Отличие их явное: они не дверью вошли, то есть не по преемству от апостолов, а как тати (воры) и разбойники (Ин. 10:1).

Нет, преподобные пустынники, наше происхождение от древних евангельских первоистоков. Иоанн Креститель — первый баптист, от него крещение принял Христос. Преемники Христа — апостолы. Принявшие крещение от апостолов взрослыми по вере являются баптистами, а не православными. Таковыми были многие из отцов Церкви. Да простит вас Господь за все оскорбления в адрес баптистов. Мы знаем, что «незаслуженное проклятие не сбудется» (Пр. 26:2), поэтому, невзирая на многие препятствия, не внимая оскорблениям негативно

настроенных против нас православных, с Божьей помощью возвещаем Евангелие погибшим в грехах людям.

Духовное единение

Проанализировав зрелое православное богословие и популярное, народное православие, Дональд Ферберн старается найти точки соприкосновения евангельских христиан со зрелыми православными богословами. Он пишет:

Евангельские христиане во многом могут согласиться со зрелым православным богословием, и даже многому у него научиться. Православный способ описания Троицы как общения божественных лиц помогает нам избежать тех ошибок, которые свойственны философскому подходу к осмыслению Троицы. Православное понимание и объяснение воплощения, как принятия Богом-Сыном человеческой природы в Свою Личность, более ясно выражает то, во что мы верим. <...>

Более того, нам необходимо понять, что зрелое православие является не просто эклектической смесью христианских и языческих элементов, как иногда считают евангельские христиане. Действительно верным является то, что есть аспекты популярного православия, которые противоречат зрелому православному богословию. <...>

Тем не менее по одному из существенных вопросов христианства (природы и средств спасения) православная мысль расходится с основной идеей евангельских христиан, которая подтверждается Священным Писанием. Мы считаем, что православный взгляд на спасение, как путь от земного мира к небесному, не способен в достаточной мере выделить библейское учение о том, что Бог принимает человека и усыновляет его, как Его чадо, не после определенного периода освящения, а в момент рождения свыше. Более того, поскольку православие настаивает на том, что «обожение» совершается преимущественно посредством Церкви (в особенности через участие в таинствах, молитвы к святым и почитание икон), то оно присваивает Церкви больше полномочий, чем она наделена в Священном Писании. В свете того, что православные верят в непрерывность своего Предания от апостольских преемников и до настоящего времени, евангельских христиан может привести в замешательство тот факт, что православное богословие вообще могло прийти к такому пониманию одного из самых ключевых библейских учений. <...>

Различие между богословием евангельских христиан и православным богословием состоит в том, как они понимают и изъясняют Священное Писание. В этой книге я пытался раскрыть суть этой разницы и объяснить то, каким образом она влияет на понимание христианской веры православными и евангельскими христианами. Конечно, говорить о просто западном и восточном мировосприятии было бы упрощенчеством, поскольку в различных регионах и на Востоке и на Западе можно встретить самые разные подходы к оценке окружающей нас действительности... Тем не менее некоторые общие подходы к оценке окружающей действительности в христианском мире на Востоке и на Западе, несмотря на существование внутри них некоторых различий, были унаследованы от греков и латинян[201].

Из высказываний Дональда Ферберна видно, что между зрелыми православными богословами и евангельскими христианами есть различие в понимании сущности спасения, а расхождений с популярным православием в понимании истин Священного Писания гораздо больше.

Мы не пытаемся быть арбитрами в богословских спорах между католиками и православными — как понимать Троицу, как Божий Сын стал Христом, как воспринимать доктрину *Filioque* и т.п. — на это мы, может быть, получим точный ответ только в вечности. Здесь лучше прислушаться к совету Моисея: «Сокрытое принадлежит Господу, Богу нашему, а открытое нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего» (Вт. 29:29). Но в вопросе спасения нам необходимо иметь ясное библейское понимание. Дональд Ферберн пытается объяснить расхождение в понимании спасения влиянием различных культур. Он пишет:

Существует мнение, что якобы искаженные акценты в православии на самом деле являются вовсе не искажениями. Евангельским христианам, в силу их особенного подхода к Священному Писанию и неспособности увидеть влияние православного подхода к истолкованию Библии, такие акценты кажутся просто искажениями. Однако можно утверждать и другое, то есть — что оправдание в Библии подчеркивается не больше, чем «обожение», и что акценты евангельских христиан и православных на этих идеях являются следствием восприятия реальности через «линзы» разных культур. Если это действительно так, то восточное и западное богословия можно рассматривать как полностью приемлемые выражения библейской истины, однако каждое в своем собственном культурном окружении. <...>

Многие миссиологи, изучающие различные формы, которые принимает христианство в разных культурах, настаивают на том, что не следует стремиться к единому универсальному подходу к христианской жизни для всех культур, поскольку в каждой конкретной культуре может возникать свой индивидуальный подход[202]

Мы не можем согласиться с «миссиологами» в том, что культура имеет такое сильное влияние на понимание Библии. Может быть, где-то это и произошло, но библейская истина все же должна оставаться неизменной и сама оказывать влияние на культуру, а не наоборот. Если написано: «Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем», — то это апостол Павел написал для всех культур. Дальше Дональд Ферберн дает более конкретное пояснение:

Христианство не должно просто и без раздумий приспосабливать Благую Весть к культуре. Необходимо, чтобы христианство критически оценивало каждую культуру. Как христиане мы не можем предположить, что вообще какая-либо из культур имеет под собой библейское основание[203].

Не культурный аспект должен играть главную роль в объединении христиан, а духовное единство, которое может быть только у рожденных свыше исповедников Евангелия Господа Иисуса Христа. В первосвященнической молитве Христос выразил условие данного единства: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21). У евангельских христиан есть очень известный молитвенный гимн с такими словами:

Яви Ты миру чудо: Единство Ты создай В Твоих детях повсюду И мир Твой вечный дай!

Однажды мы с христианским камерным ансамблем совершали служение в одной из общин. После пения упомянутого гимна встал почтенный старец и, обращаясь ко мне, спросил: «Скажи, дорогой брат, совершится ли это чудо, создаст ли Господь единство?» Пришлось ответить: «Бог его уже создал, но только в Своих детях». Все человеческие договоры, декларации, ассоциации, согласия не могут быть условием единства в Духе. Богословы называют такие объединения «единством по горизонтали». Духовное единство — это Божье деяние «по вертикали». Детям одного отца не надо договариваться иметь родственные отношения. Они их имеют в отце. Точно также, если я являюсь дитятей Божиим и мой брат по вере тоже дитя Божие, то нам не надо заключать никаких союзов — мы духовно едины.

В Библии Бог многократно говорит о единстве Своего народа. В Египте центром единения Израиля стал агнец, кровью которого в пасхальную ночь были помазаны косяки дверей, чтобы ангел-губитель прошел мимо и не поразил никого из израильтян. Этот агнец, испеченный на огне, весь съедался с пресным хлебом и горькими травами. Он был прообразом Иисуса Христа. Когда израильтяне вышли из Египта, то на горе Хорив Бог дал им через Моисея закон, а также показал образец скинии, которая была потом построена и служила местом общения Израиля с Богом. Потом в сердце Давида появилось желание построить храм в Иерусалиме, но построил его Соломон. Местом для постройки храма стала гора Мориа, где Авраам проявил верность Богу, решившись сына Исаака принести в жертву, чего, конечно, Бог не допустил. Долгое время храм был местом единения и поклонения Богу для всего Израиля. Навудохоно-сор разрушил храм, и 70 лет иудеи были в плену. После вавилонского плена Бог положил на сердце Зоровавелю и Иисусу Иоседекову восстановить храм. Неемия и Ездра много потрудились, чтобы обустроить Иерусалим и возобновить служение Богу. Удивительно, что из вавилонского плена пожелали возвратиться только 42 тысячи иудеев, а остальные предпочли оставаться в Вавилоне. Израильтяне очень ценили храм. Три раза в году весь мужской пол должен был являться в храм для поклонения Богу. Израильтяне были уверены, что Палестина — центр земли, Иерусалим — центр Палестины, храм — центр Иерусалима, Святое-святых — центр храма. В 70-м году нашей эры римский полководец Тит Флавий разрушил Иерусалим. Храм был сожжен.

В беседе с самарянкой Иисус пояснил: «Наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу; вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев; но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4:21-24). Только рожденный от воды (от Божьего Слова) и от Духа Святого может поклониться Богу в духе и истине. Истина — Бог, Иисус Христос, Дух Святой и Божье Слово. Иисус молил Отца Небесного об учениках и об уверовавших по слову их: «Освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина» (Ин. 17:17). Если Слово Божье — истина, то поклонения в истине без Божьего Слова не может быть.

Из поклонников Богу в духе и истине Христос создает Церковь, которую «врата ада не одолеют» (Мф. 16:18). Греческое слово, переводимое на русский как

«церковь» —экклесиа. Его основное значение — «собрание», но первоначально оно означало группу людей, вызванных с какой-то целью. Похоже, когда оно было отнесено к христианской Церкви, этот нюанс вновь оказался значимым, так что Церковь — это вызванные из мира.

В день Пятидесятницы на учеников Иисуса Христа сошел Дух Святой. Церковь стала местом Его постоянного обитания. Этот день считается днем рождения Церкви Христовой. В Церковь принимаются души, рожденные от Слова Божьего и от Духа Святого, но сама Церковь души не возрождает. Спасает только Христос, а не Церковь. В этом состоит фундаментальное различие догматики евангельских христиан и православных.

Исполнилось слово пророка Исайи о месте обитания Бога: «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, — Святый имя Его: Я живу на высоте небес и во святилище, и также с сокрушенными и смиренными духом, чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных» (Ис. 57:15). Но чтобы Бог жил в сердце, чтобы увидеть Его, нужен особый орган зрения — сердце чистое. Иисус сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). От природы ни у кого из людей чистого сердца нет. Некоторые православные ставят под сомнение наличие первородного греха, но еще в древности Иов задает вопрос: «Кто родится чистым от нечистого? — и отвечает: — Ни один» (Иов 14:4). Давид подтверждает: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50:7).

От земных родителей мы рождаемся не по собственному желанию. А для рождения свыше нужно желание, вера, осознание своей вины (раскаяние) и покаяние (поворот к Богу). Христос сказал: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1:15). Это вера в милость Бога, явленную в Иисусе Христе, вера в прощение грехов, в очищение от них сердца при исповедании, вера в спасение и усыновление Богом. Как и православные, мы признаем, что Бог сотворил человека со свободной волей. Иисус в Духе Святом хочет войти в наше сердце, но Он ждет, когда мы сами откроем для Него сердечную дверь. Он говорит: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним и он со Мною» (Отк. 3:20). Иисус Христос все сделал для нашего спасения, но дверь сердца открывается ключом покаяния, этот ключ не в руке Господа, а в нашей.

Слова из Отк. 3:20 относятся и к тем, кто оставил первую любовь к Богу, отошел от Него, совершив грехи против Духа Святого: огорчение (Ис. 63:10), угашение (1 Фес. 5:19), оскорбление (Еф. 4:30). Подобное переживал Давид после тяжелого согрешения. Он пишет: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди меня» (Пс. 50:12-14). Что нужно делать в этой ситуации? Давид отвечает и на этот вопрос: «Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50:19).

Войдя в наше сердце, Дух Святой преображает его. В очищенном Кровью Христовой сердце Он творит плод (Гал. 5:22-23). Наше сердце становится новым, и только с таким сердцем, отрекшись от эгоистического, плотского «я», мы способны творить добрые дела, но не для спасения, так как мы уже спасены, а потому что мы такими, расположенными к добру, стали по своей сущности.

Конечно же, Дух Святой сразу дарит свидетельство спасения и усыновления (Рим. 8:16-17).

Нужно обратить внимание, что глагол «свидетельствует» употреблен в настоящем времени. Не где-то, когда-то мы узнаем о своем прощении, как учат православные, но мы знаем о нем с момента искреннего покаяния, родившись свыше. Спасенные, мы предаемся в безраздельное руководство Духу Святому. Сердце радостно твердит: «Да будет воля Твоя!» Бог исполняет нас Духом Святым при нашем большом желании (Ис. 44:3) и повиновении Ему (Деян. 5:32).

Мы встали на путь освящения. Дух Святой ведет нас по пути возрастания в благодати (2 Пет. 3:18), преображая в образ Иисуса Христа. Апостол Павел имел дерзновение сказать даже так: «И воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф. 2 :6). Все глаголы здесь употреблены в совершенном виде — это очень важно.

Эти действия — освящение, возрастание в благодати, преображение в образ Иисуса Христа — православные назвали «обожением». Но огромная разница заключается в том, что Господь совершает Свое действие в нас как в спасенных здесь, на земле, а не как в тех, кто только будут (или не будут) «обоженными» и спасенными.

Только спасенные, рожденные свыше имеют духовное общение и неизменную радость бытия. Не евхаристия делает их членами Церкви Христовой, а наоборот, только члены Церкви Христовой могут участвовать в евхаристии, быть причастниками всех обетовании, завещанных Христом. Только тогда тайная вечеря становится такой, как описано евангелистами. Так у евангельских христиан достигается общение Духа покаявшихся, принявших крещение по вере взрослыми, рожденными свыше. Не название делает нас причастниками небесного звания, а сущностное Божье усыновление. Иоанн пишет: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его (1 Ин. 3:1).

В православии клир и монахи — это незначительная часть церкви, а основная масса называется не иначе, как прихожане или миряне. Спросите любого из них: «Вы спасены?» Вам ответят: «Нет, я — грешник». Какое же может быть духовное общение с неспасенным, а значит, с нерожденным свыше? Спасение — это дар Божий. За подарок не расплачиваются, не пытаются заслужить его, но принимают с благодарностью и стараются не потерять.

Конечно, со своей стороны мы не должны быть бездейственными, так как Христос сказал: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Здесь вполне можно использовать православный термин «синергия» (взаимодействие двух воль, Божьей и нашей), так как все равно своею силой без Божьего содействия мы ничего не достигнем, и нам можно хвалиться только Господом, а не какими-то своими достижениями (Иер. 9:24; 1 Кор. 1:31). Поэтому у возрожденного христианина всегда должно присутствовать нищенство духом (Мф. 5:1), а не самодовольство, так как «праведность наша — как запачканная одежда» (Ис. 64:6). Одежду праведности мы получаем только по милости Божьей. Исайя пишет: «Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня, как на жениха

возложил венец и, как невесту, украсил убранством» (Ис. 61:10). Конечно, невеста очень старается хранить свое убранство, так надо беречь и нам одежду праведности.

В Послании к евреям мы имеем предостережение: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12:14). Христианское представление о святости имеет корни в Ветхом Завете. Там использовалось еврейское слово «кадош», буквально означающее «отделенный». Таким образом, святой — это человек, отделенный от греховного мира, того мира, про который Иоанн пишет: «Мы знаем... что весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19).

Трудно быть окруженным грехом и не погрузиться в грех. Иоанн также призывает: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин. 2:15). Проповедник Дуайт Мооди сказал: «Христианин должен уподобиться лодке, плывущей по морю. Лодка в море, но моря в лодке не должно быть». С этим греховным миром христианину надо стараться жить в мире, он должен быть миротворцем. «Блаженны миротворцы, — завещал Христос, — ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9).

Греховный мир иногда согласен помириться с нами, но он обязательно хочет, чтобы мы хотя бы немножко поступились святостью. А вот этого делать нельзя, так как без нее никто не увидит Господа. Стоит еще раз внимательно прочитать Евр. 12:14: «.. .без которой *[подчеркивание. —Е.* Л.] никто не увидит Господа». Написано не «без которых», то есть без мира и святости, но «без которой». Слова «старайтесь иметь мир» уже говорят о том, что это не всегда возможно. Апостол Павел уточняет: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12:18). Когда же мы не поступаемся святостью, то зачастую исполняются слова: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12). Псалмопевец повествует: «Я мирен: но только заговорю, они — к войне» (Пс. 119:7).

И все же, мы призваны, ненавидя зло этого мира, любить людей, если даже они очень злы, так как они — Божье творение, гибнущее во грехах. Основное выражение нашей любви — проповедь Евангелия. Иисус Христос дал повеление апостолам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15). Апостолы исполнили это повеление. Мы читаем: «И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедовали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями» (Мк. 16:19-20). Попутно следует заметить, что Христос не завещал уходить в пустыни, жить в пещерах, устраивать монастыри, потому что должно быть исполнено Его пророчество: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Мф. 24:14).

Ключом для понимания Ветхого Завета является 1 Кор. 10:11: «Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков». Очень поучительным для нас является поведение Моисея, который ни на йоту не отступил от Божьих повелений в угоду фараону. Сначала фараон наотрез отказался отпустить Израиль совершить служение Господу в пустыне. Его ответ: «Кто такой Господь, чтоб я послушался голоса Его и отпустил Израиля? я не знаю Господа и Израиля не отпущу» (Исх. 5:2). Бог смиряет фараона, и он делает уступку, соглашается, чтобы Израиль совершил служение

Господу в Египте (Исх. 8:25). Моисей не соглашается. Потом Бог опять смиряет фараона, и он делает еще одну уступку: «Не уходите далеко» (Исх. 8:28).

Израиль — прообраз Церкви, Египет — прообраз мира, фараон — олицетворение диавола. Диавол не хочет видеть нас отделенными от мира (святыми).

Ответ Моисея был таков: «Мы пойдем в пустыню, на три для пути, и принесем жертву Господу, Богу нашему, как Он скажет нам» (Исх. 8:27). Очень важно поступать так, как скажет Господь. Бог еще смиряет фараона. Теперь он задает Моисею вопрос: «Кто же и кто пойдет?» И сказал Моисей: «Пойдем с малолетними нашими и стариками нашими, с сыновьями нашими и дочерями нашими, и с овцами нашими и с волами нашими пойдем, ибо у нас праздник Господу. Фараон сказал им: пусть будет так, Господь с вами! я готов отпустить вас: но зачем с детьми? Видите, у вас худое намерение» (Исх. 10:8-10).

Диавол никогда не имел желания видеть в Церкви молодое наследие. Сила христианства — в преемственности. Чтобы в Церкви были дети, многие братья и сестры прошли через тюрьмы.

Бог еще смиряет фараона. На сей раз фараон готов и детей отпустить. «Пусть только останется мелкий и крупный скот», — говорит он (Исх. 10:24). Почему же и на эту уступку Моисей не соглашается? Да потому, что все ветхозаветное служение Богу было основано на жертвоприношении. Для нас это прообраз того, чтобы, выходя из мира, мы не оставили в нем свои способности и таланты, ими мы должны служить Господу.

Бог совершает последнюю казнь над Египтом — поражение египетских первенцев. Сопротивление фараона сломлено. Призвав Моисея и Аарона, он говорит: «Встаньте, выйдете из среды народа моего, как вы, так и сыны Израилевы, и пойдите, совершите служение Господу, как говорили вы» (Исх. 12:31).

Бог явил Свое могущество. Он силен и сейчас защитить тех, кто не поступятся святостью в угоду миру. «Миряне» не могут быть в Церкви, потому что они живут по-мирски. Но дети Божьи должны стремиться иметь мир со всеми. Мы не помним ни одного случая, когда евангельские христиане-баптисты гнали православных, зато от православных они испытывали много различных притеснений. Мы считаем, что и православным нужно возвещать Евангелие, так как они его знают очень слабо, не говоря уже обо всей Библии. Да и дискуссировать письменно с православными мы решились потому, что они первые выпустили несколько книг против протестантов и, в частности, против евангельских христиан-баптистов.

Для нас Библия — это Священная Истина, а истину мы должны защищать. Мы были бы весьма рады, если бы православные священники стали больше подвизаться в проповеди живого Божьего Слова, как Иоанн, прозванный за это Златоустом. Мы и дальше, если возможно, намерены иметь мир с православными, но опять же — не за счет святости. В единстве духа мы будем только тогда, когда православные поймут, что Библия — это первооснова, самодостаточный источник истинной веры, а предания — нечто вторичное, их необходимо проверять библейским отвесом. Здесь очень уместны слова апостола Павла: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5:21).

Мы были рады обратиться к трудам зрелых православных богословов и принять некоторые их выводы, не противоречащие Библии. Вникая в догматику православия, мы что-то вспомнили, что-то заново прочитали из патристики. Многие поучения, особенно Иоанна Златоуста, на наш взгляд, в наш бездуховный век очень полезны искренним искателям истины. В противовес спешке, суете, бизнесу, любостяжанию, эгоцентризму так благодатно звучат его наставления, направляя душу от тщеты земной в горний мир. Заканчивая книгу, хочется извлечь еще несколько жемчужин из общехристианской духовной сокровищницы.

Предметы настоящей жизни подобны сновидениям, теням и даже ничтожнее; они лишь только являются, и уже исчезают, и при самом явлении причиняют много беспокойства имеющим их; а надежда на Бога вечна, неизменна, непостижима, неизменчива, способна доставить совершенную безопасность и сделать непобедимым того, кто содержит ее тщательно и с надлежащим расположением[204]

Бедность есть мать любомудрия, и это каждый день открывается на опыте[205]

Пусть никто не плачет, подвергаясь сиротству и бедности, потому что в какой мере возрастают они, в такой же мере увеличивается и помощь Божия. Пусть никто не превозносится своею властью и не надмевается; это — скользкое и опасное место, на котором очень легко могут упасть невнимательные[206]

Страшитесь — вы, которые обижаете бедных. Вы имеете власть, богатство, деньги, благосклонность судей; но они имеют оружие, которое сильнее всего, — воздыхание, слезы и терпение обид, чем и привлекают к себе помощь небесную[207].

Для чего вы бездумно обольщаетесь телами? Для чего жаждете славы? Для чего гоняетесь за удовольствиями? Ничто из всего этого не остается всегда и не живет постоянно, но все уходит и проходит, все — ничтожнее тени, обманчивее сновидений, увядает скорее осенних цветов; одно оставляет нас вместе с настоящей жизнью, а другое погибает еще раньше. Овладение этими вещами ненадежно, наслаждение непрочно, превращения быстры. Но в Боге нет ничего подобного. Он живет и пребывает вечно[208]

Ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отвращает ее от земли, не избавляет от тела, не располагает любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь[209].

Те, которые призывают Давида с псалтирью, чрез него призывают к себе Христа[210].

Как приятны для души такие наставления! Также полезны размышления и современных зрелых глубокомысленных богословов. Но здесь нужна определенная осторожность — разум и сердце подсказывают, что неполезно входить в «великое и недосягаемое» (Пс. 130:1). Больному срочно нужно найти самое нужное, самое действенное и в то же время самое доступное лекарство. Грешнику нужен Христос и «чистое словесное молоко», дабы от него он мог «возрасти во спасение» (1 Пет. 2:2).

Когда у нас в стране началась перестройка, то благовестники нашего братства вместе с В. Я. Фотом, который вскоре отошел в вечность, выяснили, что в Сибири и на Дальнем Востоке тридцать одна малая народность не слышала евангельской проповеди. Продолжительность человеческой жизни, зачастую, мала. Что для них необходимо? Вселенские соборы, патристика, иконы или Евангелие? Конечно же — Евангелие. Мы даже обращенным не предлагаем сразу всю Библию. Даже Евангелие кто-то не успеет прочитать полностью до того, как уйдет в вечность. Все остальное — потом, а сначала необходимы покаяние и вера в Евангелие. Ожидать постройки храма с иконостасом, литургией, обрядовым служением, с заступниками и святыми, ушедшими в вечность, в условиях Заполярья было бы самой неразумной утопией. Сегодня почти всем из этих малых народностей проповедано Евангелие. Многие приняли Христа как своего личного Спасителя. Кто-то спасенным ушел в вечность, другие в радости изучают Евангелие и славят Бога. Из ненцев и чукчей уже есть рукоположенные священнослужители.

Стоит поразмыслить над тем, что в первые три века у Церкви не было ни патристики, ни монахов, ни иконописи, ни пышных храмов, ни разодетых архиереев, ни вселенских соборов, ни тому подобного, но было Евангелие, была Библия, и Церковь росла количественно и качественно, укреплялась в вере и, главное, сохраняла независимость от мира, повинуясь только Христу. А теперь представьте себе: если бы у Церкви было все разветвленное Предание, но не было только евангельской проповеди, — были бы спасенные? Конечно, нет. Вот к этому духовному благоразумию хочется призвать всех людей, в том числе и православных, чтобы сначала искали спасения, а потом, если Бог продлит жизнь — всего остального. Враг души стремится оттянуть миг покаяния. Этим он смог погубить множество душ.

Мы все молимся молитвой «Отче наш, Сущий на небесах, да святится имя Твое, да придет Царствие Твое...» Но чтобы пришло Царствие Божие, необходимо исполниться пророческим словам Иисуса: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Мф. 24:14). Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:4). Конечно, не все пожелают принять Евангелие, но всем нужно сказать «во свидетельство», чтобы на суде у белого престола ни один из грешников не сказал: «Я не слышал вести о спасении». На нас Господь возложил эту миссию. Как мы ее исполняем? Пророку Иезекиилю Бог говорит: «И тебя, сын человеческий, Я поставил стражем дому Израилеву, и ты будешь слышать из уст Моих слово и вразумлять их от Меня. Когда Я скажу беззаконнику: "беззаконник! ты смертью умрешь", а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, то беззаконник тот умрет за грех свой, но кровь его взыщу от руки твоей» (Иез. 33:7-8).

Стоит задуматься над этим строгим предупреждением и вам, православные. Вам бы первым нужно подвизаться в проповеди Евангелия и нести людям Слово Божие. Наш народ гибнет в грехах, ему нужно духовное возрождение. Его не возродят ни угодники, ни заступники, ни обряды, ни предания. Народу нужен живой Христос, Его Евангелие, чтобы реально родиться свыше через покаяние и начать жить по Божьим заповедям. Вместо того чтобы широко проповедовать Евангелие и способствовать распространению Благой Вести через ревнующих в деле благовестил христиан, православные благочинные, пользуясь связью с административными государственными органами, нередко запрещают

проповедовать Евангелие людям лишь потому, что это делают не православные, а верующие других деноминаций.

Да, вы правы в том, что есть эйфорические искажения евангельской проповеди. Но не надо, как говорят, всех мерить одним аршином. Вам, православные, Бог дал разум. Не запрещайте совершать благовестив тем проповедникам, которые искренне преподают Слово Божие, не прибавляя к нему и не убавляя от него. Всем, кто чинит запреты на евангельскую проповедь, мы напомним слова Гамалиила, обращенные к синедриону: «Мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих [об апостолах. — *Е. П.],* что вам с ними делать... И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5:35, 38-39).

Увещанием апостола любви хочется закончить эту книгу: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе: Сей есть истинный Бог и жизнь вечная. Дети! храните себя от идолов. Аминь» (1 Ин. 5:19-21).

Из книги изд-ва «Библия для всех», 2011

Примечания

1. Белинский В. Г. «Письмо к Гоголю» // *Избранное* (М.: «Московский рабочий», 1954). С. 525-526, 530.
2. Гонсалес Х. Л. *История христианства.* (СПб.: «Библия для всех», 2001). Т. 1. С. 76.
3. Там же.
4. Кобзарь С. *Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом* (Славянск: «Печатный двор», 2002).
5. Кураев А. *Протестантам о Православии* (М.: «Подворье Свято-Сергиевской лавры», 1997).
6. Ферберн Д. *Иными глазами. Взгляд евангельского христиа нина на Восточное Православие* (СПб.: «Библия для всех», 2008). С. 65.
7. Там же.
8. Там же. С. 27.
9. Марцинковский В. Ф. *Соловьев и Евангелие* (М.: «Протес тант». 1992). С. 47.
10. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 8.
11. Там же. С. 7.
12. Там же. С. 229.
13. Там же. С. 8.
14. Гонсалес Х. Л. *История христианства.* Т. 2 (СПб.: «Биб лия для всех», 2002). С. 53.
15. Там же. С. 53, 58.
16. Журнал «Гость», 2008, № 6 (33).
17. Кобзарь С. *Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом.* С. 164.

18. Там же. С. 170.
19. Уайтфорд Дж. *Только одно Писание?* (Нижний Новгород: «Изд-во Братства во имя Св. князя Александра Невского», 2000). С. 23.
20. Цит. по Бахметеева А. Н. *Рассказы из церковной истории* (М.: «Изд-во А. А. Ступина»). С. 187-188.
21. Августин Блаженный. *Христианская наука* (Киев, 1835); цит. по Уайтфорд Дж. *Только одно Писание?*
22. *Кураев А. Протестантам о Православии. С. 11.*
23. *Там же. С. 12.*
24. *Там же. С. 231.*
25. *Гонзалес Л. X. История христианства. Т. 2. С. 33.*
26. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 28.
27. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 21-22.
28. Иоанн Златоуст. *Полное собрание творений.* Т. VIII (СПб.: «Изд. С.-Петербург. Духовной Академии», 1902). Кн.2. С.769.
29. Там же. С. 699.
30. Там же. С. 972.
31. Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений в 15 томах* (Ле нинград: «Наука», 1991). Т. 9. С. 183.
32. Там же. С. 330.
33. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 250.
34. Там же. С. 251-253.
35. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 78.
36. Там же. С. 79-80.
37. Там же. С. 78.
38. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 17.
39. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 81.
40. Там же. С. 102.
41. Горохов М. Г. *Книга насущных вопросов о православной вере* (М.: «АРБОР», 1998). С. 54-55.
42. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 93.
43. Там же. С. 83.
44. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 222.
45. Цит. *но Деяния Вселенских соборов.* Т. 8 (Казань: «Центральная типография», 1909). С. 284-285; орфография изменена на современную.
46. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 95.
47. Там же. С. 107.
48. Там же. С. 106.
49. Там же. С. 107.
50. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 171.
51. Там же.
52. Там же. С. 172.
53. Там же. С. 131.
54. Там же.
55. Там же. С. 176-177.
56. Там же. С. 177.
57. Там же. С. 178-179.
58. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 99.
59. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 214-217.
60. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 104-105.
61. Там же. С. 107.
62. Там же. С. 168.

63. Ферберн Д. *Иными глазами,* 159-160.
64. Иоанн Златоуст. *Полное собрание творений.* Т. V (СПб.: «Изд. С.-Петербург. Духовной Академии», 1899). Кн. 1. С. 239.
65. Там же. Кн. 2. С. 589.
66. Там же. С. 615-616.
67. Там же. С. 651-652.
68. Там же. С. 700.
69. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 61-62.
70. Там же. С. 163.
71. Там же. С. 164-165.
72. Кураев А. *Протестантам о Православии,* сноска к с. 148.
73. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 165.
74. Там же. С. 165-166.
75. Там же. С. 167.
76. Там же. С. 217.
77. Там же. С. 218.
78. Там же. С. 218-219.
79. Там же. С. 219-220.
80. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 196.
81. Там же. С. 196-197.
82. Каргель И. В. *Собрание сочинений* (СПб.: «Библия для всех», 1997).
83. Горохов М. Г. *Книги насущных вопросов о православной вере.* С. 90.
84. Бахметеева А. Н. *Рассказы из истории христианской Церкви* (М.: «Издательство А. А. Ступина»). С. 91.
85. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 77-78.
86. Там же. С. 79.
87. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 160.
88. Там же. С. 162-163.
89. Там же. С. 164.
90. Там же. С. 165.
91. Там же.
92. Там же. С. 168-169.
93. Там же. С. 176.
94. Иоанн Златоуст. *Полное собрание творений.* Т. II (СПб.: «Изд. С.-Петербург. Духовной Академии», 1896). Кн. 1. С.227.
95. Там же. Т. V. Кн. 1. С. 296.
96. Там же. С. 297.
97. Там же. С. 298.
98. Там же. С. 384.
99. Там же. С. 408.
100. Там же, кн. 2. С. 501.
101. Там же, с. 533.
102. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 30-31.
103. Там же. С. 32-33.
104. Там же. С. 33-34.
105. Там же. С. 36.
106. Там же. С. 36-37.
107. Горохов М. Н. *Книга насущных вопросов о православной вере.* С. 40.
108. Там же. С. 42.
109. Там же. С. 62.
110. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 200-201.
111. Там же. С. 203-205.

112. Там же. С. 207.
113. Там же. С. 209.
114. Там же. С. 221-222.
115. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 107.
116. Там же. С. 106-107.
117. Там же. С. 107-108.
118. Там же. С. 110-111.
119. Там же. С. 222-225.
120. Там же. С. 90.
121. ЛосскийВ. Н. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви* (М.: «Центр СЭИ», 1991). С. 75.
122. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 91-97.
123. Там же. С. 108-109.
124. Там же. С. 97-98.
125. Там же. С. 99-100.
126. Там же. С. 101-102.
127. Там же. С. 102-103.
128. Шевченко А. *Христос* (Киев: «Наука і освгга», 2007). С. 22.
129. Там же. С. 32.
130. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 113.
131. Там же. С. 115.
132. Там же. С. 117-118.
133. Там же. С. 119.
134. Мережковский Д. С. *Собрание сочинений в 4-х томах* (М.: «Правда», 1990).
135. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 194.
136. Там же. С. 124-126.
137. Там же. С. 130.
138. Там же. С. 21.
139. Там же. С. 23.
140. Там же. С. 146-149.
141. Сковорода Г. С. *Избранное* (М.: «Мысль», 1972). С. 92.
142. Там же. С. 191.
143. Там же. С. 91.
144. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 152-153.
145. Там же. С. 191.
146. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 51-52.
147. Там же. С. 53.
148. Там же. С. 54.
149. Там же. С. 57.
150. Ферберн Д. *Иными глазами. С.* 201-202.
151. Там же. С. 202-205.
152. Там же. С. 212-213.
153. Там же. С. 226-229.
154. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 27.
155. Там же. С. 35.
156. Каргель И. В. *Собрание сочинений* (СПб.: «Библия для всех», 1997). С. 483.
157. Там же. С. 484-485.
158. Овсянников М. Ф. *Философия Гегеля* (М.: «Изд-во социально-экономической литературы», 1959). С. 261.
159. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 44.

160. Там же. С. 44-45.
161. Там же. С. 60.
162. Там же.
163. Там же. С. 61.
164. Там же. С. 70-71.
165. Там же.
166. Там же. С. 71.
167. Там же. С. 119-120.
168. Там же. С. 121.
169. Там же. С. 134.
170. Там же. С. 139.
171. Там же. С. 150.
172. Там же. С. 158.
173. Журнал «Гость», 2008, № 5 (32). С. 29.
174. Там же.
175. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 159.
176. Там же.
177. Там же. С. 229.
178. Там же.
179. Лютер М. *Краткий катехизис* (Duncanville, USA: «Фонд "Лютеранское наследие"», 2000). С. 7.
180. Кураев А. *Протестантам о Православии.* С. 159.
181. Там же. С. 262.
182. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 230.
183. Там же. С. 233.
184. Там же. С. 239-240.
185. Там же. С. 238.
186. Там же. С. 236-238.
187. Там же. С. 234-236.
188. Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений в 15 томах* (Ленинград: «Наука», 1989). Т. 6. С. 546.
189. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 242-243.
190. Иоанн Златоуст. *Полное собрание творений.* Т. V. Кн. 2. С. 786-787.
191. Там же. Кн. 1. С. 408.
192. Там же. С. 207.
193. Там же. С. 420.
194. Там же. С. 488.
195. Там же. С. 45.
196. Там же. Кн. 2. С. 652.
197. Там же. С. 700.
198. Там же. Кн. 1. С. 239.
199. Там же. Кн. 2. С. 589-590.
200. Там же. С. 615-616.
201. Ферберн Д. *Иными глазами.* С. 244-246
202. Там же. С. 247-248.
203. Там же. С. 249.
204. Иоанн Златоуст. *Полное собрание творений.* Т. V. Кн. 1. С. 27-28.
205. Там же. С. 32.
206. Там же. С. 132.
207. Там же. С. 142.
208. Там же. С. 160-161.
209. Там же. С. 151.

210. Там же. С. 153.